САВИТРИ

Легенда и Символ

Шри Ауробиндо

САВИТРИ

Легенда и Символ

публикация на сайте integral-yoga.narod.ru

© 2023 Перевод Леонида Ованесбекова

Оглавление

Книга Восьмая КНИГА СМЕРТИ 7

Песня III СМЕРТЬ В ЛЕСУ 7

Книга Девятая КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ 17

Песня I К ЧЁРНОЙ ПУСТОТЕ 17
Песня II ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЕЧНОЙ НОЧИ И ГОЛОС ТЬМЫ 37

Книга Десятая КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ СУМЕРЕК 63

Песня I МЕЧТА СУМРАКА ОБ ИДЕАЛЕ 63
Песня II ЕВАНГЕЛИЕ СМЕРТИ И ТЩЕТА ИДЕАЛА 77
Песня III СПОР ЛЮБВИ И СМЕРТИ 101
Песня IV ГРЁЗЫ СУМРАКА О ЗЕМНОЙ РЕАЛЬНОСТИ 137

Книга Одиннадцатая КНИГА ВЕЧНО ДЛЯЩЕГОСЯ ДНЯ 187

Песня I ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ: ВЫБОР ДУШИ И ВЫСШЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ 187

Книга Двенадцатая ЭПИЛОГ 263

Эпилог ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ 263

Приложение. Неиспользованные фрагменты Савитри 283

[Книга II, Песня 6] Царства и Боги более Высокой Жизни 283
[Книга II, Песня 7] Спуск в Ночь 291
[Книга IV, Песня 2] Рост Пламени 295
[Книга V, Песня 3] Сатьяван и Савитри 299
[Книга VI, Песня 2] Путь Судьбы и Проблема Боли 301

Book Eight
THE BOOK OF DEATH

Canto III
DEATH IN THE FOREST

Now it was here in this great golden dawn.
By her still sleeping husband lain she gazed
Into her past as one about to die

Looks back upon the sunlit fields of life
Where he too ran and sported with the rest,
Lifting his head above the huge dark stream
Into whose depths he must for ever plunge.
All she had been and done she lived again.
The whole year in a swift and eddying race
Of memories swept through her and fled away
Into the irrecoverable past.

Then silently she rose and, service done,
Bowed down to the great goddess simply carved
By Satyavan upon a forest stone.

What prayer she breathed her soul and Durga knew.
Perhaps she felt in the dim forest huge

Книга Восьмая
КНИГА СМЕРТИ

Песня III
СМЕРТЬ В ЛЕСУ

И вот Савитри снова здесь,
среди великой золотой зари.
Она лежала рядом
с тихо спящим мужем
И всматривалась в прошлое своё,
как человек,
приблизившийся к смерти,
Оглядывается на солнечные
яркие равнины жизни,
Где он когда-то тоже бегал,
веселился, отдыхая,
И поднимает голову над
чёрной необъятною рекою,
В чьи мрачные глубины
должен он нырнуть навеки.
Всё, чем она была, что сделала,
она прожила вновь.
Весь год в водовороте
быстрой гонки
Воспоминаньями пронёсся
сквозь неё
Прочь улетая
в безвозвратность прошлого.
Затем она тихонько поднялась,
и выполняя службу,
Склонилась низко
пред великою богиней,
Которую в лесу, на камне вырезал
простым рисунком Сатьяван.
О чём дышала та молитва
знали лишь её душа и Дурга.
Она, возможно, ощутила
в неотчётливой громаде леса

The infinite Mother watching over her child,
Perhaps the shrouded Voice spoke some still word.
At last she came to the pale mother queen.
She spoke but with guarded lips and tranquil face

Lest some stray word or some betraying look
Should let pass into the mother's unknowing breast,
Slaying all happiness and need to live,
A dire foreknowledge of the grief to come.
Only the needed utterance passage found:
All else she pressed back into her anguished heart
And forced upon her speech an outward peace.
"One year that I have lived with Satyavan
Here on the emerald edge of the vast woods
In the iron ring of the enormous peaks
Under the blue rifts of the forest sky,
I have not gone into the silences
Of this great woodland that enringed my thoughts
With mystery, nor in its green miracles

Wandered, but this small clearing was my world.
Now has a strong desire seized all my heart
To go with Satyavan holding his hand

Всю бесконечность Матери,
оберегающей своё дитя,
А может, скрытый Голос,
прошептал её тихие слова.
Но, наконец, она пришла
к поблекшей матери-царице.
Во время разговора
она следила за губами
и спокойствием лица,
Чтобы нечаянное слово
иль предательское выраженье глаз
Не пронесли
в незнающую душу матери,
Убив всё счастье
и необходимость жить,
Ужасное предвидение
будущего горя.
И только нужные слова
она подобрала:
Всё остальное загнала назад,
в измученное сердце,
И наложила на беседу
показной покой.
"Весь год, что прожила я
с Сатьяваном
Здесь, на краю зелёных
растянувшихся лесов,
Среди железного кольца
высоких пиков,
Под синими просветами
лесного неба,
Я не ступала никогда в безмолвия
Большой лесной страны,
что окружала мысли у меня
Своими тайнами, ни разу
в этих изумрудных чудесах
я не гуляла,
Лишь эта узкая поляна
и была мой мир.
Сейчас же сильное желанье
завладело сердцем —
Пойти, держа за руку Сатьявана,

Into the life that he has loved and touch
Herbs he has trod and know the forest flowers
And hear at ease the birds and the scurrying life
That starts and ceases, rich far rustle of boughs
And all the mystic whispering of the woods.
Release me now and let my heart have rest."
She answered: "Do as thy wise mind desires,

O calm child-sovereign with the eyes that rule.
I hold thee for a strong goddess who has come
Pitying our barren days; so dost thou serve
Even as a slave might, yet art thou beyond
All that thou doest, all our minds conceive,

Like the strong sun that serves earth from above."

Then the doomed husband and the woman who knew
Went with linked hands into that solemn world
Where beauty and grandeur and unspoken dream,
Where Nature's mystic silence could be felt
Communing with the secrecy of God.
Beside her Satyavan walked full of joy

В ту жизнь, которую он любит,
коснуться трав, где ходит он,
Взглянуть на россыпи
лесных цветов,
Услышать беззаботных птиц
и суетящуюся жизнь,
Которая то начинается,
то прекращается,
Богатый отдалённый шелест листьев,
и все мистические шёпоты лесов.
Прошу вас отпустить меня,
пусть сердце отдохнёт моё."
Царица отвечала:
"Делай так, как захотел
твой мудрый ум,
О тихое дитя-властитель
с взглядом, что повелевает.
Ты для меня могучая богиня,
что пришла
Из состраданья к нашим
бедным дням;
Ты служишь так же,
как могла трудиться бы рабыня,
Но ты, однако, превосходишь
всё, что делаешь,
и всё, что понимаем мы умом,
Как солнце, полное
могущества и силы,
служит с высоты земле."
Затем судьбою обречённый муж
и женщина, что знала,
Ушли, держа друг друга за руки,
в волнующий тот мир,
Где — красота, величье,
невыразимые мечты,
Где можно ощутить
мистическую тишину Природы,
Берущую причастие
от тайны Бога.
И Сатьяван шагал с ней,
радуясь тому,

Because she moved with him
through his green haunts:

He showed her all the forest's
riches, flowers
Innumerable of every odour and hue

And soft thick clinging creepers red
and green
And strange rich-plumaged birds, to
every cry
That haunted sweetly distant
boughs replied

With the shrill singer's name more
sweetly called.
He spoke of all the things he loved:
they were
His boyhood's comrades and his
playfellows,
Coevals and companions of his life
Here in this world whose every
mood he knew:
Their thoughts which to the
common mind are blank,

He shared, to every wild emotion
felt
An answer. Deeply she listened, but
to hear
The voice that soon would cease
from tender words
And treasure its sweet cadences
beloved

For lonely memory when none by
her walked
And the beloved voice could speak
no more.
But little dwelt her mind upon their
sense;

Что вместе с ним она идёт,
зелёной чащей
по его излюбленным местам:
Он ей показывал
богатства леса и цветы,
Неисчислимые в своих
оттенках красок, ароматов,
И мягкий, льнущий и густой вьюнок,
зелёный с красным,
И необычных птиц
с богатым оперением;
Он отвечал на каждый крик,
что сладко пробирался
дальними ветвями,
И нежно называл по имени
пронзительных певцов.
Он говорил о тех, кого любил:
все были для него
Друзьями детства
и товарищами в играх,
Ровесниками, спутниками жизни,
И в этом мире
он знал все их настроения:
Он разделял их мысли,
что обычному уму
казались бы пустыми,
На каждую их дикую эмоцию
он ощущал ответ.
Она вбирала все его слова,
но только чтобы слышать голос,
Который скоро отойдёт
от нежных слов,
И слушать сладкую и дорогую,
интонацию любимого,
Чтоб сохранить всё это
в одинокой памяти,
Когда никто не будет с ней
прогуливаться рядом,
И тот любимый голос
никогда уже не сможет говорить.
Однако ум её не сильно
погружался в смысл его речей;

Of death, not life she thought or life's lone end.
Love in her bosom hurt with the jagged edges
Of anguish moaned at every step with pain
Crying, "Now, now perhaps his voice will cease

For ever." Even by some vague touch oppressed
Sometimes her eyes looked round as if their orbs
Might see the dim and dreadful god's approach.
But Satyavan had paused. He meant to finish

His labour here that happy, linked, uncaring
They two might wander free in the green deep

Primaeval mystery of the forest's heart.
A tree that raised its tranquil head to heaven

Luxuriating in verdure, summoning
The breeze with amorous wideness of its boughs,
He chose and with his steel assailed the arm
Brown, rough and strong hidden in its emerald dress.
Wordless but near she watched, no turn to lose

Of the bright face and body which she loved.
Her life was now in seconds, not in hours,

О смерти думала она, а не о жизни,
или одиночестве в конце.
Любовь в её груди болела,
корчилась в страданьях,
Как от зазубренных кинжалов муки,
плачущей при каждом шаге,
Крича: "Вот-вот сейчас
его прекрасный голос
замолчит навеки."
И, словно отвечая
на незримое касание,
Её глаза осматривали всё вокруг,
как будто бы они
Могли увидеть приближенье
страшного невидимого бога.
Тут Сатьяван остановился.
Он захотел закончить здесь
свой труд,
Чтоб взявшись за руки потом,
счастливые и беззаботные,
Они, свободные, вдвоём
могли пойти гулять
в зелёной глубине
Той первобытной тайны
сердца леса.
Он выбрал дерево,
тянувшее свою спокойную
вершину к небу,
Купаясь в роскоши листвы,
И призывая ветерок
любовной широтой ветвей,
Затем он сжал в ладонях
атакующую сталь,
Косматый, сильный, загорелый,
и скрылся в изумрудном одеянии.
Без слов, но рядом,
наблюдала всё она,
Не упуская ни малейшего движения
Живого, яркого лица и тела,
что она любила.
Сейчас её жизнь шла
не на часы, а на секунды,

And every moment she economised
Like a pale merchant leaned above his store,
The miser of his poor remaining gold.
But Satyavan wielded a joyous axe.

He sang high snatches of a sage's chant
That pealed of conquered death and demons slain,
And sometimes paused to cry to her sweet speech
Of love and mockery tenderer than love:
She like a pantheress leaped upon his words
And carried them into her cavern heart.
But as he worked, his doom upon him came.

The violent and hungry hounds of pain
Travelled through his body biting as they passed
Silently, and all his suffering breath besieged
Strove to rend life's strong heart-cords and be free.
Then helped, as if a beast had left its prey,

A moment in a wave of rich relief

Reborn to strength and happy ease he stood
Rejoicing and resumed his confident toil
But with less seeing strokes. Now the great woodsman

И каждый миг она
лелеяла и берегла,
Как побледневший лавочник,
склонившись над своим товаром,
Как скряга — скудное своё
оставшееся золото.
А Сатьяван, довольный, радостный,
работал топором.
Он распевал возвышенные строфы
песен мудрецов,
Что возвещали об убитых демонах
и покорённой смерти,
И временами останавливался,
крикнуть ласковое слово
Любви, иль шутки,
что нежней любви:
Она пантерою кидалась
на его слова
И уносила их
в свою пещеру сердца.
Пока он так трудился,
к нему пришла, повиснув облаком,
его судьба.
Голодные, неистовые псы
мучения и боли
Уже неслись по телу
кусая молча, на ходу,
Его страдающее, осаждённое дыхание
старалось разорвать
Опутавшие сердце нити,
стать свободным.
Затем немного полегчало,
словно зверь оставил
временно свою добычу,
На миг, на той волне
короткого и щедрого освобождения,
Как будто возрождаясь к силе
и счастливой лёгкости, он встал,
И радуясь, продолжил снова свой,
уверенный в успехе, труд,
Но с меньшей силою.
Сейчас великий лесоруб

Hewed at him and his labour
ceased: lifting
His arm he flung away the poignant
axe
Far from him like an instrument of
pain.
She came to him in silent anguish
and clasped,
And he cried to her, "Savitri, a pang
Cleaves through my head and breast
as if the axe
Were piercing it and not the living
branch.
Such agony rends me as the tree
must feel

When it is sundered and must lose
its life.
Awhile let me lay my head upon thy
lap
And guard me with thy hands from
evil fate:
Perhaps because thou touchest,
death may pass."
Then Savitri sat under branches
wide,
Cool, green against the sun, not the
hurt tree

Which his keen axe had cloven, —
that she shunned;

But leaned beneath a fortunate
kingly trunk
She guarded him in her bosom and
strove to soothe
His anguished brow and body with
her hands.
All grief and fear were dead within
her now
And a great calm had fallen. The
wish to lessen

Рубил по нём, и он уже
не смог работать:
Поднявшись, он швырнул прочь
острый свой топор,
Подальше от себя,
как инструмент мучения.
Она в безмолвной муке
подошла к нему и обняла,
А он вскричал, "Савитри, боль
Идёт, раскалывая
голову мою и грудь,
Как если бы топор ударил их,
а не живую ветку.
Мучительная разрывающая боль
во мне, какую, видно,
ощущает дерево,
Когда его срубают и оно
должно закончить жизнь.
Позволь, я ненадолго головой
прилягу на твои колени
И ты ладонями своими
оградишь меня от злой судьбы:
Быть может, от твоих касаний
смерть уйдёт."
Тогда Савитри села
под широкими ветвями,
Дающими зелёное прохладное,
убежище от солнца,
но в стороне от раненого дерева,
Которое он разрубил
своим железным топором, —
его она остереглась;
Склонившись под удобным
царственным стволом,
Она его держала, охраняя на груди,
стараясь успокоить
Ладонями измученные
лоб и тело.
Весь страх и горе
умерли внутри неё сейчас
И снизошло великое безмолвие.
Желание уменьшить в этот миг

His suffering, the impulse that opposes pain
Were the one mortal feeling left. It passed:
Griefless and strong she waited like the gods.
But now his sweet familiar hue was changed
Into a tarnished greyness and his eyes

Dimmed over, forsaken of the clear light she loved.
Only the dull and physical mind was left,
Vacant of the bright spirit's luminous gaze.
But once before it faded wholly back,
He cried out in a clinging last despair,
"Savitri, Savitri, O Savitri,
Lean down, my soul, and kiss me while I die."

And even as her pallid lips pressed his,
His failed, losing last sweetness of response;
His cheek pressed down her golden arm. She sought
His mouth still with her living mouth, as if
She could persuade his soul back with her kiss;

Then grew aware they were no more alone.
Something had come there conscious, vast and dire.

Near her she felt a silent shade immense

Его страдания, дать импульс
противостоящий этой боли —
Единственное чувство,
что осталось у неё от смертной.
Оно прошло: без горя, сильная,
она ждала, как ожидают боги.
И вот его знакомый
нежный цвет
Сменился тусклой серостью,
глаза подёрнулись
туманной пеленой,
Покинутые чистым светом,
что она любила.
Остался лишь безжизненный
телесный ум,
Лишённый яркости
и света взгляда духа.
Но прежде, чем угаснуть насовсем,
Он выкрикнул, в последнем,
льнущем к ней отчаяньи,
"Савитри, о Савитри, о Савитри,
Склонись, моя душа,
и поцелуй меня,
я умираю."
И только мертвенные губы у неё
к его губам прижались,
Его — ослабли, потеряв
последний отклик нежности;
Его щека легла, прижавшись
на её прекрасную ладонь.
Она его уста искала,
живыми тихими устами,
Как будто поцелуем
она могла уговорить
вернуться душу у него;
Затем ей стало ясно,
что они здесь не одни.
Сюда явилось нечто,
осознающее, широкое
и страшное.
Она почувствовала рядом
огромную, немую тень,

Chilling the noon with darkness for its back.
An awful hush had fallen upon the place:
There was no cry of birds, no voice of beasts.
A terror and an anguish filled the world,
As if annihilation's mystery
Had taken a sensible form. A cosmic mind
Looked out on all from formidable eyes
Contemning all with its unbearable gaze
And with immortal lids and a vast brow
It saw in its immense destroying thought
All things and beings as a pitiful dream,
Rejecting with calm disdain Nature's delight,
The wordless meaning of its deep regard
Voicing the unreality of things

And life that would be for ever but never was
And its brief and vain recurrence without cease,
As if from a Silence without form or name
The Shadow of a remote uncaring god
Doomed to his Nought the illusory universe,
Cancelling its show of idea and act in Time
And its imitation of eternity.
She knew that visible Death was standing there

Что холодила полдень
темнотою за своей спиной.
На это место снизошло
зловещее молчание:
Не стало криков птиц
и голосов зверей.
Весь мир наполнился
мучением и ужасом,
Как если бы мистерия уничтожения
Приобрела бы ощутимый вид.
Космических масштабов ум
Смотрел на всё
своими грозными очами;
Всё презирая в
непереносимом взгляде,
С широким лбом
и веками бессмертного,
Своей безмерной
разрушавшей мыслью
Он видел всех существ,
все вещи — жалкими мечтами,
И холодно, с пренебреженьем
отвергая радости Природы,
Беззвучный смысл его
глубокого внимательного взгляда
Показывал, насколько нереально
это всё,
И жизнь, которая могла быть вечной,
но, однако, не была ей никогда,
И все её короткие, пустые
возвращения, без остановки,
Как будто из Безмолвия,
без имени и формы,
Та Тень далёкого,
безжалостного бога
Неумолимо обрекала на своё Ничто
всю иллюзорную вселенную,
И отменяла представление её идеи,
действия во Времени,
И подражанье вечности.
Савитри поняла, что это
видимый бог Смерти
появился здесь,

And Satyavan had passed from her
embrace.

End of Canto Three
End of Book Eight

А Сатьяван ушёл
прочь из её объятий.

Конец третьей песни
Конец восьмой книги

Book Nine
THE BOOK OF ETERNAL NIGHT

Canto I
TOWARDS THE BLACK VOID

So was she left alone in the huge wood,
Surrounded by a dim unthinking world,
Her husband's corpse on her forsaken breast.
In her vast silent spirit motionless

She measured not her loss with helpless thoughts,
Nor rent with tears the marble seals of pain:
She rose not yet to face the dreadful god.

Over the body she loved her soul leaned out
In a great stillness without stir or voice,
As if her mind had died with Satyavan.
But still the human heart in her beat on.
Aware still of his being near to hers,

Closely she clasped to her the mute lifeless form

As though to guard the oneness they had been
And keep the spirit still within its frame.

Книга Девятая
КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Песня I
К ЧЁРНОЙ ПУСТОТЕ

Итак, она осталась здесь одна,
среди огромной чащи леса,
Кругом стоял бездумный
тусклый мир,
На ставшей одинокою её груди
лежало тело мужа.
В широкой неподвижности,
молчаньи духа
Она беспомощными мыслями
не мерила утрату,
И не срывала со слезами
мраморные прочные печати боли:
Она ещё не поднялась,
чтоб встретиться
со страшным богом.
Её душа склонилась
над любимым телом
В великой тишине,
без звука, без движения,
Как будто ум в ней умер
вместе с Сатьяваном.
Но человеческое сердце
продолжало биться.
Осознавая до сих пор
его с собою рядом,
Она теснее прижимала,
ставшую немой,
безжизненную форму,
Как бы желая защитить единство,
чем они недавно были,
И удержать дух Сатьявана
в прежней оболочке.

Then suddenly there came on her the change
Which in tremendous moments of our lives
Can overtake sometimes the human soul
And hold it up towards its luminous source.
The veil is torn, the thinker is no more:
Only the spirit sees and all is known.
Then a calm Power seated above our brows
Is seen, unshaken by our thoughts and deeds,

Its stillness bears the voices of the world:
Immobile, it moves Nature, looks on life.

It shapes immutably its far-seen ends;
Untouched and tranquil amid error and tears
And measureless above our striving wills,
Its gaze controls the turbulent whirl of things.
To mate with the Glory it sees, the spirit grows:

The voice of life is tuned to infinite sounds,
The moments on great wings of lightning come
And godlike thoughts surprise the mind of earth.
Into the soul's splendour and intensity
A crescent of miraculous birth is tossed,

Затем внезапно в ней
случилась перемена,
Которая, порой,
в великие моменты наших жизней
Способна овладеть
душою человека
И вознести её к сияющему,
светлому истоку ввысь.
Срывается покров
и больше нет мыслителя:
Один лишь дух глядит
и познаётся всё.
Затем спокойное Могущество,
сидящее над нашими бровями,
Становится заметно, зримо,
не тревожимое нашей мыслью
и делами,
Его безмолвие поддерживает
голоса вселенной:
Не двигаясь, оно даёт
движение Природе,
смотрит на теченье жизни.
Оно выстраивает непреложные
и далеко идущие задачи, цели;
Спокойный, незатронутый
среди ошибок и потоков слёз,
Неизмеримо выше
наших борющихся воль,
Его взгляд правит
бурным вихрем мира.
Наш дух растёт, чтоб сочетаться
с тем Великолепьем,
что он видит:
И голос жизни в нас настраивается
на звуки бесконечности,
Приходят к нам особые минуты
на великих крыльях озарений,
Богоподобные идеи, мысли
удивляют ум земли.
В богатство и насыщенность души
Спускается по волнам полумесяц
странного, чудесного рождения,

Whose horn of mystery floats in a bright void.
As into a heaven of strength and silence thought
Is ravished, all this living mortal clay
Is seized and in a swift and fiery flood
Of touches shaped by a Harmonist unseen.
A new sight comes, new voices in us form
A body of the music of the Gods.

Immortal yearnings without name leap down,
Large quiverings of godhead seeking run
And weave upon a puissant field of calm
A high and lonely ecstasy of will.

This in a moment's depths was born in her.
Now to the limitless gaze disclosed that sees
Things barred from human thinking's earthly lids,
The Spirit who had hidden in Nature soared
Out of his luminous nest within the worlds:
Like a vast fire it climbed the skies of night.
Thus were the cords of self-oblivion torn:
Like one who looks up to far heights she saw,
Ancient and strong as on a windless summit
Above her where she had worked in her lone mind

Чей рог мистерии
плывёт по яркой пустоте.
И словно в небеса безмолвия и силы
уносит мысль,
Вся эта смертная живая плоть
захвачена,
И в быстром, пламенном
потоке соприкосновений
Меняется незримым
Музыкантом.
Приходит новый взгляд,
и голоса, звучащие по-новому,
В нас создают
основу музыки Богов.
Бессмертные стремленья,
безымянные, ныряют вниз,
Широкие вибрации божественного
в поиске несутся,
Переплетаясь на могучем
поле тишины
В каком-то одиноком и возвышенном
экстазе воли.
В одно мгновенье, в глубине
родилось это в ней.
И к безграничному,
открывшемуся взгляду,
Что видит недоступное
земным очам мышленья человека,
Дух, спрятанный в Природе,
вырвался и воспарил
Из светлого укрытья своего
внутри миров:
Широким пламенем
он поднимался до небес ночи.
Так были порваны все путы,
породившие забвение себя:
И, словно глядя вверх,
в далёкие высоты,
Она увидела могучий, древний,
словно на безветренной вершине,
Над местом, где она в своём уме
трудилась одиноко,

Labouring apart in a sole tower of self,
The source of all which she had seemed or wrought,

A power projected into cosmic space,
A slow embodiment of the aeonic will,
A starry fragment of the eternal Truth,
The passionate instrument of an unmoved Power.
A Presence was there that filled the listening world;
A central All assumed her boundless life.
A sovereignty, a silence and a swiftness,
One brooded over abysses who was she.

As in a choric robe of unheard sounds
A Force descended trailing endless lights;
Linking Time's seconds to infinity,

Illimitably it girt the earth and her:

It sank into her soul and she was changed.
Then like a thought fulfilled by some great word
That mightiness assumed a symbol form:
Her being's spaces quivered with its touch,
It covered her as with immortal wings;
On its lips the curve of the unuttered Truth,

Отойдя от всех,
в высокой башне духа,
Источник для всего,
чем виделась она себе
и чем старалась стать,
Неведомую силу,
что вошла в пространство космоса,
Неспешно наступающее воплощение
намеренья эпох,
Сверкающий фрагмент
небесной, вечной Истины,
И страстный инструмент
неколебимой Силы.
Пришло Присутствие,
наполнив слушающий мир
И главное и основное Всё
взяло её неограниченную жизнь.
Став полновластием,
безмолвием и быстротой,
Она нависла, размышляя,
над пучинами,
которыми теперь была.
И словно в мантии из хора
недоступных уху звуков,
Спустилась Сила, оставляя след
из нескончаемых огней;
Соединив секунды Времени
и бесконечность,
Она окутала своею беспредельностью
и землю и её:
Она нырнула в душу к ней
и изменила всю Савитри.
Затем, как мысль, наполненная
неким грандиозным словом,
Пришедшее могущество
оделось в символическую форму:
Пространства существа её[1]
затрепетали от его касания,
Оно накрыло всю её
бессмертными крылами;
Изгиб невыразимой Истины
струился на его устах,

[1] Савитри, *прим. пер.*

A halo of Wisdom's lightnings for its crown,
It entered the mystic lotus in her head,
A thousand-petalled home of power and light.
Immortal leader of her mortality,

Doer of her works and fountain of her words,
Invulnerable by Time, omnipotent,

It stood above her calm, immobile, mute.

Гало из озарений Мудрости
служило для него короной,
Оно проникло в
тайный лотос в голове,
Дом силы, света,
сотканный из тысяч лепестков.
Бессмертный лидер для её,
подверженного смерти, бытия,
Источник слов её
и исполнитель всех её работ,
Неуязвимое для Времени
и всемогущее,
Оно над ней стояло —
неподвижное, спокойное, немое.

All in her mated with that mighty hour,
As if the last remnant had been slain by Death
Of the humanity that once was hers.

Assuming a spiritual wide control,

Making life's sea a mirror of heaven's sky,
The young divinity in her earthly limbs
Filled with celestial strength her mortal part.
Over was the haunted pain, the rending fear:

Her grief had passed away, her mind was still,
Her heart beat quietly with a sovereign force.
There came a freedom from the heart-strings' clutch,
Now all her acts sprang from a godhead's calm.
Calmly she laid upon the forest soil

В ней всё объединилось
в этот грандиозный час,
Как будто Смертью
были уничтожены
Последние остатки
человеческого в ней.
Взяв на себя широкое
духовное правление,
И превращая море жизни
в отражение небес,
Вошедшая в её земное тело
юная божественность
Наполнила небесной силой
части смертной.
Она поднялась
над преследующей болью
и над разрывавшим страхом:
Ушло прочь горе,
ум стал неподвижен,
Но сердце билось ровно,
с полной силой.
Пришла свобода от
натянутых струн сердца,
Все действия её сейчас
рождались из покоя божества.
Она спокойно положила умершего
на лесную землю,

The dead who still reposed upon her breast
And bore to turn away from the dead form:
Sole now she rose to meet the dreadful god.
That mightier spirit turned its mastering gaze
On life and things, inheritor of a work
Left to it unfinished from her halting past,
When yet the mind, a passionate learner, toiled
And ill-shaped instruments were crudely moved.
Transcended now was the poor human rule;
A sovereign power was there, a godlike will.
A moment yet she lingered motionless
And looked down on the dead man at her feet;
Then like a tree recovering from a wind
She raised her noble head; fronting her gaze
Something stood there, unearthly, sombre, grand,
A limitless denial of all being

That wore the terror and wonder of a shape.
In its appalling eyes the tenebrous Form
Bore the deep pity of destroying gods;
A sorrowful irony curved the dreadful lips
That speak the word of doom. Eternal Night

Что до сих пор лежал,
покоясь, на её груди,
С усильем отвернулась прочь
от мёртвой оболочки:
Она поднялась, одинокая,
чтоб встретиться с ужасным богом.
Могучий дух окинул
властным взглядом
И жизнь её и всё вокруг;
он стал наследником работы
Оставленной ему незавершённой
из её хромающего прошлого,
Когда её обычный ум,
как страстный ученик, трудился,
И плохо сформированные инструменты
действовали неумело.
Сейчас всё вышло за пределы
скудных правил человека;
В ней билась властная энергия,
богоподобное намеренье.
Мгновение она ещё помедлила,
не двигаясь,
Взглянула вниз,
на мертвого у ног;
Затем, как дерево,
воспрянув после ветра,
Встряхнула благородной головой;
встречая взгляд её
Стояло рядом нечто,
неземное, мрачное, великое,
Что безгранично отрицало
всё существование,
И поражало обликом,
одевшись в ужас.
В своих пугающих глазах
та сумрачная Форма
Несла глубины сожаленья
разрушающих богов;
Печальная ирония
кривила страшные уста,
Что произносят слово рока.
В нём вечно существующая Ночь

In the dire beauty of an immortal face
Pitying arose, receiving all that lives

For ever into its fathomless heart, refuge
Of creatures from their anguish and world-pain.
His shape was nothingness made real, his limbs
Were monuments of transience and beneath
Brows of unwearying calm large godlike lids
Silent beheld the writhing serpent, life.
Unmoved their timeless wide unchanging gaze
Had seen the unprofitable cycles pass,
Survived the passing of unnumbered stars
And sheltered still the same immutable orbs.
The two opposed each other with their eyes,
Woman and universal god: around her,
Piling their void unbearable loneliness
Upon her mighty uncompanioned soul,

Many inhuman solitudes came close.

Vacant eternities forbidding hope

Laid upon her their huge and lifeless look,

And to her ears, silencing earthly sounds,

С ужасной красотой
бессмертного лица
Вставала, и жалея,
принимала всё живое
В бездонные глубины
сердца своего,
Навеки укрывая все создания
от мук и боли мира.
Его фигура ей предстала как ничто,
но ставшее реальностью,
Все части тела были монументами
непрочной мимолётности,
И под бровями неустанные, спокойные,
богоподобные, большие очи
В молчании разглядывали жизнь —
терзаемую муками змею.
Их неизменный, неподвижный,
вечный и широкий взгляд
Смотрел на бесполезность
всех идущих циклов,
И видел шествие
неисчислимых звёзд,
И накрывал все те же
неизменные орбиты.
Так эти двое противостояли
взглядами друг другу,
Вселенский бог и женщина:
вокруг неё,
Нагромождая непереносимое
пустое одиночество
На сильную её,
покинутую другом,
душу,
Всё ближе подходило
множество нечеловеческих
пустых пространств.
Пустые вечности,
отказывая в праве на надежду,
Смотрели на неё своими
необъятными,
безжизненными взглядами.
И до её ушей,
земные звуки заглушая,

A sad and formidable voice arose

Which seemed the whole adverse world's. "Unclasp", it cried,

"Thy passionate influence and relax, O slave
Of Nature, changing tool of changeless Law,
Who vainly writh'st rebellion to my yoke,
Thy elemental grasp; weep and forget.
Entomb thy passion in its living grave.
Leave now the once-loved spirit's abandoned robe:
Pass lonely back to thy vain life on earth."
It ceased, she moved not, and it spoke again,
Lowering its mighty key to human chords,-
Yet a dread cry behind the uttered sounds,
Echoing all sadness and immortal scorn,
Moaned like a hunger of far wandering waves.
"Wilt thou for ever keep thy passionate hold,
Thyself a creature doomed like him to pass,
Denying his soul death's calm and silent rest?

Relax thy grasp; this body is earth's and thine,

His spirit now belongs to a greater power.
Woman, thy husband suffers." Savitri

Донёсся грозный
и печальный голос,
Что представлял, казалось,
весь враждебный мир.
"Сними", он закричал,
"Своё горячее и страстное влияние,
ослабь, о ты, раба Природы,
Изменчивое средство
неизменного Закона,
Которое напрасно корчится,
сопротивляясь под моим ярмом,
Свои объятия стихий;
оплачь и позабудь.
Похорони ты страсть свою
в её живой могиле.
Оставь покинутую оболочку духа
твоего любимого,
И убирайся прочь, одна,
к своей земной напрасной жизни."
Он смолк, она не сдвинулась,
он начал снова,
Понизив свой могучий тон
до человеческой октавы, —
И страшный вой,
что за границей слышимого звука,
Разнёсся эхом всей его печали
и бессмертного презрения,
Стеная голодом
блуждающих далёких волн.
"Ты что, желаешь вечно сохранять
власть этой страсти,
Сама — созданье, обречённое,
как он — уйти,
Его душе отказывая
в молчаливом отдыхе,
покое смерти?
Ослабь свои объятия;
ты можешь это тело взять себе,
отдай его земле,
Но дух его сейчас принадлежит
гораздо более великой силе.
О женщина, твой муж страдает."

Drew back her heart's force that clasped his body still
Where from her lap renounced on the smooth grass
Softly it lay, as often before in sleep

When from their couch she rose in the white dawn
Called by her daily tasks: now too, as if called,

She rose and stood gathered in lonely strength,
Like one who drops his mantle for a race

And waits the signal, motionlessly swift.
She knew not to what course: her spirit above
On the crypt-summit of her secret form
Like one left sentinel on a mountain crest,
A fiery-footed splendour puissant-winged,
Watched flaming-silent, with her voiceless soul
Like a still sail upon a windless sea.

White passionless it rode, an anchored might,
Waiting what far-ridged impulse should arise
Out of the eternal depths and cast its surge.
Then Death the king leaned boundless down, as leans
Night over tired lands, when evening pales

And fading gleams break down the horizon's walls,

Тогда Савитри внутрь втянула
силу сердца, обнимающую тело,
Которое, с колен опущенное
на спокойную траву,
Лежало мягко,
как во сне лежало часто прежде,
Когда она вставала с ложа
в белизне рассвета,
По зову повседневных дел:
так и сейчас,
как если бы её позвали,
Она поднялась, встала,
собранная в одинокое могущество,
Подобно человеку,
сбросившему мантию свою
для гонки,
И ждущему сигнала,
неподвижно быстрым.
Она не ведала пути:
её дух наверху,
На заповедном пике
тайной формы,
Похожий на оставленного часового,
вставшего на горном гребне,
Великолепие, с пылавшими стопами
и могучими крылами,
С её беззвучною душою,
в пламенном молчаньи наблюдал,
Как тихий парус посреди
безветренного моря.
Она парила, чистая, бесстрастная,
как ставшая на якорь сила,
И ожидала, что поднимется в дали
остроконечный импульс,
Из вечной глубины
и понесёт свою волну.
И Смерть, правитель, наклонился,
безграничный, вниз,
Как нависает ночь,
когда тускнеет вечер,
над уставшею землёй
И догорающий закат проваливается
за стену горизонта,

Nor yet the dusk grows mystic with the moon.
The dim and awful godhead rose erect
From his brief stooping to his touch on earth,
And, like a dream that wakes out of a dream,
Forsaking the poor mould of that dead clay,
Another luminous Satyavan arose,

Starting upright from the recumbent earth
As if someone over viewless borders stepped
Emerging on the edge of unseen worlds.
In the earth's day the silent marvel stood
Between the mortal woman and the god.
Such seemed he as if one departed came
Wearing the light of a celestial shape
Splendidly alien to the mortal air.

The mind sought things long loved and fell back foiled

From unfamiliar hues, beheld yet longed,
By the sweet radiant form unsatisfied,
Incredulous of its too bright hints of heaven;
Too strange the brilliant phantasm to life's clasp

Desiring the warm creations of the earth

Но не пришли ещё с луной
мистические сумерки.
Неясное, внушающее ужас божество
поднялось, распрямилось,
От краткого наклона
до прикосновения к земле,
И, словно новый сон,
что пробуждается из предыдущего,
Оставив жалкий слепок
этой мёртвой глины,
Другой, блестящий,
яркий Сатьяван поднялся,
Стартуя прямо
с распростёршейся земли,
Как будто кто-то перешёл
незримые границы
И появился на краю
невидимых миров.
Среди земного дня
он встал безмолвным чудом
Меж смертной женщиной
и богом.
Казалось, он вернулся
после смерти,
Одетый в свет
небесного обличья,
Великолепный и чужой
для смертной атмосферы.
Ум у неё искал
приметы своего любимого,
но сбитый с толку, отступал
От незнакомых цветовых тонов,
но продолжал смотреть,
Не веря той светящейся
слащавой форме,
Не доверяя слишком явным
признакам небес;
Уж слишком странным был
сверкающий фантом
для жизненных объятий,
Которые желали
теплоты существ земли,

Reared in the ardour of material suns,
The senses seized in vain a glorious shade:
Only the spirit knew the spirit still,

And the heart divined the old loved heart, though changed.

Between two realms he stood, not wavering,
But fixed in quiet strong expectancy,
Like one who, sightless, listens for a command.
So were they immobile on that earthly field,
Powers not of earth, though one in human clay.

On either side of one two spirits strove;
Silence battled with silence, vast with vast.
But now the impulse of the Path was felt
Moving from the Silence that supports the stars
To touch the confines of the visible world.
Luminous he moved away; behind him Death

Went slowly with his noiseless tread, as seen
In dream-built fields a shadowy herdsman glides

Behind some wanderer from his voiceless herds,
And Savitri moved behind eternal Death,

Что выросли в лучах
материальных солнц;
Напрасно ощущения ловили
эту красочную тень,
И только дух её узнал
его спокойный дух,
И сердце распознало
прежде обожаемое сердце,
пусть и изменённое.
Меж двух миров он встал,
не шелохнувшись,
Застыв в спокойном,
сильном ожидании,
Как тот, кто став слепым,
прислушиваясь, ждёт команды.
Так неподвижно замерли они
на той земной поляне,
Три неземные силы,
и одна из них
в обличье человека.
Два духа бились
с каждой из сторон;
Молчание с молчанием сражалось,
широта — с другою широтой.
Но вот стал ощущаться импульс,
зов Пути,
Идущий из Безмолвия,
которое поддерживает звёзды,
Чтобы коснуться рубежей,
пределов видимого мира.
Светясь, он[1] двинулся
отсюда прочь;
за ним — бог Смерти
Пошёл своею медленной
бесшумной поступью, похожий
На призрачного пастуха,
скользящего в полях
из сновидений,
За кем-то, кто отбился
от его беззвучного гурта;
За вечным богом Смерти
двинулась Савитри,

[1] дух Сатьявана, *прим. пер.*

Her mortal pace was equalled with the god's.
Wordless she travelled in her lover's steps,
Planting her human feet where his had trod,

Into the perilous silences beyond.

Её шаг смертной был такой же
как шаг у бога перед ней.
Без слов она шла
по пятам любимого,
И ставила свои,
земные человеческие ноги,
где прошли его стопы,
В опасные молчанья запредельного.

At first in a blind stress of woods she moved
With strange inhuman paces on the soil,
Journeying as if upon an unseen road.
Around her on the green and imaged earth
The flickering screen of forests ringed her steps;
Its thick luxurious obstacle of boughs
Besieged her body pressing dimly through
In a rich realm of whispers palpable,

And all the murmurous beauty of the leaves
Rippled around her like an emerald robe.
But more and more this grew an alien sound,
And her old intimate body seemed to her
A burden which her being remotely bore.

Herself lived far in some uplifted scene

Where to the trance-claimed vision of pursuit,

Сперва в слепом сопротивлении
деревьев двигалась она
Причудливой нечеловеческою поступью
шагая по траве,
Как будто путешествуя
незримою дорогой.
Вокруг неё на той зелёной
и воображаемой земле
Брала в кольцо её шаги
мерцающая ширма леса;
Его густая и роскошная
завеса из ветвей
Обкладывала тело
и давило смутно на него
В роскошном царстве
осязаемых шептаний,
А шелестящая кругом
краса листвы
Вокруг неё шуршала
изумрудным платьем.
Но постепенно это становилось
чуждым звуком,
И прежнее её родное тело
стало представляться
Какой-то ношею,
что существо её несло
немного отстранившись.
Сама она жила вдали,
на некой сцене
поднятой над миром,
Там, где из транса можно было
наблюдать погоню,

Sole presences in a high spaceless dream,
The luminous spirit glided stilly on

And the great shadow travelled vague behind.
Still with an amorous crowd of seeking hands
Softly entreated by their old desires

Her senses felt earth's close and gentle air
Cling round them and in troubled branches knew
Uncertain treadings of a faint-foot wind:
She bore dim fragrances, far callings touched;
The wild bird's voice and its winged rustle came
As if a sigh from some forgotten world.
Earth stood aloof, yet near: round her it wove
Its sweetness and its greenness and delight,
Its brilliance suave of well-loved vivid hues,
Sunlight arriving to its golden noon,

And the blue heavens and the caressing soil.
The ancient mother offered to her child
Her simple world of kind familiar things.
But now, as if the body's sensuous hold
Curbing the godhead of her infinite walk
Had freed those spirits to their grander road

И одинокие присутствия
в высокой грёзе вне пространства,
И как скользил безмолвно
светлый дух,
А смутная большая тень
за ним тянулась следом.
Но до сих пор, в любовном,
ищущем объятьи рук,
Что мягко поддавались
прежнему желанию,
Она могла почувствовать
земной знакомый нежный воздух,
Который обвевал их,
узнавала по волнению ветвей
Изменчивую поступь
слабых ног ветров:
Расплывчатые ароматы плыли к ней,
далёкие, зовущие касания;
И голос дикой птицы,
шелест крыльев приходил
Как вздох какого-то
забывшегося мира.
Земля была поодаль, но недалеко:
вокруг неё сплетали
Свою особенную сладость,
зелень и восторг,
И мягкое сиянье ярких,
хорошо знакомых ей оттенков
Свет солнца, подходящий
к золотому полдню,
И голубые небеса,
и ласковая, тихая земля.
То древняя богиня-мать
протягивала своему дитя
Простой мир добрых
и понятных всем вещей.
Но ныне, словно
чувственная власть над телом,
Что сдерживала
бесконечное движенье божества,
Освободила этим духам
их великий путь,

Across some boundary's intangible bar,
The silent god grew mighty and remote
In other spaces, and the soul she loved
Lost its consenting nearness to her life.
Into a deep and unfamiliar air

Enormous, windless, without stir or sound
They seemed to enlarge away, drawn by some wide

Pale distance, from the warm control of earth
And her grown far: now, now they would escape.
Then flaming from her body's nest alarmed

Her violent spirit soared at Satyavan.
Out mid the plunge of heaven-surrounded rocks
So in a terror and a wrath divine

From her eyrie streams against the ascending death,
Indignant at its crouching point of steel,
A fierce she-eagle threatened in her brood,
Borne on a rush of puissance and a cry,
Outwinging like a mass of golden fire.
So on a spirit's flaming outrush borne
She crossed the borders of dividing sense;
Like pale discarded sheaths dropped dully down

Пройдя сквозь
еле уловимую преграду,
Безмолвный бог, став более могучим,
отдалился
В другие области,
а та душа, которую она любила
Лишилась своего согласия
на близость к ней.
В таинственной и
незнакомой атмосфере,
Безветренной, огромной,
без движения, без звуков,
Они, казалось, потянулись прочь,
влекомые обширной
бледной далью
Всё больше выходя
из тёплого правления земли,
Всё дальше отдаляясь:
и кажется — вот-вот они уйдут.
Затем, воспламенившись,
поднятый из тела,
словно из укрытия,
Её неистовый, горячий дух
вознёсся вслед за Сатьяваном.
Так вынырнув средь
окружённых небом скал,
В божественном негодовании
и страхе
Из своего гнезда летит
навстречу приближающейся смерти
Вся в ярости,
с изогнутым железным клювом,
Свирепая орлица
при угрозе для птенцов,
И натиском могущества и крика
Обрушивается как масса
золотистого огня.
Так и она,
на пламенном напоре духа
Прорвалась сквозь границы
разделяющего чувства;
Как бледные отброшенные оболочки,
вяло вниз упавшие,

Her mortal members fell back from her soul.
A moment of a secret body's sleep,

Her trance knew not of sun or earth or world;

Thought, time and death were absent from her grasp:
She knew not self, forgotten was Savitri.
All was the violent ocean of a will
Where lived captive to an immense caress,
Possessed in a supreme identity,

Her aim, joy, origin, Satyavan alone.
Her sovereign prisoned in her being's core,
He beat there like a rhythmic heart,- herself

But different still, one loved, enveloped, clasped,
A treasure saved from the collapse of space.
Around him nameless, infinite she surged,

Her spirit fulfilled in his spirit, rich with all Time,

As if Love's deathless moment had been found,
A pearl within eternity's white shell.

Then out of the engulfing sea of trance
Her mind rose drenched to light streaming with hues

С её души слетели
смертные, земные члены.
Во время сна её сокрытого,
особенного тела,
В каком-то трансе,
где не знаешь ни земли,
ни солнца, ни вселенной,
И мысль, и время, даже смерть —
ушли из понимания:
Она уже не знала о самой себе,
она забыла о Савитри.
Всё стало страстным океаном воли,
Где жил как пленник
необъятной нежности,
Захваченный в
высокое отождествление,
Её источник, радость, цель,
единственный на свете Сатьяван.
Её властитель заключён был
в сердцевине существа её,
Он там пульсировал
ритмичным сердцем,
и он был там — она,
Но всё же и отличный от неё,
любимый, обнятый, окутанный,
Сокровище, которое она спасла
от разрушения пространства.
Неописуемая, бесконечная,
вокруг него она вздымалась,
как волна,
И дух её, себя нашедший
в духе у него,
наполнен был всем Временем,
Как будто было найдено
бессмертное мгновение Любви,
Жемчужина внутри чистейшей
белой раковины вечности.
Затем, из моря транса,
завлекающего внутрь,
Её ум, пропитавшись,
начал подниматься к свету,

Of vision and, awake once more to Time,

Returned to shape the lineaments of things
And live in borders of the seen and known.
Onward the three still moved in her soul-scene.

As if pacing through fragments of a dream,
She seemed to travel on, a visioned shape
Imagining other musers like herself,

By them imagined in their lonely sleep.
Ungrasped, unreal, yet familiar, old,

Like clefts of unsubstantial memory,
Scenes often traversed, never lived in, fled

Past her unheeding to forgotten goals.
In voiceless regions they were travellers
Alone in a new world where souls were not,
But only living moods: a strange hushed weird

Country was round them, strange far skies above,

A doubting space where dreaming objects lived
Within themselves their one unchanged idea.
Weird were the grasses, weird the treeless plains;

Струившемуся разными
цветами виденья,
И пробудившись вновь во Времени,
Вернулся к прежним
очертаниям вещей,
И вновь стал жить в границах
видимого и известного.
А эти трое продолжали
двигаться по сцене,
что внутри её души,
И словно перешагивая
разные отрывки сна,
Она, казалась, продолжала путь
придуманной фигурой,
Которую увидели другие,
грезящие так же,
Как грезила она сама,
воображённая в их одиноком сне.
Неуловимые, ненастоящие,
но старые и хорошо знакомые,
Как некие просветы
в нематериальной памяти,
Пейзажи, часто посещаемые прежде,
но которых в жизни
не бывало никогда,
Летели мимо, к позабытым целям,
и не обращали на неё внимания.
Они шли странниками
по беззвучным областям,
Единственные в этом новом мире,
где не встретишь ни одной души,
Но лишь живые настроения:
магическая, странная,
затихшая страна
Их окружала, и далёкое,
неведомое небо
высилось над ними,
Неясное пространство,
где плоды воображенья жили
Внутри самих себя,
в своей одной неизменяемой идее.
Магическими были травы,
и равнины без деревьев;

Weird ran the road which like fear hastening
Towards that of which it has most terror, passed
Phantasmal between pillared conscious rocks

Sombre and high, gates brooding, whose stone thoughts

Lost their huge sense beyond in giant night.
Enigma of the Inconscient's sculptural sleep,
Symbols of the approach to darkness old
And monuments of her titanic reign,

Opening to depths like dumb appalling jaws
That wait a traveller down a haunted path
Attracted to a mystery that slays,

They watched across her road, cruel and still;
Sentinels they stood of dumb Necessity,
Mute heads of vigilant and sullen gloom,
Carved muzzle of a dim enormous world.

Then, to that chill sere heavy line arrived
Where his feet touched the shadowy marches' brink,
Turning arrested luminous Satyavan

Looked back with his wonderful eyes at Savitri.
But Death pealed forth his vast abysmal cry:

Магически вилась дорога,
что подобно страху торопилась
К тому, что вызывало
наибольший ужас, пролетая
Меж призрачных,
стоящими колоннами,
осознающих скал,
Угрюмых и высоких,
мимо размышляющих ворот,
чьи каменные мысли
Своё огромное значение теряли
за пределами гигантской ночи.
Загадка Несознанья,
создающего во сне скульптуры,
Намёки, знаки приближенья
к древней тьме,
И к монументам титанического царства
этой тьмы,
Открывшиеся в глубине
как молчаливые пугающие пасти,
Что ожидают путника внизу
протоптанной тропинки,
Притягивая к тайне,
приносящей смерть,
Смотрели вдоль её пути,
спокойно и безжалостно;
Они стояли стражами
немой Необходимости,
Безмолвные властители
угрюмого и бдительного мрака,
Как жерло этого огромного
расплывчатого мира
высеченное в скале.
Затем, добравшись до холодного,
поблекшего, тяжёлого предела,
Где он ногой коснулся
края призрачной границы,
Немного обернувшись,
арестованный, сиявший Сатьяван
Взглянул чудесным взглядом
на Савитри.
Но тут бог Смерти загремел
широким и бездонным воем:

"O mortal, turn back to thy transient kind;
Aspire not to accompany Death to his home,

As if thy breath could live where Time must die.

Think not thy mind-born passion strength from heaven

To uplift thy spirit from its earthly base
And, breaking out from the material cage,
To upbuoy thy feet of dream in groundless Nought
And bear thee through the pathless infinite.
Only in human limits man lives safe.
Trust not in the unreal Lords of Time,
Immortal deeming this image of thyself
Which they have built on a Dream's floating ground.
Let not the dreadful goddess move thy soul
To enlarge thy vehement trespass into worlds
Where it shall perish like a helpless thought.
Know the cold term-stones of thy hopes in life.
Armed vainly with the Ideal's borrowed might,
Dare not to outstep man's bound and measured force:
Ignorant and stumbling, in brief boundaries pent,
He crowns himself the world's mock suzerain,

"О смертная, вернись обратно
к своему живущему недолго роду;
И не пытайся привязаться
к богу Смерти
и идти с ним до его жилища,
Как если бы твоё дыхание
смогло бы выжить там,
где умирает Время.
Не помышляй своей
умом рождённой
страстной силою небес
Дух приподнять свой
над его земной основой,
И вырываясь из тюрьмы
материального,
Стопу из грёз поставить на Ничто,
где не бывает почвы
И пронести себя
по бездорожью бесконечности.
Лишь в человеческих пределах
могут люди безопасно жить.
Не верь в придуманных
Хозяев Времени,
Считающих бессмертным
тот свой образ,
Который возвели они
на зыбком основании Мечты.
Не позволяй, чтоб страшная богиня
заставляла душу у тебя
Расшириться в неистовом движеньи
до миров,
В которых та исчезнет
как беспомощная мысль.
Узнай холодные гранитные пределы
жизненных надежд.
Напрасно укреплённая
заимствованной мощью Идеала,
Не смей переступать границы человека
и отпущенной для человека силы:
Невежественный, спотыкающийся,
сжатый узкими границами,
Он коронует самого себя
как мнимого властителя вселенной,

Tormenting Nature with the works
of Mind.
O sleeper, dreaming of divinity,

Wake trembling mid the indifferent
silences
In which thy few weak chords of
being die.
Impermanent creatures, sorrowful
foam of Time,

Your transient loves bind not the
eternal gods."

The dread voice ebbed in the
consenting hush
Which seemed to close upon it,
wide, intense,

A wordless sanction from the jaws
of Night.
The Woman answered not. Her high
nude soul,
Stripped of the girdle of mortality,

Against fixed destiny and the
grooves of law
Stood up in its sheer will a primal
force.
Still like a statue on its pedestal,

Lone in the silence and to vastness
bared,
Against midnight's dumb abysses
piled in front
A columned shaft of fire and light
she rose.

End of Canto One

Терзая всю Природу
множеством трудов Ума.
О спящий, видящий во сне
божественность,
Проснись и трепещи
средь безразличия безмолвий,
В которых слабые твои
аккорды бытия умрут.
О мимолётные создания,
о полная невзгод и горя
пена Времени,
Вся ваша мимолётная любовь
не повлияет на богов,
живущих в вечности."
Ужасный голос отступил
в согласную с ним тишину,
Которая, казалось,
схлопнется над ней,
широкая и напряжённая,
С беззвучным разрешением
от челюстей Ночи.
Ей Женщина не отвечала.
Её высокая и обнажённая душа,
Отбросив пояс,
что надет на смертных,
Той непреложности судьбы
и колеи закона
Поставила своё намеренье
наперекор первоначальной силе.
Безмолвно, словно
статуя на пьедестале,
Одна, в молчании,
открытая простору,
Напротив громоздящихся
немых ночных пучин,
Колонною огня и света
высилась она.

Конец первой песни

Book Nine
THE BOOK OF ETERNAL NIGHT

Canto II
THE JOURNEY IN ETERNAL NIGHT AND THE VOICE OF THE DARKNESS

Awhile on the chill dreadful edge of Night
All stood as if a world were doomed to die
And waited on the eternal silence' brink.
Heaven leaned towards them like a cloudy brow
Of menace through the dim and voiceless hush.
As thoughts stand mute on a despairing verge
Where the last depths plunge into nothingness
And the last dreams must end, they paused; in their front

Were glooms like shadowy wings, behind them, pale,
The lifeless evening was a dead man's gaze.

Hungry beyond, the night desired her soul.
But still in its lone niche of templed strength
Motionless, her flame-bright spirit, mute, erect,

Книга Девятая
КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Песня II
ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЕЧНОЙ НОЧИ И ГОЛОС ТЬМЫ

Какие-то минуты
на краю холодной страшной Ночи
Они стояли, словно мир
был обречён на смерть,
И ждали на границе
вечного молчания.
Через неясную
беззвучность тишины
К ним наклонялись небеса,
похожие на хмурое лицо угрозы.
Подобно мыслям,
онемевшим на краю отчаянья,
Там, где последние глубины
погружаются в ничто,
И где должны закончиться
последние мечты,
Они остановились;
прямо перед ними
Крылами призрака
сгущался мрак,
А позади стояли сумерки,
безжизненные, бледные,
как взгляд у мертвеца.
Потусторонняя, изголодавшаяся ночь
ждала её души.
Но тихий, в полной силы
одинокой нише храма,
Её горящий дух, безмолвный,
неподвижный и прямой,

Burned like a torch-fire from a windowed room
Pointing against the darkness' sombre breast.
The Woman first affronted the Abyss
Daring to journey through the eternal Night.
Armoured with light she advanced her foot to plunge
Into the dread and hueless vacancy;

Immortal, unappalled, her spirit faced
The danger of the ruthless eyeless waste.
Against night's inky ground they stirred, moulding
Mysterious motion on her human tread,
A swimming action and a drifting march
Like figures moving before eyelids closed:
All as in dreams went slipping, gliding on.
The rock-gate's heavy walls were left behind;
As if through passages of receding time
Present and past into the Timeless lapsed;
Arrested upon dim adventure's brink,
The future ended drowned in nothingness.
Amid collapsing shapes they wound obscure;
The fading vestibules of a tenebrous world
Received them, where they seemed to move and yet

Пылал как факел
в комнате с распахнутыми окнами,
Нацеленный
на мрачную грудь тьмы.
Впервые Женщина
свой вызов бросила Пучине,
Осмелившись пройти
по вечной Ночи.
Окутанная светом, как бронёй,
она шагнула, погружаясь,
В бесцветную, внушающую ужас,
пустоту;
Неустрашимый и бессмертный дух её
встречал лицом к лицу
Опасную безжалостность
слепой пустыни.
Они ступали
по чернильной почве ночи,
И оставляя за собой следы,
непостижимо продвигались,
Плывущим действом
и гонимым ветром маршем,
Похожие на образы, летящие
под сомкнутыми веками:
Все двигались, скользили,
плавно, как во сне.
Тяжёлые врата средь скал
остались позади;
Казалось, через переходы
отступающего времени
И настоящее, и прошлое терялись,
падая, в Безвременье;
Остановившись на краю
неясных испытаний,
Заканчивалось будущее,
утонув в ничто.
Они кружили в темноте,
средь рушащихся форм;
Их принимали уходящие куда-то
вестибюли сумрачного мира,
Там, где казалось, что они идут,
они всё так же
оставались неподвижны,

Be still, nowhere advancing yet to pass,
A dumb procession a dim picture bounds,
Not conscious forms threading a real scene.
A mystery of terror's boundlessness,

Gathering its hungry strength the huge pitiless void
Surrounded slowly with its soundless depths,
And monstrous, cavernous, a shapeless throat
Devoured her into its shadowy strangling mass,
The fierce spiritual agony of a dream.
A curtain of impenetrable dread,

The darkness hung around her cage of sense
As, when the trees have turned to blotted shades
And the last friendly glimmer fades away,
Around a bullock in the forest tied

By hunters closes in no empty night.

The thought that strives in the world was here unmade;

Its effort it renounced to live and know,
Convinced at last that it had never been;
It perished, all its dream of action done:

Там, где они не двигались,
им удавалось проходить,
Немое шествие,
неясная картина в рамке,
Несознающие фигуры,
что ступали по реальной сцене.
Мистерия неограниченного ужаса,
огромная безжалостная пустота,
Собрав свою
изголодавшуюся силу,
Неторопливо окружила их
беззвучными глубинами,
Чудовищная, в рытвинах,
бесформенная глотка
Её[1] заглатывала в призрачную,
удушающую массу,
Жестокую духовную агонию
всей этой грёзы.
Завеса из непроницаемого страха,
темнота,
Нависла над её
тюремной клетью чувств,
Как если бы деревья обернулись
тусклыми пятнистыми тенями,
И угасал последний отблеск
дружеского света,
Вокруг вола,
привязанного к дереву в лесу,
Что чувствует,
как в непустой ночи
всё ближе хищные шаги.
Та мысль, что трудится
в обычном мире,
здесь была отменена;
Та тьма отказывала
всем её[2] усильям жить и знать,
В конце концов, поверив, что она
не существовала никогда;
Мысль умерла,
и все её мечты о действии пропали:

---

[1] Савитри, *прим. пер.*
[2] мысли, *прим. пер.*

This clotted cypher was its dark result.
In the smothering stress of this stupendous Nought
Mind could not think, breath could not breathe, the soul
Could not remember or feel itself; it seemed
A hollow gulf of sterile emptiness,

A zero oblivious of the sum it closed,
An abnegation of the Maker's joy
Saved by no wide repose, no depth of peace.

On all that claims here to be Truth and God
And conscious self and the revealing Word
And the creative rapture of the Mind
And Love and Knowledge and heart's delight, there fell
The immense refusal of the eternal No.

As disappears a golden lamp in gloom
Borne into distance from the eyes' desire,
Into the shadows vanished Savitri.
There was no course, no path, no end or goal:
Visionless she moved amid insensible gulfs,
Or drove through some great black unknowing waste,
Or whirled in a dumb eddy of meeting winds
Assembled by the titan hands of Chance.

Запутанный, неясный шифр
стал тёмным результатом мысли.
В том удушающем давлении
громадного Ничто
Ум не способен был подумать,
а дыханье не могло дышать,
Душе не удавалось вспомнить
или ощутить себя;
Всё виделось пустою бездною
стерильной пустоты,
Нулём, забывшем о той сумме,
что он замыкал,
Забвеньем радости Создателя,
Где не бывает
ни широкого отдохновенья,
ни глубокого покоя.
На всё, что здесь претендовало быть
высокой Истиной и Богом,
Осознающим "я",
и раскрывающим суть Словом,
И созидательною творческою
радостью Ума,
Любовью, Знанием,
восторгом сердца,
Здесь приходил отказ,
огромный, необъятный,
от вечно существующего Нет.
Как пропадает золотая лампа
в темноте,
Прочь унесённая
от жаждущего взгляда,
Так затерялась в тех тенях Савитри.
Здесь не было ни направленья,
ни пути, ни цели, ни конца:
Вслепую двигалась она
среди бесчувственных пучин,
Или неслась сквозь некую большую
чёрную неведомую ей пустыню,
Или кружилась в молчаливом вихре
столкновения ветров,
Которых собирали
титанические руки Случая.

There was none with her in the dreadful Vast:
She saw no more the vague tremendous god,
Her eyes had lost their luminous Satyavan.
Yet not for this her spirit failed, but held

More deeply than the bounded senses can
Which grasp externally and find to lose,
Its object loved. So when on earth they lived
She had felt him straying through the glades, the glades
A scene in her, its clefts her being's vistas

Opening their secrets to his search and joy,
Because to jealous sweetness in her heart
Whatever happy space his cherished feet
Preferred, must be at once her soul embracing
His body, passioning dumbly to his tread.
But now a silent gulf between them came
And to abysmal loneliness she fell,

Even from herself cast out, from love remote.
Long hours, since long it seems when sluggish time
Is measured by the throbs of the soul's pain,
In an unreal darkness empty and drear

И не было с ней рядом никого
в той страшной Широте:
Она не видела уже
неясного и ужасающего бога,
Её взгляд потерял
и светлую фигуру Сатьявана.
Но, несмотря на это,
дух её не ослабел,
а продолжал держать,
Гораздо глубже, чем способно
ограниченное чувство,
Которое хватает внешнее,
и ищет, чтобы потерять
Предмет своей любви.
Когда ещё они ходили по земле
Она могла всё время ощущать его,
идущим по полянам,
Поляны эти были сценой в ней,
а их просторы — перспективой
внутреннего существа её,
Что открывалось их секретам
в поиске его и радости,
Ведь для ревнивой нежности,
живущей в сердце,
Какое бы счастливое пространство
эти обожаемые ноги
Не предпочли, тотчас её душа
должна была
Обнять его, безмолвно,
страстная к его шагам.
Но ныне молчаливая, зияющая бездна
пролегла меж ними,
Она всё время падала
в пучину одиночества,
Отброшенная даже от самой себя
и от своей любви.
И долгие часы, что стали долгими
когда медлительное время
Отсчитываться стало
пульсом боли и мучения души,
В какой-то нереальной тьме,
тоскливой и пустой,

She travelled treading on the corpse of life,
Lost in a blindness of extinguished souls.
Solitary in the anguish of the void
She lived in spite of death, she conquered still;
In vain her puissant being was oppressed:
Her heavy long monotony of pain

Tardily of its fierce self-torture tired.
At first a faint inextinguishable gleam,
Pale but immortal, flickered in the gloom
As if a memory came to spirits dead,
A memory that wished to live again,
Dissolved from mind in Nature's natal sleep.
It wandered like a lost ray of the moon
Revealing to the night her soul of dread;
Serpentine in the gleam the darkness lolled,
Its black hoods jewelled with the mystic glow;

Its dull sleek folds shrank back and coiled and slid,

As though they felt all light a cruel pain
And suffered from the pale approach of hope.
Night felt assailed her heavy sombre reign;
The splendour of some bright eternity

Она всё шла и шла, ступая
по замученному трупу жизни,
Затерянная в слепоте
погасших душ.
Одна в той муке пустоты,
Она всё ж продолжала жить,
бороться, несмотря на смерть;
Напрасно угнетали существо её,
могучее и сильное:
Её тяжёлая и нескончаемая
монотонность боли
Едва заметно, медленно, но уставала
от жестоких самоистязаний.
Сперва какой-то слабый
и непрекращающийся блеск,
Неяркий, но бессмертный,
замерцал во мраке,
Как будто память вновь
вернулась к духам мёртвых,
Та память, что хотела снова жить,
Хотя исчезла из ума, когда попала
в изначальный сон Природы.
Он здесь блуждал
потерянным лучом луны
И ночи открывал
её, наполненную страхом, душу;
В том блеске, развалившись, тьма
лежала длинною змеёй,
На чёрных капюшонах у неё
алмазами сверкало
мистическое странное свечение;
Её лоснящиеся складки
то вжимались, то скользили,
то вились,
Как будто ими всякий свет
воспринимался страшной болью
Терзая приближеньем
бледных проблесков надежды.
Ночь ощутила нападенье
на её тяжёлое и удушающее царство;
Великолепие какой-то
яркой вечности

Threatened with this faint beam of wandering Truth
Her empire of the everlasting Nought.
Implacable in her intolerant strength

And confident that she alone was true,
She strove to stifle the frail dangerous ray;
Aware of an all-negating immensity

She reared her giant head of Nothingness,
Her mouth of darkness swallowing all that is;
She saw in herself the tenebrous Absolute.
But still the light prevailed and still it grew,
And Savitri to her lost self awoke;

Her limbs refused the cold embrace of death,
Her heart-beats triumphed in the grasp of pain;
Her soul persisted claiming for its joy
The soul of the beloved now seen no more.
Before her in the stillness of the world
Once more she heard the treading of a god,
And out of the dumb darkness Satyavan,
Her husband, grew into a luminous shade.
Then a sound pealed through that dead monstrous realm:
Vast like the surge in a tired swimmer's ears,

Едва заметным лучиком блуждавшей Истины
Несло угрозу для её владений вечного Ничто.
Неумолимая в своей, не терпящей другого, силе,
Уверенная, в том, что истиной была она одна,
Она старалась задушить непрочный и опасный луч;
Осознавая необъятность, отрицающую всё на свете,
Она подняла голову свою гигантского Небытия,
Свою пасть тьмы, глотающую всё, что существует;
Она в себе увидела огромный тёмный Абсолют.
Но тихо свет распространялся, тихо нарастал,
И, наконец, Савитри пробудилась для потерянного внутреннего "я";
Все члены тела сбросили холодное объятие смерти,
Пульс сердца застучал победно, несмотря на хватку боли;
Её душа настойчиво хотела, требовала радости,
Души любимого, не видимую больше.
Перед собою, в тишине, объявшей мир,
Она услышала ещё раз поступь бога,
И Сатьяван, её супруг, возник из той безмолвной темноты
И превратился в яркую, светящуюся тень.
Внезапно прогремел по мёртвому чудовищному царству
Широкий звук, похожий на волну в ушах усталого пловца,

Clamouring, a fatal iron-hearted roar,
Death missioned to the night his lethal call.
"This is my silent dark immensity,

This is the home of everlasting Night,
This is the secrecy of Nothingness
Entombing the vanity of life's desires.
Hast thou beheld thy source, O transient heart,
And known from what the dream thou art was made?
In this stark sincerity of nude emptiness
Hopest thou still always to last and love?"
The Woman answered not. Her spirit refused
The voice of Night that knew and Death that thought.

In her beginningless infinity

Through her soul's reaches unconfined she gazed;
She saw the undying fountains of her life,
She knew herself eternal without birth.
But still opposing her with endless night
Death, the dire god, inflicted on her eyes
The immortal calm of his tremendous gaze:
"Although thou hast survived the unborn void
Which never shall forgive, while Time endures,
The primal violence that fashioned thought,

Неотвратимый, громогласный рёв
стального сердца —
Бог Смерти бросил в ночь
свой смертоносный вызов.
"Да, такова моя
немая тёмная безмерность,
Таков дом вечно длящейся Ночи,
И таинство Небытия,
Что погребает суету желаний жизни.
Увидела ты свой источник,
о сердце, что живёт недолго,
Узнала из какого сна
была ты создана?
И в этой абсолютной искренности
голой пустоты
Ты всё ещё надеешься
остаться и любить?"
Но Женщина не отвечала ничего.
Её дух отвергал
И голос Ночи,
обладавший знанием,
И голос Смерти,
обладавший мыслью.
В своей не знающей начала
бесконечности
Она смотрела через
необъятный кругозор души
И видела свои
бессмертные истоки жизни,
И видела себя
не знающей рожденья, вечной.
Но продолжая противостояние
своею бесконечной ночью,
Бог Смерти, этот страшный бог,
навязывал её глазам
Бессмертное спокойствие
в своём ужасном взгляде:
"Хоть ты сумела выжить
в нерождённой пустоте,
Что не прощает никогда,
покуда длится Время,
Первоначальное неистовство,
что формирует мысль,

Forcing the immobile vast to suffer
and live,
This sorrowful victory only hast
thou won
To live for a little without Satyavan.

What shall the ancient goddess give
to thee
Who helps thy heart-beats? Only
she prolongs
The nothing dreamed existence and
delays
With the labour of living thy eternal
sleep.
A fragile miracle of thinking clay,

Armed with illusions walks the
child of Time.
To fill the void around he feels and
dreads,
The void he came from and to
which he goes,
He magnifies his self and names it
God.
He calls the heavens to help his
suffering hopes.
He sees above him with a longing
heart
Bare spaces more unconscious than
himself

That have not even his privilege of
mind,
And empty of all but their unreal
blue,
And peoples them with bright and
merciful powers.
For the sea roars around him and
earth quakes
Beneath his steps, and fire is at his
doors,

И заставляет неподвижные просторы
мучаться и жить,
Тобою отвоёвана
печальная победа —
Прожить ещё недолгий срок
без Сатьявана.
И что же даст тебе
та древняя богиня,
Что помогает пульсу сердца твоего?
Она лишь продлевает
Ничтожность твоего
воображённого существования,
Задерживает вечный сон
работой жизни.
О хрупкое чудесное творенье
мыслящего праха,
порожденье Времени,
Он путешествует вооружённый
множеством иллюзий.
Стремясь заполнить пустоту вокруг,
которую он чувствует и опасается,
Ту пустоту, откуда он пришёл,
в которую потом уйдёт,
Он возвеличивает собственное "я"
и называет Богом.
Он призывает небеса помочь
его страдающим надеждам.
Он видит над собою
страстным сердцем
Лишь голые пространства,
что даже менее сознательные,
чем он сам,
Не обладающие даже
привилегией его ума,
Лишённые всего, за исключением
их нереальной синевы,
И населяет эти сферы
светлыми и сострадающими силами.
Так происходит потому,
что океан ревёт вокруг него,
Земля трясётся под его шагами,
пламя пышет у его дверей,

And death prowls baying through
the woods of life.
Moved by the Presences with which
he yearns,
He offers in implacable shrines his
soul
And clothes all with the beauty of
his dreams.
The gods who watch the earth with
sleepless eyes
And guide its giant stumblings
through the void,
Have given to man the burden of his
mind;
In his unwilling heart they have lit
their fires
And sown in it incurable unrest.

His mind is a hunter upon tracks
unknown;
Amusing Time with vain discovery,

He deepens with thought the
mystery of his fate
And turns to song his laughter and
his tears.
His mortality vexing with the
immortal's dreams,
Troubling his transience with the
infinite's breath,
They gave him hungers which no
food can fill;

He is the cattle of the shepherd
gods.
His body the tether with which he is
tied,
They cast for fodder grief and hope
and joy:
His pasture ground they have fenced
with Ignorance.
Into his fragile undefended breast

И бродит смерть, охотясь,
по чащобам жизни.
Он вдохновляется Присутствиями,
к которым устремляется,
В неумолимых храмах
предлагает душу
И прикрывает всё
красотами своих мечтаний.
Те боги, что неспящими очами
наблюдают за землей,
И направляют через пустоту
её гигантский, спотыкающийся шаг,
Когда-то наделили человека
ношею ума;
Они зажгли свои огни
в его не знавшем о желаньи сердце,
И неискоренимое волнение
посеяли внутри него.
Его ум стал охотником
по следу неизвестного;
И развлекая Время
бесполезными находками,
Он углубляется своими мыслями
в мистерию своей судьбы
И превращает в песню
и свой смех, и слёзы.
Тревожа смертного
мечтаньями бессмертных
И беспокоя бренное существование
дыханьем бесконечного,
Они в него вселяют голод,
что никакая пища
не способна утолить;
Он — как домашний скот
для пастухов-богов.
В нём тело служит
в качестве столба для привязи,
Они ему кидают, словно корм,
надежды, радости и горе:
Те земли, где пасётся он,
обнесены забором из Невежества.
В его непрочную, незащищённую
от жизненных ударов грудь,

They have breathed a courage that
is met by death,
They have given a wisdom that is
mocked by night,
They have traced a journey that
foresees no goal.
Aimless man toils in an uncertain
world,
Lulled by inconstant pauses of his
pain,
Scourged like a beast by the infinite
desire,
Bound to the chariot of the dreadful
gods.
But if thou still canst hope and still
wouldst love,
Return to thy body's shell, thy tie to
earth,
And with thy heart's little remnants
try to live.
Hope not to win back to thee
Satyavan.
Yet since thy strength deserves no
trivial crown,
Gifts I can give to soothe thy
wounded life.
The pacts which transient beings
make with fate,
And the wayside sweetness
earth-bound hearts would pluck,

These if thy will accepts make
freely thine.
Choose a life's hopes for thy
deceiving prize."
As ceased the ruthless and
tremendous Voice,
Unendingly there rose in Savitri,

Like moonlit ridges on a shuddering
flood,
A stir of thoughts out of some
silence born

Они вдохнули храбрость,
что встречается со смертью,
Они вложили мудрость,
над которою глумится ночь,
И прочертили для него маршрут,
в котором не предусмотрели цели.
Так человек бесцельно трудится
в каком-то ненадёжном мире,
То убаюкиваемый случайной
передышкою в его страдании,
А то бичуемый, как скот,
своими бесконечными желаньями,
Привязанный к повозке
ужасающих богов.
Но если ты ещё открыта для надежды
и способна полюбить,
То возвращайся в оболочку тела,
к узам на земле,
И постарайся жить
с оставшимся кусочком сердца.
И не надейся победить,
вернув себе обратно Сатьявана.
Но всё же сила у тебя
достойна необычного венца,
Могу я дать дары, чтоб облегчить
твою израненную жизнь.
Те договоры, что с судьбою
заключают временные существа,
Та сладость на обочине дороги,
что желало бы
землёю связанное сердце,
Всё это, если согласишься,
станет, с лёгкостью, твоим.
Бери надежды жизни
в качестве обманчивого приза."
Когда умолк безжалостный
ужасный Голос,
В Савитри стало
бесконечно подниматься,
Как залитые лунным светом гребни
на дрожащем половодье,
Движенье мысли, что рождалось
из какой-то тишины,

Across the sea of her dumb
fathomless heart.
At last she spoke; her voice was
heard by Night:
"I bow not to thee, O huge mask of
death,
Black lie of night to the cowed soul
of man,
Unreal, inescapable end of things,

Thou grim jest played with the
immortal spirit.
Conscious of immortality I walk.

A victor spirit conscious of my
force,
Not as a suppliant to thy gates I
came:
Unslain I have survived the clutch
of Night.
My first strong grief moves not my
seated mind;
My unwept tears have turned to
pearls of strength:
I have transformed my ill-shaped
brittle clay
Into the hardness of a statued soul.
Now in the wrestling of the splendid
gods
My spirit shall be obstinate and
strong
Against the vast refusal of the world.
I stoop not with the subject mob of
minds
Who run to glean with eager
satisfied hands
And pick from its mire mid many
trampling feet
Its scornful small concessions to the
weak.
Mine is the labour of the battling
gods:

Пересекая океан её
бездонного немого сердца.
И вот она заговорила, наконец;
Ночь слушала тот голос:
"Я не склонюсь перед тобой,
огромнейшая маска смерти,
О чёрное враньё ночи,
пугающее душу человека,
О завершение всего,
неотвратимое и нереальное,
Ты — мрачная насмешка,
что играется с бессмертным духом.
Я здесь иду, прекрасно зная
о своём бессмертии.
Победоносный дух мой сознаёт
своё могущество,
Не как проситель я вошла
в твои врата:
Я не убита,
я пережила объятья Ночи.
Не первым сильным горем
движется уравновешенный мой ум;
Жемчужинами силы обернулись
все мои непролитые слёзы:
Я превратила хрупкую
и плохо сформированную плоть
В твердыню статуи души.
Сейчас в борьбе
с великолепными богами
Мой дух упрямым станет
и могучим,
Наперекор широкому отказу мира.
Я не сгибаюсь вместе
с подчинившейся толпой умов,
Которые несутся подбирать
довольными и жадными руками
И выбирать из грязи
посреди топтанья многих ног
Ничтожные уступки
мелкой слабости.
Я выбираю
труд сражения богов:

Imposing on the slow reluctant years
The flaming will that reigns beyond the stars,
They lay the law of Mind on Matter's works
And win the soul's wish from earth's inconscient Force.

First I demand whatever Satyavan,
My husband, waking in the forest's charm
Out of his long pure childhood's lonely dreams,
Desired and had not for his beautiful life.
Give, if thou must, or, if thou canst, refuse."
Death bowed his head in scornful cold assent,
The builder of this dreamlike earth for man
Who has mocked with vanity all gifts he gave.
Uplifting his disastrous voice he spoke:
"Indulgent to the dreams my touch shall break,
I yield to his blind father's longing heart
Kingdom and power and friends and greatness lost
And royal trappings for his peaceful age,
The pallid pomps of man's declining days,
The silvered decadent glories of life's fall.

Навязывая медленным
и еле поддающимся годам
Пылающую волю,
правящую за пределом звёзд,
Они закон Ума накладывают
на творения Материи,
Стремясь отвоевать желание души
у не осознающего Могущества
земли.
Я требую, не глядя ни на что,
во-первых — Сатьявана,
мужа моего,
Проснувшегося средь
очарованья леса
Из долгих чистых
одиноких сновидений детства,
Желанных, но излишних
для его прекрасной жизни.
Отдай его мне, если должен,
или, если, сможешь, откажись."
Склонив в холодной
и презрительной уступке голову,
бог Смерти,
Строитель этой призрачной,
похожей на виденья сна
земли для человека,
Высмеивающий дары, что сам даёт,
напрасной тщетностью,
Возвысив гибельный свой голос,
произнёс:
"Я снисхожу к мечтам,
которые моё касание разрушит,
Я уступаю жаждущему сердцу
ослепшего его отца
И возвращаю царство, мощь, друзей,
величие, которое утрачено,
И царские регалии
его спокойной мирной старости,
И бледное великолепие
преклонных дней,
Посеребрённую и вянущую славу
на закате жизни.

To one who wiser grew by adverse Fate,
Goods I restore the deluded soul prefers
To impersonal nothingness's bare sublime.
The sensuous solace of the light I give
To eyes which could have found a larger realm,
A deeper vision in their fathomless night.
For that this man desired and asked in vain
While still he lived on earth and cherished hope.
Back from the grandeur of my perilous realms
Go, mortal, to thy small permitted sphere!
Hasten swift-footed, lest to slay thy life
The great laws thou hast violated, moved,
Open at last on thee their marble eyes."
But Savitri answered the disdainful Shade:
"World-spirit, I was thy equal spirit born.
My will too is a law, my strength a god.
I am immortal in my mortality.

I tremble not before the immobile gaze
Of the unchanging marble hierarchies
That look with the stone eyes of Law and Fate.
My soul can meet them with its living fire.

Тому, кто стал мудрее
от ударов злой Судьбы
Верну те блага, что
обманутая та душа предпочитает
Величию и простоте
безличного небытия.
Я чувственное утешенье света
дам глазам,
Что царство более широкое
могли бы для себя найти
И более глубокий взгляд
в бездонной ночи.
Ведь именно об этом он мечтает
и напрасно просит,
Пока ещё живёт он на земле
и бережёт надежду.
Теперь назад, из грандиозности
моих опасных царств,
Вернись, о, смертная, в свою
дозволенную маленькую сферу!
Спеши, о быстроногая,
чтоб жизнь свою не погубить,
Великие законы ты нарушила,
ступай отсюда прочь,
Открой же, наконец,
их мраморные взгляды на себе."
Савитри отвечала
той презрительной Тени:
"Вселенский дух,
мой дух с рожденья равен твоему.
И моя воля — тоже здесь закон,
а моя сила — бог.
И я бессмертна
в смертности своей.
Я не дрожу
под неподвижным взором
Застывших словно мрамор,
неизменных иерархов,
Что смотрят каменными взглядами
Закона и Судьбы.
Моя душа способна встретить их
живым огнём.

Out of thy shadow give me back again
Into earth's flowering spaces Satyavan
In the sweet transiency of human limbs
To do with him my spirit's burning will.
I will bear with him the ancient Mother's load,
I will follow with him earth's path that leads to God.
Else shall the eternal spaces open to me,
While round us strange horizons far recede,
Travelling together the immense unknown.
For I who have trod with him the tracts of Time,
Can meet behind his steps whatever night
Or unimaginable stupendous dawn

Breaks on our spirits in the untrod Beyond.
Wherever thou leadst his soul I shall pursue."
But to her claim opposed, implacable,
Insisting on the immutable Decree,

Insisting on the immitigable Law

And the insignificance of created things,
Out of the rolling wastes of night there came
Born from the enigma of the unknowable depths
A voice of majesty and appalling scorn.

Верни назад мне
из своей тени
В земные, полные цветов,
поляны Сатьявана,
Обратно в сладостную скоротечность
тела человека,
Чтобы исполнить с ним
мою пылающую волю духа.
Я понесу с ним
ношу древней Матери,
Пойду за ним земным путём,
ведущим к Богу.
Или открой мне эти
вечные пространства,
Пока вокруг нас не расступятся
неведомые горизонты,
Что с нами путешествуют
в огромной неизвестности.
Ведь я, прошедшая с ним
по дорогам Времени,
Способна встретить вслед за ним
всё то, что ночь
Иль невообразимый,
изумительный рассвет
На дух у нас обрушит в том
непроторённом Запредельном.
Куда б его ты душу не повёл,
я буду следовать за ним."
Сопротивляясь этим требованиям,
неумолимый,
Настаивая на
неизменяемом Указе,
Настаивая на
неподдающемся смягчению Законе
Настаивая на
ничтожности творения,
Из расходящихся волнами вдаль
пустынь ночи пришёл,
Рождённый тайною
непознаваемых глубин,
Величественный голос,
полный устрашающей иронии.

As when the storm-haired
Titan-striding sea
Throws on a swimmer its
tremendous laugh
Remembering all the joy its waves
have drowned,
So from the darkness of the
sovereign night
Against the Woman's boundless
heart arose
The almighty cry of universal
Death.
"Hast thou god-wings or feet that
tread my stars,

Frail creature with the courage that
aspires,
Forgetting thy bounds of thought,
thy mortal role?
Their orbs were coiled before thy
soul was formed.

I, Death, created them out of my
void;
All things I have built in them and I
destroy.
I made the worlds my net, each joy
a mesh.
A Hunger amorous of its suffering
prey,
Life that devours, my image see in
things.
Mortal, whose spirit is my
wandering breath,
Whose transience was imagined by
my smile,
Flee clutching thy poor gains to thy
trembling breast
Pierced by my pangs Time shall not
soon appease.
Blind slave of my deaf force whom
I compel

Как если б море с поступью Титана,
волосами из штормов,
Обрушило бы свой ужасный хохот
на пловца,
Напомнив о всей радости,
которую те волны потопили,
Из темноты державной,
властной ночи
В ответ на безграничность
сердца Женщины
Поднялся всемогущий крик
вселенской Смерти.
"Ты обладаешь крыльями богов,
иль их стопами,
чтоб шагать по звёздам,
О хрупкое и смелое созданье,
что стремится
Забыв про узы мысли,
положенье смертной?
Орбиты этих звёзд
свернулись в кольца
до возникновения твоей души.
Их создал я, бог Смерти,
из моей же пустоты;
И всё, что я на них построил,
я же и разрушу.
Я сделал из миров мои тенета,
и любая радость — это западня.
Есть Голод, что влюблён
в свою страдающую жертву,
Есть Жизнь, что пожирает —
посмотри на образ мой во всём,
О, смертная, чей дух —
блужданье моего дыхания,
Чья скоротечность некогда была
придумана моей улыбкой,
Беги, прижав свою добычу, жалкую
к трепещущей груди,
Пронзённою моею болью,
и которую не скоро Время успокоит.
Ослепшая раба моей
глухой энергии и силы,
которую я принуждаю

To sin that I may punish, to desire

That I may scourge thee with
despair and grief
And thou come bleeding to me at
the last,
Thy nothingness recognised, my
greatness known,
Turn nor attempt forbidden happy
fields
Meant for the souls that can obey
my law,

Lest in their sombre shrines thy
tread awake
From their uneasy iron-hearted
sleep
The Furies who avenge fulfilled
desire.
Dread lest in skies where passion
hoped to live,
The Unknown's lightnings start and,
terrified,
Lone, sobbing, hunted by the
hounds of heaven,
A wounded and forsaken soul thou
flee
Through the long torture of the
centuries,
Nor many lives exhaust the tireless
Wrath

Hell cannot slake nor Heaven's
mercy assuage.
I will take from thee the black
eternal grip:
Clasping in thy heart thy fate's
exiguous dole
Depart in peace, if peace for man is
just."
But Savitri answered meeting scorn
with scorn,

Грешить, чтоб я способен был
потом наказывать, желать,
Чтоб я мог бичевать тебя
отчаяньем и горем —
И ты придёшь, вся кровью истекая
под конец ко мне,
Твоё ничтожество понятно,
а моё величие — известно,
И не пытайся повернуть
в запретные счастливые поля,
Что предназначены для душ,
способных подчиняться
моему закону,
Чтобы твои шаги
не разбудили в тёмных храмах,
От их нелёгких
и жестокосердных снов,
Тех Фурий, что в отместку
мстят за исполнение желаний.
Страшись того, что в небесах,
где страсть твоя хотела выжить,
Откуда вылетают
молнии Неведомого,
Где в ужасе, рыдающая, одинокая,
затравленная гончими небес,
Израненная, позабытая душа,
ты не спасёшься
В теченье долгой пытки
множества столетий,
И никакие многочисленные жизни
не сумеют истощить
не устающий Гнев,
Которого ни Ад не сможет утолить,
ни Небеса смягчить.
Но я сниму с тебя те вечные
и безнадёжные тиски:
Сжимая в сердце скудные подачки
собственной судьбы,
Иди отсюда с миром,
если это мир для человека."
Его иронию встречая
тем же самым,

The mortal woman to the dreadful Lord:
"Who is this God imagined by thy night,
Contemptuously creating worlds disdained,
Who made for vanity the brilliant stars?
Not he who has reared his temple in my thoughts

And made his sacred floor my human heart.
My God is will and triumphs in his paths,

My God is love and sweetly suffers all.
To him I have offered hope for sacrifice
And gave my longings as a sacrament.
Who shall prohibit or hedge in his course,
The wonderful, the charioteer, the swift?
A traveller of the million roads of life,
His steps familiar with the lights of heaven
Tread without pain the sword-paved courts of hell;

There he descends to edge eternal joy.

Love's golden wings have power to fan thy void:

The eyes of love gaze starlike through death's night,

Савитри, женщина из смертных,
отвечала ужасающему Господину:
"И что за Бог такой,
придуманный твоею ночью,
С презрением творящий целые миры,
которыми потом гнушается,
И создавший сверкающие звёзды
ради суеты?
Твой Бог не тот,
кто в мыслях у меня
воздвиг свой храм,
И из своей духовной почвы сотворил
моё трепещущее сердце человека.
Мой Бог — есть воля
и победа этой воли
на его путях,
Мой Бог — любовь и нежность
состраданья ко всему.
Ему свою надежду
предложила в жертву,
Ему я отдала
свои желанья, как обет.
Кто запретит, иль преградит
ему дорогу,
Такому замечательному
быстрому вознице?
Он путешествует
по миллионам жизненных путей,
Его стопы, знакомые
с небесными огнями,
Проходят безболезненно
по устланным мечами
мостовым в аду;
Туда снисходит он,
чтоб ярче и острее
становилась радость вечного.
У крыльев золотых любви
есть сила разнести по ветру
пустоту твою:
Глаза любви глядят
как звёзды в ночи смерти,

The feet of love tread naked hardest worlds.

He labours in the depths, exults on the heights;
He shall remake thy universe, O Death."
She spoke and for a while no voice replied,
While still they travelled through the trackless night

And still that gleam was like a pallid eye
Troubling the darkness with its doubtful gaze.
Then once more came a deep and perilous pause
In that unreal journey through blind Nought;
Once more a Thought, a Word in the void arose
And Death made answer to the human soul:
"What is thy hope? To what dost thou aspire?
This is thy body's sweetest lure of bliss,
Assailed by pain, a frail precarious form,
To please for a few years thy faltering sense

With honey of physical longings and the heart's fire

And, a vain oneness seeking, to embrace
The brilliant idol of a fugitive hour.

And thou, what art thou, soul, thou glorious dream

Ступни любви шагают босыми
по самым трудным
царствам и мирам.
Он трудится в глубинах
и ликует на высотах;
Он переделает твою вселенную,
о Смерть."
Она сказала
и не сразу голос ей ответил,
А между тем,
они всё шли сквозь ночь,
без всякого пути,
И только отблеск оставался,
словно бледный глаз,
И беспокоил тьму
неясным взглядом.
Вновь наступила пауза,
глубокая, опасная
В том нереальном путешествии
сквозь слепоту Ничто;
Ещё раз в пустоте возникли
Мысль и Слово,
Бог Смерти так ответил
этой человеческой душе.
"Но в чём твоя надежда?
И к чему стремишься ты?
Ведь это только — сладкая приманка
твоего телесного блаженства,
И атакуемая болью,
хрупкая сомнительная форма,
Способная в течении каких-то лет
порадовать твоё
прерывистое чувство
Медовой сладостью
физических желаний
и сердечным пламенем
В напрасных поисках единства,
чтоб обнять
Сверкающего идола в теченьи
быстро пролетающего часа.
А ты, чем ты сама являешься, душа,
ты — славное видение,

Of brief emotions made and glittering thoughts,
A thin dance of fireflies speeding through the night,
A sparkling ferment in life's sunlit mire?
Wilt thou claim immortality, O heart,
Crying against the eternal witnesses

That thou and he are endless powers and last?

Death only lasts and the inconscient Void.
I only am eternal and endure.

I am the shapeless formidable Vast,

I am the emptiness that men call Space,
I am a timeless Nothingness carrying all,
I am the Illimitable, the mute Alone.

I, Death, am He; there is no other God.
All from my depths are born, they live by death;
All to my depths return and are no more.
I have made a world by my inconscient Force.
My Force is Nature that creates and slays
The hearts that hope, the limbs that long to live.
I have made man her instrument and slave,

His body I made my banquet, his life my food.

Что соткано из ярких мыслей
и непродолжительных эмоций,
Похожая на слабый танец светлячков,
спешащих через ночь,
Искрящийся фермент
в залитой солнцем грязи жизни?
И ты потребуешь бессмертия,
о сердце,
Крича наперекор свидетелям,
живущим в вечности,
Что ты и он —
есть бесконечные могущества,
которые должны остаться?
Здесь остаётся только Смерть
и бессознательная Пустота.
Здесь вечный только я
и остаюсь здесь только я.
Я — этот весь бесформенный
и угрожающий Простор,
Я — пустота,
что человек зовёт Пространством,
Я — вечное Ничто,
которое поддерживает всё,
Я — Беспредельность,
я — немой Единый.
Я, Смерть, есть Он;
и нет другого Бога.
Все из моих глубин рождаются,
и смертью все живут;
Все возвращаются в мои глубины,
и другого нет.
Я создал мир моей
несознающей Силой.
Моё Могущество — Природа,
что творит и убивает,
Сердца, которые надеются,
тела, что страстно жаждут жить.
Я сделал человека
инструментом этой Силы
и её рабом,
И тело у него
я превращаю в пиршество,
его жизнь — пища для меня.

Man has no other help but only Death;
He comes to me at his end for rest and peace.
I, Death, am the one refuge of thy soul.
The Gods to whom man prays can help not man;

They are my imaginations and my moods
Reflected in him by illusion's power.
That which thou seest as thy immortal self
Is a shadowy icon of my infinite,

Is Death in thee dreaming of eternity.
I am the Immobile in which all things move,
I am the nude Inane in which they cease:
I have no body and no tongue to speak,
I commune not with human eye and ear;
Only thy thought gave a figure to my void.
Because, O aspirant to divinity,

Thou calledst me to wrestle with thy soul,
I have assumed a face, a form, a voice.
But if there were a Being witnessing all,
How should he help thy passionate desire?
Aloof he watches sole and absolute,

И нет у человека помощи другой,
одна лишь Смерть;
Ко мне приходит он в конце
для отдыха и для покоя.
Я, Смерть — единственный приют
твоей души.
Те Божества, кому возносит
человек молитву,
не способны чем-либо помочь;

Они — лишь вымыслы мои
и настроения,
Что в человеке отражаются
могуществом иллюзии.
И что ты видишь, как своё
неумирающее "я" —
Есть смутный образ
мне принадлежащей
бесконечности,

И Смерть внутри тебя,
что в грёзах видит вечность.
Я — Неподвижный, но в котором
движутся все вещи,
Я — обнажённое Ничто,
в котором эти вещи исчезают:
Нет тела у меня,
нет языка, чтоб говорить,
И я общаюсь не при помощи
людского глаза или уха;
Лишь мысль твоя даёт
какой-то образ пустоте моей.
И только потому,
о устремлённая к божественному,

Что ты меня призвала
на борьбу с твоей душой,
Я принял форму,
лик и голос.
Но если есть на свете Существо,
что видит всё,
Как он поможет
страстному желанью твоему?
Он наблюдает, одинокий, абсолютный,
в стороне,

Indifferent to thy cry in nameless calm.
His being is pure, unwounded, motionless, one.
One endless watches the inconscient scene
Where all things perish, as the foam the stars.
The One lives for ever. There no Satyavan
Changing was born and there no Savitri
Claims from brief life her bribe of joy. There love

Came never with his fretful eyes of tears,
Nor Time is there nor the vain vasts of Space.

It wears no living face, it has no name,

No gaze, no heart that throbs; it asks no second
To aid its being or to share its joys.

It is delight immortally alone.

If thou desirest immortality,
Be then alone sufficient to thy soul:

Live in thyself; forget the man thou lov'st.
My last grand death shall rescue thee from life;
Then shalt thou rise into thy unmoved source."
But Savitri replied to the dread Voice:
"O Death, who reasonest, I reason not,

И в том неописуемом молчаньи
он безразличен к твоему призыву.
Всё существо его едино,
неподвижно, не изранено и чисто.
Он бесконечно наблюдает
эту бессознательную сцену,
Где всё на свете исчезает,
словно пена звёзд.
Единый этот существует вечно.
И никакой меняющийся Сатьяван
Там не рождался,
и нет там никакой Савитри,
Что требует у краткой жизни
взятки радостью.
И никогда любовь
Не появлялась там с глазами,
красными от слёз,
И нет там Времени вообще,
и нет пустых обширностей
Пространства.
Оно не носит там
живого, зримого лица,
и не имеет имени,
Оно не смотрит,
в нём не бьётся сердце;
Оно другого не попросит
ни помочь ему,
ни разделить с ним радости.
Оно — восторг,
бессмертно одинокий.
И если ты желаешь так бессмертия,
Тебя одной
достаточно твоей душе:
Живи в себе;
забудь того, кого ты любишь.
Моё последнее величье, смерть,
освободит тебя от жизни;
Тогда ты вознесёшься
в неподвижный свой источник."
Пугающему Голосу
Савитри отвечала:
"О Смерть, о бог, что рассуждает,
я не рассуждаю

Reason that scans and breaks, but cannot build
Or builds in vain because she doubts her work.
I am, I love, I see, I act, I will."

Death answered her, one deep surrounding cry:
"Know also. Knowing, thou shalt cease to love
And cease to will, delivered from thy heart.
So shalt thou rest for ever and be still,
Consenting to the impermanence of things."
But Savitri replied for man to Death:
"When I have loved for ever, I shall know.
Love in me knows the truth all changings mask.
I know that knowledge is a vast embrace:
I know that every being is myself,
In every heart is hidden the myriad One.
I know the calm Transcendent bears the world,
The veiled Inhabitant, the silent Lord:
I feel his secret act, his intimate fire;
I hear the murmur of the cosmic Voice.
I know my coming was a wave from God.
For all his suns were conscient in my birth,

Той силой разума, что изучает,
а потом и разрушает,
но создать не может,
Иль создаёт напрасно,
потому что сомневается
в своей работе.
Я есть, я вижу, я люблю,
я действую, и я хочу."
Бог Смерти отвечал глубоким,
окружающим вокруг всё криком:
"Попробуй-ка ещё и знать.
Познав, ты прекратишь любить,
И прекратишь желать,
освобождённая от сердца.
Тогда ты успокоишься
и будешь вечно отдыхать,
И согласишься
с бренностью вещей."
Савитри отвечала богу Смерти
как обычный человек:
"Когда я полюблю навеки,
тогда я буду знать.
Любовь во мне всё время знает
истину любых меняющихся масок.
Я сознаю, что знание —
широкое объятие:
Я знаю, что любое существо
есть я сама,
Во всяком сердце
скрыт бесчисленный Единый.
Я знаю также,
что спокойный Трансцендентный
поддерживает этот мир,
Сокрытый Обитатель
и безмолвный Господин:
Я ощущаю тайные его дела,
и внутреннее пламя;
Я слышу тихое шептание
космического Голоса.
Я знаю — появление моё —
волна, пришедшая из Бога.
И все его бесчисленные солнца
знают о моём рождении,

And one who loves in us came
veiled by death.

Then was man born among the
monstrous stars
Dowered with a mind and heart to
conquer thee."
In the eternity of his ruthless will

Sure of his empire and his armoured
might,
Like one disdaining violent helpless
words
From victim lips Death answered
not again.
He stood in silence and in darkness
wrapped,
A figure motionless, a shadow
vague,
Girt with the terrors of his secret
sword.
Half-seen in clouds appeared a
sombre face;
Night's dusk tiara was his matted
hair,
The ashes of the pyre his forehead's
sign.
Once more a wanderer in the
unending Night,
Blindly forbidden by dead vacant
eyes,
She travelled through the dumb
unhoping vasts.
Around her rolled the shuddering
waste of gloom,
Its swallowing emptiness and
joyless death
Resentful of her thought and life
and love.
Through the long fading night by
her compelled,

А тот, кто любит в нас,
пришёл, скрываемый
под маской смерти.
Тогда рождён был человек
среди гигантских звёзд,
Умом и сердцем наделённый,
чтобы победить тебя."
Но в вечности
своей жестокой воли,
Уверенный в своей империи,
вооружённой мощи,
Как будто презирая все отчаянные
и беспомощные фразы жертвы,
Бог Смерти
не ответил в этот раз.
Он высился, закутанный в молчание
и темноту,
Своею неподвижною фигурой,
неотчётливою тенью,
И ужас, словно тайный меч,
висел на поясе его.
Наполовину скрытый в облаках
виднелся мрачный лик;
Тиара сумрака Ночи была
его растрёпанными волосами,
Останки с погребального костра —
его тилаком.
Опять скиталицей
по нескончаемой Ночи,
Наталкиваясь слепо
на пустые мёртвые глаза,
Она[1] шла сквозь немые
и безнадёжные просторы.
Вокруг неё кружила, содрогаясь,
необъятная пустыня мрака,
Её всепоглощающая пустота,
безрадостная смерть,
Была разбужена, возмущена
её любовью, жизнью, мыслью.
По долгой увядавшей ночи,
понуждаемые ею,

[1] Савитри, *прим. пер.*

Gliding half-seen on their unearthly path,
Phantasmal in the dimness moved the three.

End of Canto Two
End of Book Nine

Скользя наполовину видимым и неземным своим путём,
Как призраки в тумане продвигались эти трое.

Конец второй песни
Конец девятой книги

Book Ten
THE BOOK OF THE DOUBLE TWILIGHT

Canto I
THE DREAM TWILIGHT OF THE IDEAL

All still was darkness dread and desolate;
There was no change nor any hope of change.
In this black dream which was a house of Void,
A walk to Nowhere in a land of Nought,
Ever they drifted without aim or goal;
Gloom led to worse gloom, depth to an emptier depth,

In some positive Non-being's purposeless Vast
Through formless wastes dumb and unknowable.
An ineffectual beam of suffering light
Through the despairing darkness dogged their steps
Like the remembrance of a glory lost;
Even while it grew, it seemed unreal there,
Yet haunted Nihil's chill stupendous realm,
Unquenchable, perpetual, lonely, null,
A pallid ghost of some dead eternity.

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ СУМЕРЕК

Песня I
МЕЧТА СУМРАКА ОБ ИДЕАЛЕ

Всё так же продолжалась
страшная, необитаемая тьма;
И не было ни перемены,
ни надежды что-то изменить.
В том чёрном сне,
что был жилищем Пустоты,
Походом в Никуда
в стране Ничто,
Они всё шли и шли
без направления и цели;
Мрак вёл в ещё ужасней мрак,
и глубина — в другую,
ещё более пустую глубину,
В бесцельной Широте неведомого
утверждавшего себя Небытия,
Через аморфные пустыни,
молчаливые, непознаваемые.
Какой-то бесполезный луч
страдающего света
Шёл по пятам за ними
сквозь отчаяние темноты,
Напоминаньем
об утраченном великолепии;
Хотя он постепенно рос,
он там казался нереальным,
Но всё-таки, преследовал холодную
громадную страну Ничто,
Пустую, нескончаемую,
ненасытную и одинокую,
Похожую на бледный призрак
некой мёртвой вечности.

It was as if she must pay now her debt,
Her vain presumption to exist and think,
To some brilliant Maya that conceived her soul.

This most she must absolve with endless pangs,
Her deep original sin, the will to be
And the sin last, greatest, the spiritual pride,
That, made of dust, equalled itself with heaven,
Its scorn of the worm writhing in the mud,
Condemned ephemeral, born from Nature's dream,
Refusal of the transient creature's role,
The claim to be a living fire of God,
The will to be immortal and divine.
In that tremendous darkness heavy and bare
She atoned for all since the first act whence sprang

The error of the consciousness of Time,
The rending of the Inconscient's seal of sleep,
The primal and unpardoned revolt that broke
The peace and silence of the Nothingness
Which was before a seeming universe

Казалось, что она[1] должна
сейчас отдать свой долг,
За бесполезную самонадеянность
существовать и думать,
Какой-то яркой Майе,
где её душа была
задумана и рождена.
Но более всего она должна стараться
бесконечной болью искупить
Глубокий, изначальный грех —
желанье быть,
И грех последний, больше остальных —
духовное достоинство и гордость,
За то, что сотворённая из праха,
приравняла к небесам себя,
Её[2] насмешку над червём,
что корчится в грязи,
Которому судьба быть эфемерным,
порожденьем грёз Природы,
За свой отказ от роли
временного существа,
За требованье быть
живым огнём Всевышнего,
За волю быть бессмертной
и божественной.
В той страшной тьме,
тяжёлой и пустой,
Она пыталась искупить вину
за всё на свете,
начиная с первого поступка,
Когда лишь появилось искажение
сознанья Времени,
За то, что сорвала
печать сна Несознания,
За не прощаемый
первоначальный бунт,
Нарушивший покой
и тишину Ничто,
Что были до того,
как кажущийся мир

[1] Савитри, *прим. пер.*
[2] Майи, *прим. пер.*

Appeared in a vanity of imagined Space
And life arose engendering grief and pain:
A great Negation was the Real's face
Prohibiting the vain process of Time:
And when there is no world, no creature more,
When Time's intrusion has been blotted out,
It shall last, unbodied, saved from thought, at peace.
Accursed in what had been her godhead source,
Condemned to live for ever empty of bliss,
Her immortality her chastisement,

Her spirit, guilty of being, wandered doomed,
Moving for ever through eternal Night.
But Maya is a veil of the Absolute;
A Truth occult has made this mighty world:
The Eternal's wisdom and self-knowledge act
In ignorant Mind and in the body's steps.
The Inconscient is the Superconscient's sleep.
An unintelligible Intelligence

Invents creation's paradox profound;
Spiritual thought is crammed in Matter's forms,
Unseen it throws out a dumb energy

Возник в ничтожности
воображённого Пространства
И жизнь поднялась,
порождая боль и горе:
Огромнейшее Отрицанье
было обликом Реальности,
Что запрещало это тщетное
теченье Времени:
Когда уже не будет
ни творения, ни мира,
Когда вторженье Времени
сотрётся начисто,
Оно останется, свободное от мысли,
бестелесное, в своём покое.
И проклятая в том, что было для неё
источником божественности,
Навеки осуждённая на жизнь,
лишённую блаженства,
Её бессмертье
стало наказанием,
И дух её, виновник бытия,
был обречён скитаться,
Всё время двигаясь
по вечной Ночи.
Но Майя — лишь вуаль
для Абсолюта;
Оккультной Истиной был создан
этот наш могучий мир:
Самопознание и мудрость Вечного
работают
И в каждом шаге тела,
и в незнающем Уме.
Ведь Несознание — лишь сон
для Сверхсознания.
Так непонятный
высший Интеллект
Изобретает глубочайший
парадокс творения;
Его мысль духа втиснута
в обличия Материи,
Незримая, она выбрасывает
молчаливую энергию

And works a miracle by a machine.
All here is a mystery of contraries:

Darkness a magic of self-hidden Light,
Suffering some secret rapture's tragic mask
And death an instrument of perpetual life.
Although Death walks beside us on Life's road,
A dim bystander at the body's start

And a last judgment on man's futile works,
Other is the riddle of its ambiguous face:
Death is a stair, a door, a stumbling stride
The soul must take to cross from birth to birth,
A grey defeat pregnant with victory,
A whip to lash us towards our deathless state.
The inconscient world is the spirit's self-made room,
Eternal Night shadow of eternal Day.
Night is not our beginning nor our end;
She is the dark Mother in whose womb we have hid
Safe from too swift a waking to world-pain.

We came to her from a supernal Light,
By Light we live and to the Light we go.
Here in this seat of Darkness mute and lone,

И чудеса творит
при помощи машины.
Здесь всё —
мистерия противоречий:
Тьма — это магия
себя скрываемого Света,
Страдание — трагическая маска
тайного восторга,
А смерть — инструментарий
вечной жизни.
Хоть Смерть идёт за нами
по дороге Жизни,
Неясным зрителем, стоящим рядом
с самого рожденья тела,
Как окончательный судья
всей тщетности работы человека,
Есть и другой ответ в загадке
этого двусмысленного лика:
Смерть есть ступенька, дверь,
и спотыкающийся шаг,
Что делать суждено душе, переходя
от одного рождения к другому,
Болезненное пораженье,
что несёт в себе победу,
И хлыст, которым гонят человека
к состоянию бессмертия.
Не сознающий мир — жилище,
созданное духом для себя,
И вечно длящаяся Ночь —
тень вечно длящегося Дня.
Ночь не начало нам,
и не конец;
Она нам тёмная, таинственная Мать,
в чьём лоне мы сокрыты,
Она спасает нас
от слишком быстрых пробуждений
в мире боли.
Мы к ней явились
из божественного Света,
И этим Светом мы живём,
и к Свету этому идём.
Здесь, в основаньи Тьмы,
немой и одинокой,

In the heart of everlasting
Nothingness
Light conquered now even by that
feeble beam:
Its faint infiltration drilled the
blind deaf mass;
Almost it changed into a
glimmering sight
That housed the phantom of an
aureate Sun
Whose orb pupilled the eye of
Nothingness.
A golden fire came in and burned
Night's heart;
Her dusky mindlessness began to
dream;
The Inconscient conscious grew,
Night felt and thought.
Assailed in the sovereign
emptiness of its reign

The intolerant Darkness paled and
drew apart
Till only a few black remnants
stained that Ray.

But on a failing edge of dumb lost
space

Still a great dragon body sullenly
loomed;
Adversary of the slow struggling
Dawn
Defending its ground of tortured
mystery,
It trailed its coils through the dead
martyred air
And curving fled down a grey
slope of Time.

Здесь, в самом сердце
вечного Небытия,
Свет побеждал Ночь
даже этим слабеньким лучом:
Его едва заметное вхожденье
будоражило слепую и глухую массу;
Он превратился в некое
мерцанье взгляда,
В котором поселился призрак
ослепительного Солнца,
И чей глаз в точности
попал в зрачок Небытия.
И золотой огонь вошёл,
воспламеняя, в сердце Ночи;
Её, наполненная сумраком,
бездумность начала мечтать;
Так в Несознании росло осознавание,
Ночь думала и ощущала.
Внезапно атакованная
в полновластной пустоте
своих владений,
Не выносящая другого,
Тьма бледнела, отступая,
Пока там не осталось
несколько чернильных клякс
пятнавших этот Луч.
Но до сих пор, на исчезающем краю
затерянного молчаливого
пространства
Угрюмо вырисовывалось тело
колоссального дракона;
Враг этому, неторопливо
пробивающемуся Рассвету,
Обороняя земли собственной
истерзанной мистерии,
Он кольцами тянулся сквозь
измученный мертвящий воздух
И, изгибаясь, устремлялся вниз,
по серым склонам Времени.

There is a morning twilight of
the gods;

Но вот приходят
утренние сумерки богов;

Miraculous from sleep their forms arise
And God's long nights are justified by dawn.
There breaks a passion and splendour of new birth
And hue-winged visions stray across the lids,
Heaven's chanting heralds waken dim-eyed Space.
The dreaming deities look beyond the seen
And fashion in their thoughts the ideal worlds
Sprung from a limitless moment of desire
That once had lodged in some abysmal heart.
Passed was the heaviness of the eyeless dark
And all the sorrow of the night was dead:
Surprised by a blind joy with groping hands
Like one who wakes to find his dreams were true,
Into a happy misty twilit world

Where all ran after light and joy and love
She slipped; there far-off raptures drew more close

And deep anticipations of delight,

For ever eager to be grasped and held,

Were never grasped, yet breathed strange ecstasy.
A pearl-winged indistinctness fleeting swam,

Их формы после сна
становятся чудесными,
Рассвет оправдывает
длительные ночи Бога.
Врываются великолепие
и страстность нового рождения,
Под веками бегут виденья
с разноцветными крылами,
Небесные поющие геральды
будят сонное Пространство.
Мечтающие божества
выглядывают за пределы зримого
И формируют в мыслях
идеальные миры,
Внезапно возникающие в
беспредельности мгновения желания,
Что поселилось некогда
в бездонном сердце.
Они прошли сквозь тяжесть
той безглазой тьмы,
И всё страданье ночи
стало мёртвым:
Застигнутая вдруг слепою радостью,
что ищет наугад,
Как тот, кто просыпается и видит,
как сны стали явью,
В туманный и счастливый
предрассветный мир,
Где всё бежало за любовью,
радостью и светом,
Она скользила;
становились ближе
отдалённые восторги
И предвкушенья наслаждений
в глубине,
Всё время полные желания
быть обладаемыми,
кинуться в объятия,
Всегда неуловимые,
дышали удивительным экстазом.
Там быстро проплывало
что-то еле различимое,
с жемчужными крылами,

An air that dared not suffer too
much light.
Vague fields were there, vague
pastures gleamed, vague trees,

Vague scenes dim-hearted in a
drifting haze;

Vague cattle white roamed
glimmering through the mist;
Vague spirits wandered with a
bodiless cry,
Vague melodies touched the soul
and fled pursued
Into harmonious distances
unseized;
Forms subtly elusive and
half-luminous powers
Wishing no goal for their
unearthly course
Strayed happily through vague
ideal lands,
Or floated without footing or their
walk
Left steps of reverie on sweet
memory's ground;
Or they paced to the mighty
measure of their thoughts
Led by a low far chanting of the
gods.
A ripple of gleaming wings
crossed the far sky;
Birds like pale-bosomed
imaginations flew

With low disturbing voices of
desire,
And half-heard lowings drew the
listening ear,
As if the Sun-god's brilliant kine
were there
Hidden in mist and passing
towards the sun.

По воздуху, что смел не мучиться
при слишком ярком свете.
Там ширились неясные поля,
неясные пестрели пастбища,
неясные деревья,
Неясные пейзажи
вдохновляли сердце
зыбкой дымкой;
Неясные белёсые стада бродили,
еле видимые, средь тумана;
Неясный дух скитался там
с бесплотным зовом,
Неясные мелодии касались душ
и улетали от попыток их поймать
В неуловимые
и гармоничные пространства;
Тончайшие и ускользающие формы,
полуосвещённые могущества,
Без всякой цели,
неземным маршрутом,
Счастливые, бродили
по неясным идеальным землям,
Иль проплывали без какой-либо опоры,
и прогулка их
Лишь оставляла след мечты
на почве сладостных воспоминаний;
Бывало, шли они к могучему пределу
собственных идей и мысли,
Ведомые далёким
низким пением богов.
В высоком небе проносился
шелест пёстрых крыльев;
Как светлые фантазии,
хранимые у сердца,
пролетали птицы
С волнующим глубоким
голосом желания,
А еле слышное мычание
притягивало слушавшее ухо,
Как будто там паслись
сверкавшие коровы бога-Солнца,
Сокрытые в тумане,
направляясь к яркому светилу.

These fugitive beings, these elusive shapes
Were all that claimed the eye and met the soul,

The natural inhabitants of that world.
But nothing there was fixed or stayed for long;

No mortal feet could rest upon that soil,

No breath of life lingered embodied there.

In that fine chaos joy fled dancing past

And beauty evaded settled line and form
And hid its sense in mysteries of hue;
Yet gladness ever repeated the same notes
And gave the sense of an enduring world;
There was a strange consistency of shapes,
And the same thoughts were constant passers-by
And all renewed unendingly its charm
Alluring ever the expectant heart

Like music that one always waits to hear,
Like the recurrence of a haunting rhyme.
One touched incessantly things never seized,
A skirt of worlds invisibly divine.

Все мимолётные создания
и ускользающие образы,
Здесь были тем,
что требовало взгляда
и встречало душу,
Естественными обитателями
в этом мире.
Но не было здесь ничего,
что оставалось бы надолго,
или было прочным,
И ноги смертного бы
не нашли, где отдохнуть
на этой почве,
Дыханье жизни
не смогло бы задержаться,
если б воплотилось здесь.
В том утончённом хаосе
веселье, радость,
пролетали в танце мимо,
А красота стремилась избежать
конкретной линии и формы
И прятала свой смысл
в мистериях оттенка цвета;
Здесь радость вечно
повторяла те же ноты
И создавала этим ощущение
устойчивости мира;
Была здесь странная
логичность образов,
Одни и те же мысли
постоянно проходили мимо,
Всё обновляло нескончаемо
своё очарование,
И каждый раз пленяло
предвкушающее сердце,
Как музыка, которую
всё время ждёшь услышать,
Как повторение одной и той же
радующей рифмы.
В том мире постоянно
прикасаешься к неуловимому,
К окраине миров,
незримых и божественных.

As if a trail of disappearing stars
There showered upon the floating atmosphere
Colours and lights and evanescent gleams
That called to follow into a magic heaven,
And in each cry that fainted on the ear
There was the voice of an unrealised bliss.
An adoration reigned in the yearning heart,
A spirit of purity, an elusive presence
Of faery beauty and ungrasped delight
Whose momentary and escaping thrill,
However unsubstantial to our flesh,
And brief even in imperishableness,
Much sweeter seemed than any rapture known
Earth or all-conquering heaven can ever give.
Heaven ever young and earth too firm and old
Delay the heart by immobility:

Their raptures of creation last too long,
Their bold formations are too absolute;
Carved by an anguish of divine endeavour
They stand up sculptured on the eternal hills,
Or quarried from the living rocks of God

Подобно шлейфу
исчезавших звёзд
Здесь проливались
на изменчивую атмосферу
И пёстрые цвета, и яркие огни,
и тающие блики,
Что звали за собой
в магические небеса,
И в каждом крике,
что стихал в ушах,
Всё время оставался голос
не нашедшего себя блаженства.
Царило обожанье
в устремлённом сердце,
Дух чистоты,
неуловимое присутствие
Волшебной красоты
и непонятного восторга,
Чей ускользающий,
сиюминутный трепет,
Каким бы бестелесным не был он
для нашей плоти,
И кратким даже
для своей нетленности,
Казался сладостнее
всякого знакомого восторга,
Который может дать земля
иль покоряющие всё на свете небеса.
Но небеса всегда юны,
земля стара и чересчур тверда,
Чтоб сердце удержать
своею неподвижностью:
И слишком долго длился
их восторг творения,
И слишком абсолютны были
эти дерзкие творения;
Так, высеченные
мучением божественных усилий
Они стоят скульптурами
на склонах вечных гор,
Иль, извлекаемые
из живого камня Бога,

Win immortality by perfect form.

They are too intimate with eternal things:
Vessels of infinite significances,
They are too clear, too great, too meaningful;

No mist or shadow soothes the vanquished sight,
No soft penumbra of incertitude.

These only touched a golden hem of bliss,
The gleaming shoulder of some godlike hope,
The flying feet of exquisite desires.
On a slow trembling brink between night and day
They shone like visitants from the morning star,
Satisfied beginnings of perfection, first
Tremulous imaginings of a heavenly world:
They mingle in a passion of pursuit,
Thrilled with a spray of joy too slight to tire.
All in this world was shadowed forth, not limned,
Like faces leaping on a fan of fire

Or shapes of wonder in a tinted blur,
Like fugitive landscapes painting silver mists.
Here vision fled back from the sight alarmed,
And sound sought refuge from the ear's surprise,
And all experience was a hasty joy.

Хотят завоевать бессмертье
совершенством формы.
Но в слишком близких отношеньях
с вечностью они:
Сосуды нескончаемого смысла,
Они и чересчур чисты,
и слишком велики,
и чересчур значительны;
Ни тень, ни дымка
не утешат покорённый взгляд,
Ни мягкий полусвет
их неопределённости.
Они касались только
золотого краешка блаженства
И светлого плеча богоподобной
и неведомой надежды,
Летящих ног
изысканных желаний.
На медленной, дрожащей грани
между днём и ночью
Они сияли, словно гости
с утренней звезды,
Довольные начала совершенства
И трепетные первые догадки
о небесном мире:
Они смешались
в страстности стремления,
Волнуясь в брызгах радости,
но слишком лёгкой, чтоб наскучить.
Всё в этом мире было
только обозначено, не прорисовано,
Подобно лицам, прыгающим
в жарком воздухе костра,
Иль удивительным фигурам
в пятнах краски,
Как мимолётные пейзажи,
нарисованные серебристой дымкой.
Здесь видение улетало прочь
от потревоженного взгляда,
И звук искал убежища
от удивленья слуха,
И всякое переживанье
было торопливой радостью.

The joys here snatched were
half-forbidden things,
Timorous soul-bridals delicately
veiled
As when a goddess' bosom dimly
moves
To first desire and her white soul
transfigured,

A glimmering Eden crossed by
faery gleams,

Trembles to expectation's fiery
wand,
But nothing is familiar yet with
bliss.
All things in this fair realm were
heavenly strange
In a fleeting gladness of untired
delight,
In an insistency of magic change.

Past vanishing hedges, hurrying
hints of fields,

Mid swift escaping lanes that fled
her feet
Journeying she wished no end: as
one through clouds
Travels upon a mountain ridge
and hears

Arising to him out of hidden
depths
Sound of invisible streams, she
walked besieged
By the illusion of a mystic space,

A charm of bodiless touches felt
and heard
A sweetness as of voices high and
dim

Все эти пойманные радости
частично были под запретом,
И деликатно прикрывались
боязливыми свадьбами души,
Похожи были на неясное движение
груди богини
Навстречу первому желанью
и преображенью
незапятнанной её души,
Мерцающим Эдемом,
по которому неслись
волшебные лучи,
На трепетанье пред
волшебным жезлом предвкушения,
Но всё же не было там ничего
подобного блаженству.
В прекрасном этом царстве
было всё небесно-удивительным
И окружалось мимолётной радостью
неутомимого восторга,
Настойчивым стремлением
к магическому изменению.
Она[1] шла мимо исчезающих оград,
на что-то торопливо намекающих
полей,
Её стопы летели
быстрыми бегущими тропинками,
И ей хотелось, чтобы у дороги
не было конца:
Как тот, кто поднимается
на горный гребень,
проходя сквозь облака,
И слышит, как из скрытой глубины
к нему восходит
Звук от невидимых потоков,
так она шла, осаждённая
Иллюзией мистического,
этого пространства,
И ощущала чары
их бесплотного касания,
И вслушивалась в сладость
их высоких и неясных голосов,

[1] Савитри, *прим. пер.*

Calling like travellers upon seeking winds
Melodiously with an alluring cry.

As if a music old yet ever new,

Moving suggestions on her heart-strings dwelt,
Thoughts that no habitation found, yet clung
With passionate repetition to her mind,
Desires that hurt not, happy only to live

Always the same and always unfulfilled
Sang in the breast like a celestial lyre.
Thus all could last yet nothing ever be.

In this beauty as of mind made visible,
Dressed in its rays of wonder Satyavan
Before her seemed the centre of its charm,
Head of her loveliness of longing dreams
And captain of the fancies of her soul.
Even the dreadful majesty of Death's face
And its sombre sadness could not darken nor slay

The intangible lustre of those fleeting skies.
The sombre Shadow sullen, implacable

Зовущих, словно путники
на ищущих ветрах,
Своим пленительным
и мелодичным криком.
И словно эта музыка,
которая была и древнею
и вечно новой,
В ней всколыхнула отклик,
живший в струнах сердца,
И мысли, что хотя
не находили в ней пристанища,
Однако же, со страстным постоянством,
старались рядом быть с её умом,
Желания, что не затрагивают
и счастливые лишь оттого,
что существуют,
Всё время оставаясь теми же,
всегда неисполнимыми,
Небесной лирой
пели у неё в груди.
И так могло всё продолжаться,
и при этом не происходить
в реальности.
В той красоте, что становилась
видимой благодаря уму,
Окутанный лучами чуда,
Сатьяван
Пред ней предстал
как центр очарования,
Вершиной жаждущих
любовных грёз,
И капитаном прихотей
её души.
И даже страшное величье
лика бога Смерти,
И хмурое его унынье
не могло ни затемнить,
ни уничтожить
Неуловимый блеск
тех ускользающих небес.
Безжалостная Тень,
угрюмая и мрачная

Made beauty and laughter more imperative;
Enhanced by his grey, joy grew more bright and dear;
His dark contrast edging ideal sight
Deepened unuttered meanings to the heart;
Pain grew a trembling undertone of bliss
And transience immortality's floating hem,
A moment's robe in which she looked more fair,
Its antithesis sharpening her divinity.
A comrade of the Ray and Mist and Flame,
By a moon-bright face a brilliant moment drawn,

Almost she seemed a thought mid floating thoughts,
Seen hardly by a visionary mind

Amid the white inward musings of the soul.

Half-anquished by the dream-happiness around,
Awhile she moved on an enchantment's soil,
But still remained possessor of her soul.
Above, her spirit in its mighty trance
Saw all, but lived for its transcendent task,

Immutable like a fixed eternal star.

Лишь оттеняла красоту и смех,
и делала ещё нужнее;
На фоне этой серости, веселье
становилось ярче и роднее;
Его контраст, своею мрачной темнотою
заостряя видение идеала,
Ещё сильнее углублял
невыразимый смысл для сердца;
Боль становилась трепетанием,
оттенками блаженства,
А мимолётность —
ускользающей границею бессмертия,
Одеждою мгновения,
что делала её[1] ещё прекраснее,
Своею антитезой заострив
её божественность.
Товарищем Луча,
Тумана, Пламени,
Сверкающим мгновеньем,
отражённым на её лице,
светящемся как месяц,
Она казалась мыслью
посреди плывущих мыслей,
С трудом увиденной
мечтательным умом
Средь чистого,
направленного к внутреннему,
размышлению души.
Наполовину побеждённая
счастливыми мечтаньями вокруг,
Она шла дальше
по земле очарования,
Но всё же оставалась
хозяйкою своей души.
Над нею, дух её,
в своём могучем трансе,
Всё видел, наблюдал,
но жил для собственной,
всё превышающей задачи,
Неизменяемый, как вечная,
застывшая звезда.

[1] Савитри, *прим. пер.*

End of Canto One

Конец первой песни

Book Ten
THE BOOK OF
THE DOUBLE TWILIGHT

Canto II
THE GOSPEL OF DEATH AND
VANITY OF THE IDEAL

Then pealed the calm inexorable
voice:
Abolishing hope, cancelling life's
golden truths,

Fatal its accents smote the
trembling air.
That lovely world swam thin and
frail, most like
Some pearly evanescent farewell
gleam
On the faint verge of dusk in
moonless eves.
"Prisoner of Nature,
many-visioned spirit,
Thought's creature in the ideal's
realm enjoying
Thy unsubstantial immortality

The subtle marvellous mind of
man has feigned,
This is the world from which thy
yearnings came.
When it would build eternity from
the dust,
Man's thought paints images
illusion rounds;
Prophesying glories it shall never
see,
It labours delicately among its
dreams.

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ
СУМЕРЕК

Песня II
ЕВАНГЕЛИЕ СМЕРТИ
И ТЩЕТА ИДЕАЛА

Вновь загремел
спокойный и неумолимый голос:
Уничтожая всякую надежду,
отменяя замечательную
правду жизни.
Его убийственные интонации
хлестали трепетавший воздух.
А тот прекрасный мир
плыл тоненьким и хрупким,
Похожий больше на жемчужный
эфемерный блеск прощания
На слабой грани сумерек
безлунного заката.
"О пленница Природы,
о способный многое увидеть дух,
Творенье мысли
в царстве идеала,
Что наслаждается бесплотным,
невещественным бессмертием,
Придуманное человеческим,
чудесным и утонченным умом,
То, что ты видишь — мир,
где родились твои стремления.
Когда мысль человека
хочет строить вечное из пыли,
Она вокруг себя рисует
иллюзорные картины;
И предрекая славу и великолепие,
которых не увидит никогда,
Она искусно трудится
среди своих мечтаний.

Behold this fleeing of
light-tasselled shapes,
Aerial raiment of unbodied gods;

A rapture of things that never can
be born,
Hope chants to hope a bright
immortal choir;
Cloud satisfies cloud, phantom to
longing phantom
Leans sweetly, sweetly is clasped
or sweetly chased.
This is the stuff from which the
ideal is formed:
Its builder is thought, its base the
heart's desire,
But nothing real answers to their
call.
The ideal dwells not in heaven,
nor on the earth,
A bright delirium of man's ardour
of hope
Drunk with the wine of its own
fantasy.
It is a brilliant shadow's dreamy
trail.

Thy vision's error builds the azure
skies,
Thy vision's error drew the
rainbow's arch;
Thy mortal longing made for thee
a soul.
This angel in thy body thou callst
love,
Who shapes his wings from thy
emotion's hues,
In a ferment of thy body has been
born
And with the body that housed it it
must die.

Взгляни на эти образы,
летящие, с султанами из света,
Эфирные одежды предназначенные
бестелесным божествам;
О том восторге, что не сможет
никогда родиться,
Одна надежда распевает для другой
в бессмертном звонком хоре;
Друг друга услаждают облака,
одна иллюзия умильно наклоняется
К другой, желанной, нежно обнятой
иль сладостно преследуемой.
Таков материал,
идущий на формированье идеала:
Его строитель — мысль,
основа у него — желанье сердца,
И ничего реального
не отвечает на его призыв.
Те идеалы обитают не на небесах,
не на земле,
Они — прекрасный бред
пылающей надежды человека,
Что опьяняется вином
своей фантазии.
Они — мечтательный,
туманный шлейф
сверкающего призрака.
Дефекты зренья твоего
возводят голубые небеса,
Дефекты зренья твоего
рисуют арку радуги;
Твоё желанье смертной
сотворило душу для тебя.
Тот ангел в теле у тебя,
которого зовёшь любовью,
Чьи крылья вырастают
из оттенков настроений и эмоций
Рождён благодаря
ферментам тела
И вместе с телом,
что дало ему пристанище,
он должен умереть.

It is a passion of thy yearning cells,
It is flesh that calls to flesh to serve its lust;
It is thy mind that seeks an answering mind
And dreams awhile that it has found its mate;
It is thy life that asks a human prop
To uphold its weakness lonely in the world
Or feeds its hunger on another's life.
A beast of prey that pauses in its prowl,
It crouches under a bush in splendid flower
To seize a heart and body for its food:
This beast thou dreamst immortal and a god.

O human mind, vainly thou torturest
An hour's delight to stretch through infinity's
Long void and fill its formless, passionless gulfs,

Persuading the insensible Abyss

To lend eternity to perishing things,
And trickst the fragile movements of thy heart
With thy spirit's feint of immortality.
All here emerges born from Nothingness;
Encircled it lasts by the emptiness of Space,

Он — страсть твоих,
наполненных стремленьем клеток,
Он — плоть, что с вожделением
взывает к плоти,
Он — ум, что ищет
отвечающий, похожий ум,
Воображая в грёзах,
что нашёл себе супруга;
Он — жизнь твоя,
что просит человеческой опоры,
Чтоб слабость одинокую свою
поддерживать в огромном мире,
Иль чтобы утолять свой голод
жизнью близкого.
Он — хищный зверь,
что затаился, подходя к добыче,
Припал к земле, укрывшись
под кустом с роскошными цветами,
Чтоб тело разорвать твоё
и вместе с сердцем съесть:
А ты воображаешь,
что тот зверь — бессмертный,
что он — бог.
О разум человека,
ты напрасно мучаешь
Восторг сиюминутности,
стремишься протянуть его
Сквозь долгое ничто,
заполнить тем восторгом
Его аморфные,
бесстрастные пучины
Пытаясь убедить
бесчувственную Бездну
Взаймы дать вечность
временным вещам,
И обмануть непрочные движенья
собственного сердца
Обманчивым бессмертьем
собственного духа.
Всё возникает здесь,
рождённое из Ничего,
И остаётся в окруженьи
пустоты Пространства,

Awhile upheld by an unknowing Force,
Then crumbles back into its parent Nought:

Only the mute Alone can for ever be.
In the Alone there is no room for love.
In vain to clothe love's perishable mud
Thou hast woven on the Immortals' borrowed loom
The ideal's gorgeous and unfading robe.
The ideal never yet was real made.

Imprisoned in form that glory cannot live;

Into a body shut it breathes no more.
Intangible, remote, for ever pure,

A sovereign of its own brilliant void,
Unwillingly it descends to earthly air
To inhabit a white temple in man's heart:
In his heart it shines rejected by his life.
Immutable, bodiless, beautiful, grand and dumb,
Immobile on its shining throne it sits;
Dumb it receives his offering and his prayer.
It has no voice to answer to his call,
No feet that move, no hands to take his gifts:

Пока поддерживается
не ведающей Силой,
А после — разрушаясь,
падает назад, в Ничто,
которое его родило:
И лишь немое Одиночество
способно оставаться вечно.
Но в этом Одиночестве
нет места для любви.
Напрасно, чтоб прикрыть
недолговечный прах любви,
Ты на станке, что взят на время
у Бессмертных,
Соткала пышное, неувядаемое
платье идеала.
Ведь идеал не становился
никогда реальностью.
Его великолепие не может жить,
посаженное в форму,
словно в камеру,
Когда он заперт в теле,
он не может более дышать.
Неосязаемый, далёкий,
вечно чистый,
Властитель над своею
яркой пустотой,
Он неохотно сходит вниз,
в земную атмосферу,
Чтоб поселиться в чистом храме
человеческого сердца:
И в этом сердце он сияет,
отвергаемый обычной жизнью.
Прекрасный, бестелесный, неизменный,
грандиозный и немой,
Он неподвижно восседает
на своём блестящем троне;
Он молча принимает подношенье и
молитву человека.
И нету у него ни голоса
ответить на его призыв,
Ни ног, чтобы прийти,
ни рук, чтоб взять его дары:

Aerial statue of the nude Idea,

Virgin conception of a bodiless god,
Its light stirs man the thinker to create
An earthly semblance of diviner things.

Its hued reflection falls upon man's acts;
His institutions are its cenotaphs,

He signs his dead conventions with its name;
His virtues don the Ideal's skiey robe
And a nimbus of the outline of its face:
He hides their littleness with the divine Name.

Yet insufficient is the bright pretence
To screen their indigent and earthy make:
Earth only is there and not some heavenly source.
If heavens there are they are veiled in their own light,
If a Truth eternal somewhere reigns unknown,
It burns in a tremendous void of God;
For truth shines far from the falsehoods of the world;
How can the heavens come down to unhappy earth
Or the eternal lodge in drifting time?
How shall the Ideal tread earth's dolorous soil

Похожая на статую,
лишённая одежд, эфирная Идея
И девственное представленье
о бесплотном боге —
Её свет побуждает человека,
как мыслителя,
Творить подобия
божественных вещей,
но на земле.
Окрашенный им отблеск падает
на действия, работы человека;
Все институты человека —
мавзолеи идеала,
Он этим именем подписывает
мёртвые свои условности;
Все добродетели его облачены
в небесные одежды Идеала,
Над контурами лика Идеала
сияет нимб:
Он[1] прикрывает собственную
незначительность
божественным, высоким Именем.
Однако, яркого притворства
недостаточно,
Чтоб скрыть земной покрой
и нищету:
Ведь здесь — Земля,
а не какие-то небесные источники.
И если бы здесь были небеса,
они своим сокрыты были б светом,
И если вечно существующая Истина
царила б где-то, неизвестная,
Она пылала бы
в гигантской пустоте Всевышнего;
Ведь истина сияет вдалеке
от лжи земного мира;
Как могут небеса спуститься
на безрадостную землю,
А вечность — жить
в текучем времени?
Как будет Идеал ходить
по горестной поверхности земли,

[1] Человек, *прим. пер.*

Where life is only a labour and a hope,
A child of Matter and by Matter fed,
A fire flaming low in Nature's grate,
A wave that breaks upon a shore in Time,
A journey's toilsome trudge with death for goal?
The Avatars have lived and died in vain,
Vain was the sage's thought, the prophet's voice;
In vain is seen the shining upward Way.
Earth lies unchanged beneath the circling sun;
She loves her fall and no omnipotence
Her mortal imperfections can erase,
Force on man's crooked ignorance Heaven's straight line

Or colonise a world of death with gods.
O traveller in the chariot of the Sun,
High priestess in thy holy fancy's shrine
Who with a magic ritual in earth's house
Worshippest ideal and eternal love,

What is this love thy thought has deified,
This sacred legend and immortal myth?
It is a conscious yearning of thy flesh,
It is a glorious burning of thy nerves,

Где жизнь лишь
тяжкая работа и надежда,
Дитя Материи,
Материей вскормлённая,
Огонь, едва пылающий
в камине у Природы,
Волна, что разбивается
о берег Времени,
И утомительный труд путешествия,
в котором смерть есть цель пути?
Напрасно жили Аватары
и напрасно умерли.
Напрасны были мысли мудреца
и речь пророка;
Напрасно видели сияющий,
идущий в выси Путь.
Земля лежит, не изменившись,
под кружащим солнцем,
И влюблена в своё падение,
и нет такого всемогущества,
Которое смогло б стереть
её несовершенства смертных,
И сделать искривлённое
невежество людей
прямою линией Небес,
Иль поселить богов
в мир смерти.
О путница в повозке Солнца,
Возвышенная жрица храма
собственных святых фантазий,
Которая в земном жилище
поклоняется
При помощи магического ритуала,
идеальной,
вечно существующей любви,
Так что же это за любовь,
что мысль твоя обожествила,
Священная легенда,
иль бессмертный миф?
Она — осознанное устремленье плоти,
Она — чудесное горенье нервов,

A rose of dream-splendour
petalling thy mind,

A great red rapture and torture of
thy heart.
A sudden transfiguration of thy
days,
It passes and the world is as
before.
A ravishing edge of sweetness and
of pain,
A thrill in its yearning makes it
seem divine,
A golden bridge across the roar of
the years,
A cord tying thee to eternity.

And yet how brief and frail! how
soon is spent

This treasure wasted by the gods
on man,
This happy closeness as of soul to
soul,
This honey of the body's
companionship,
This heightened joy, this ecstasy
in the veins,
This strange illumination of the
sense!
If Satyavan had lived, love would
have died;

But Satyavan is dead and love
shall live
A little while in thy sad breast,
until
His face and body fade on
memory's wall
Where other bodies, other faces
come.
When love breaks suddenly into
the life

И роза роскоши мечты,
накрывшая твой ум
своими лепестками,
Великий, алый, экстатический восторг
и мука сердца.
Внезапное преображение
твоих обычных дней,
Она проходит, и мир вновь —
каким он был.
Но восхитительная острота
той сладости и боли,
И дрожь в её стремленье
делает её почти божественной,
Она — прекрасный мост
над громыханьем лет,
Струна, которая тебя
соединяет с вечностью.
И в то же время —
как она хрупка и коротка!
Как быстро же проходит
Сокровище, которое на человека
понапрасну тратят боги,
То счастье близости,
похожее на близость душ,
Та сладость мёда
дружбы тел,
Та возвышающая радость,
тот экстаз, несущийся по венам,
То странное, неведомое
озаренье чувств!
И если бы твой Сатьяван
и дальше жил,
любовь бы вскоре умерла:
Но Сатьяван стал мёртвым,
и любовь
Ещё немного будет жить
в твоей горюющей груди,
Пока его лицо и тело не поблекнут
на экране памяти,
Куда потом придут
другие лица и тела.
Когда любовь врывается
внезапно в жизнь,

At first man steps into a world of the sun;
In his passion he feels his heavenly element:
But only a fine sunlit patch of earth
The marvellous aspect took of heaven's outburst;
The snake is there and the worm in the heart of the rose.
A word, a moment's act can slay the god;

Precarious is his immortality,
He has a thousand ways to suffer and die.
Love cannot live by heavenly food alone,
Only on sap of earth can it survive.
For thy passion was a sensual want refined,

A hunger of the body and the heart;
Thy want can tire and cease or turn elsewhere.

Or love may meet a dire and pitiless end

By bitter treason, or wrath with cruel wounds

Separate, or thy unsatisfied will to others
Depart when first love's joy lies stripped and slain:

A dull indifference replaces fire

Or an endearing habit imitates love:

Сначала человек шагает
в ослепительный мир солнца;
Он ощущает в этой страсти
свой небесный элемент:
Но та чудесная
и солнечная сторона земли —
Лишь восхитительная часть,
что взята у небесного порыва:
Там, в сердце розы,
есть и змей, и червь.
Сиюминутный шаг,
одно лишь слово
Способны уничтожить
это божество;
Его бессмертье так непрочно,
Есть тысячи возможностей
ему страдать и умирать.
Любовь не может жить
одной небесной пищей,
Лишь на соку земли
она способна выживать.
Поскольку страсть твоя была
утонченным и чувственным
желанием,
И жаждой тела твоего и сердца,
Твоё желанье может
и устать, уйти,
и повернуть куда-либо ещё.
Бывает, что любовь встречает
страшный и безжалостный конец
от горечи измены,
Бывает, гнев,
безжалостными ранами своими
вас разлучит,
Иль ненасытное желание
толкнёт к другому,
Когда восторг
от первой радости любви
спадёт, отринутый, убитый:
Огонь сменяется
унылым равнодушием,
Или привычной лаской,
подражающей любви:

An outward and uneasy union lasts
Or the routine of a life's compromise:
Where once the seed of oneness had been cast
Into a semblance of spiritual ground
By a divine adventure of heavenly powers
Two strive, constant associates without joy,

Two egos straining in a single leash,
Two minds divided by their jarring thoughts,
Two spirits disjoined, for ever separate.
Thus is the ideal falsified in man's world;
Trivial or sombre, disillusion comes,
Life's harsh reality stares at the soul:
Heaven's hour adjourned flees into bodiless Time.

Death saves thee from this and saves Satyavan:
He now is safe, delivered from himself;
He travels to silence and felicity.

Call him not back to the treacheries of earth
And the poor petty life of animal Man.
In my vast tranquil spaces let him sleep

In harmony with the mighty hush of death

И остаётся только внешнее
и неудобное объединение,
Или рутина компромисса жизни:
И там, куда недавно было брошено
зерно единства,
В подобие духовной почвы
Божественною смелостью
небесных сил,
Отныне остаются двое,
что сражаются,
И постоянно связаны,
без всякой радости,
Два эго, тянущих
одну упряжку,
И два ума, разъединяемые
раздражённой мыслью,
Два разобщённых духа,
что разделены навеки.
Так идеал становится поддельным
в мире человека;
Обыденно и хмуро
подступает разочарование,
Жестокая реальность жизни
смотрит пристально на душу:
Небесный час, отложенный,
летит и исчезает
в бестелесном Времени.
От этого тебя спасает Смерть,
спасает Сатьявана:
Сейчас он в безопасности,
освобождённый от себя;
Он путешествует
в безмолвие и счастье.
Не надо звать его назад,
к земному вероломству,
К пустячной скудной жизни Человека,
и с животными корнями.
Позволь ему заснуть
в моей спокойной
широте пространства,
В гармонии с могучей
тишиною смерти,

Where love lies slumbering on the breast of peace.
And thou, go back alone to thy frail world:
Chastise thy heart with knowledge, unhood to see,

Thy nature raised into clear living heights,
The heaven-bird's view from unimagined peaks.
For when thou givest thy spirit to a dream
Soon hard necessity will smite thee awake:
Purest delight began and it must end.

Thou too shalt know, thy heart no anchor swinging,
Thy cradled soul moored in eternal seas.

Vain are the cycles of thy brilliant mind.
Renounce, forgetting joy and hope and tears,
Thy passionate nature in the bosom profound
Of a happy Nothingness and worldless Calm,
Delivered into my mysterious rest.

One with my fathomless Nihil all forget.
Forget thy fruitless spirit's waste of force,
Forget the weary circle of thy birth,
Forget the joy and the struggle and the pain,
The vague spiritual quest which first began

Там, где любовь лежит
в дремоте на груди покоя.
А ты — иди назад, одна,
в свой хрупкий мир:
Пусть знание твоё
подвергнет сердце критике,
раскрой глаза и посмотри
На всю свою природу, вознесись
в живые чистые высоты
Как видит птица в небесах,
с невообразимой высоты.
Когда ты отдаёшь
свой дух мечте,
То вскоре жёсткая необходимость
подтолкнёт тебя проснуться:
Раз чистый твой восторг
когда-то начался,
он должен и закончиться.
Всмотрись внимательней —
ведь сердце у тебя — не якорь,
Что держит убаюканную душу,
пришвартованную
в вечных океанах.
Напрасны все круженья
твоего блестящего ума.
Оставь, забыв про радость,
слёзы и надежду,
Свою природу страстную
в глубоких недрах
Счастливого Небытия
и бессловесной Тишины,
И предоставь её
моей мистерии покоя.
Всё забывается наедине
с моим бездонным Нет.
Забудь бесплодную растрату
силы духа,
Забудь про утомительный
круговорот рождения,
Забудь про радость,
про сражение, про боль,
Про тот рассеянный духовный поиск,
что был начат

When worlds broke forth like
clusters of fire-flowers,

And great burning thoughts voyaged
through the sky of mind
And Time and its aeons crawled
across the vasts
And souls emerged into
mortality."

Когда вперёд впервые
вырвались миры,
Подобно гроздьям
огненных цветов,
Когда великие пылающие мысли
гуляли в небесах ума,
А Время, и его эпохи
медленно ползли через просторы
И в мире смертных
возникали души."

But Savitri replied to the dark Power:
"A dangerous music now thou
findst, O Death,
Melting thy speech into
harmonious pain,
And flut'st alluringly to tired
hopes
Thy falsehoods mingled with sad
strains of truth.
But I forbid thy voice to slay my
soul.
My love is not a hunger of the
heart,
My love is not a craving of the
flesh;
It came to me from God, to God
returns.
Even in all that life and man have
marred,
A whisper of divinity still is
heard,
A breath is felt from the eternal
spheres.
Allowed by Heaven and
wonderful to man
A sweet fire-rhythm of passion
chants to love.
There is a hope in its wild infinite
cry;
It rings with callings from
forgotten heights,

Савитри отвечала тёмной Силе:
"Опасную ты подбираешь музыку
сейчас, о Смерть,
Переплавляя речь
в гармонию страдания
И соблазнительно подыгрывая
утомившимся надеждам,
Переплетая ложь свою
с печальными чертами истины.
Но я не дам, чтоб голос твой
убил мне душу.
Моя любовь —
не просто жажда сердца,
Моя любовь —
не вожделенье плоти;
Она пришла ко мне от Бога,
к Богу и вернётся.
И несмотря на всё,
что исказили жизнь и человек,
Всё так же слышно
тихое звучание божественного,
И ощущается
дыханье вечных сфер.
Позволенные Небесами,
и чудесные для человека,
Пылающие сладостные ритмы страсти
воспевают перед ним любовь.
В её неистовом и бесконечном зове
есть надежда;
Она звенит призывами
с забытых пиков,

And when its strains are hushed to high-winged souls
In their empyrean, its burning breath
Survives beyond, the rapturous core of suns

That flame for ever pure in skies unseen,
A voice of the eternal Ecstasy.
One day I shall behold my great sweet world
Put off the dire disguises of the gods,
Unveil from terror and disrobe from sin.
Appeased we shall draw near our mother's face,

We shall cast our candid souls upon her lap;
Then shall we clasp the ecstasy we chase,
Then shall we shudder with the long-sought god,
Then shall we find Heaven's unexpected strain.
Not only is there hope for godheads pure;
The violent and darkened deities
Leaped down from the one breast in rage to find
What the white gods had missed: they too are safe;
A mother's eyes are on them and her arms
Stretched out in love desire her rebel sons.
One who came love and lover and beloved
Eternal, built himself a wondrous field

Когда её усилия стихают
для высоких, окрылённых душ,
Её горячее дыхание
в их эмпиреях
Живёт, как прежде,
за пределами всего,
восторженная сердцевина солнц,
Которые пылают, вечно чистые,
в незримых небесах,
Как голос вечного Экстаза.
Однажды я увижу,
как мой сладостный великий мир
Сорвёт с богов
ужасные их маски,
И скинет покрывало с ужаса,
и грех разденет догола.
И успокоившись,
мы привлечём к себе
лик нашей матери,
Мы бросим наши искренние души
на её колени;
Тогда обнимем мы экстаз,
который так искали,
Тогда мы затрепещем
с долгожданным богом,
Тогда мы обретём нежданное родство
с божественными Небесами.
Надежда светит здесь
не только чистым божествам;
С груди Единого слетят
Вниз тёмные и яростные боги,
неистово стремясь найти,
Что упустили боги белые:
так и они спасутся тоже;
Взгляд матери глядит на них,
и руки тянутся с любовью,
Желая всех своих
мятежных сыновей.
Тот, кто пришёл как любящий,
любимый, как сама любовь,
Он, Вечный, превратил себя
в невиданное поле

And wove the measures of a
marvellous dance.
There in its circles and its magic
turns
Attracted he arrives, repelled he
flees.
In the wild devious promptings of
his mind
He tastes the honey of tears and
puts off joy
Repenting, and has laughter and
has wrath,
And both are a broken music of
the soul
Which seeks out reconciled its
heavenly rhyme.
Ever he comes to us across the
years
Bearing a new sweet face that is
the old.
His bliss laughs to us or it calls
concealed

Like a far-heard unseen entrancing
flute
From moonlit branches in the
throbbing woods,
Tempting our angry search and
passionate pain.
Disguised the Lover seeks and
draws our souls.
He named himself for me, grew
Satyavan.
For we were man and woman
from the first,

The twin souls born from one
undying fire.

Did he not dawn on me in other
stars?
How has he through the thickets
of the world

И соткал ритмы
удивительного танца.
В своих магических
вращеньях, поворотах,
Притянутый — он появляется,
отвергнутый — он улетает прочь.
В блуждающих и буйных
указаньях своего ума
Он пробует мёд слёз
и от себя отбрасывает радость,
То злится, то смеётся,
то жалеет,
Всё это для него —
изломанная музыка души,
Что ищет, выверяя,
для себя небесную строфу.
Всё время он идёт к нам
год за годом,
Несёт свой новый, свежий лик,
который — всё такой же.
Его блаженство —
то улыбается для нас,
то скрыто зазывает,
Как еле слышная, незримая,
чарующая флейта,
Из залитых луной ветвей
в трепещущем лесу,
И искушает наш сердитый поиск,
наше страстное страданье.
Сокрытый маской, Любящий
отыскивает, тянет наши души.
Он мне назвал себя,
став Сатьяваном.
Ведь мы — та пара,
тот мужчина с женщиной,
что были с самого начала,
Мы души-близнецы,
мы родились из одного
негаснущего пламени.
И разве он на мне не просыпался
под другими звёздами?
И как же гнался он за мной
по дебрям мира,

Pursued me like a lion in the night
And come upon me suddenly in the ways
And seized me with his glorious golden leap!
Unsatisfied he yearned for me through time,
Sometimes with wrath and sometimes with sweet peace
Desiring me since first the world began.
He rose like a wild wave out of the floods
And dragged me helpless into seas of bliss.
Out of my curtained past his arms arrive;
They have touched me like the soft persuading wind,
They have plucked me like a glad and trembling flower,
And clasped me happily burned in ruthless flame.
I too have found him charmed in lovely forms
And run delighted to his distant voice
And pressed to him past many dreadful bars.
If there is a yet happier greater god,
Let him first wear the face of Satyavan
And let his soul be one with him I love;
So let him seek me that I may desire.
For only one heart beats within my breast
And one god sits there throned. Advance, O Death,

Преследуя меня,
как лев в ночи,
И вышел на меня
внезапно на дороге,
Схватил меня в прекрасном,
восхитительном прыжке!
И не насытившись, ко мне он
устремлялся через время,
Порою с гневом,
а порою с нежностью покоя,
Меня желая
с самого начала мира.
Он поднимался словно
дикая волна из половодья,
Утягивал меня, беспомощную,
в океан блаженства.
Из скрытого завесой прошлого
он дотянулся до меня руками,
Они меня коснулись, словно мягкий,
уговаривавший ветерок,
И вырвали меня,
как радостный трепещущий цветок,
И обняли меня, горящую
в безжалостном счастливом пламени.
И я нашла его, чарующего,
в восхитительном обличии,
В восторге побежала
на его далёкий голос,
Я прорвалась к нему, минуя
множество пугающих преград.
И если есть бог
более великий и счастливый,
Пусть он вначале
обретёт лик Сатьявана,
И пусть его душа объединится с тем,
кого я так люблю;
Поэтому, позволь ему искать меня
и дальше, чтобы я могла желать.
Одно лишь сердце
бьётся у меня в груди,
Один лишь бог внутри меня, на троне.
Иди же дальше, о бог Смерти,

Beyond the phantom beauty of this world;
For of its citizens I am not one.

I cherish God the Fire, not God the Dream."
But Death once more inflicted on her heart
The majesty of his calm and dreadful voice:
"A bright hallucination are thy thoughts.
A prisoner haled by a spiritual cord,
Of thy own sensuous will the ardent slave,
Thou sendest eagle-poised to meet the sun
Words winged with the red splendour of thy heart.

But knowledge dwells not in the passionate heart;
The heart's words fall back unheard from Wisdom's throne
Vain is thy longing to build heaven on earth.
Artificer of Ideal and Idea,
Mind, child of Matter in the womb of Life,
To higher levels persuades his parents' steps:
Inapt, they follow ill the daring guide.
But Mind, a glorious traveller in the sky,
Walks lamely on the earth with footsteps slow;
Hardly he can mould the life's rebellious stuff,
Hardly can he hold the galloping hooves of sense:

За рамки иллюзорной красоты
нас окружающего плана;
Меня там нет,
я не живу в том мире;
Мне дорог Бог Огня,
а не Бог Грёзы."
В ответ бог Смерти
вновь ударил ей по сердцу
Величием спокойного
и устрашающего голоса:
"Все эти мысли —
яркие галлюцинации.
Ты — пленница,
что волокут верёвкой духа,
Ты — пылкая рабыня
чувственных желаний,
Навстречу солнцу
посылаешь ты слова,
Парящие орлами в вышине,
крылатые от алого
великолепья сердца.
Но в страстном сердце
знанье не живёт,
И не услышанные троном Мудрости,
слова из сердца падают обратно;
Напрасно ты стремишься
на земле построить небеса.
Изобретатель Идеала и Идеи — Ум,
Дитя Материи,
родившийся из лона Жизни,
Пытается уговорить своих родителей
шагнуть на более высокий уровень:
И, неумело, еле тянутся они
за тем лихим проводником.
Но Ум, прекрасный путешественник
по небу,
Идёт, хромая, по земле
нескорым шагом;
С трудом он направляет в берега
бунтующую массу жизни,
С трудом он может удержать
идущие вразнос копыта чувств:

His thoughts look straight into the very heavens;
They draw their gold from a celestial mine,
His acts work painfully a common ore.
All thy high dreams were made by Matter's mind
To solace its dull work in Matter's jail,
Its only house where it alone seems true.

A solid image of reality

Carved out of being to prop the works of Time,
Matter on the firm earth sits strong and sure.
It is the first-born of created things,
It stands the last when mind and life are slain,
And if it ended all would cease to be.
All else is only its outcome or its phase:
Thy soul is a brief flower by the gardener Mind
Created in thy matter's terrain plot;
It perishes with the plant on which it grows,

For from earth's sap it draws its heavenly hue:
Thy thoughts are gleams that pass on Matter's verge,
Thy life a lapsing wave on Matter's sea.

A careful steward of Truth's limited means,

Он смотрит мыслью
прямо в небеса;
В небесной шахте
добывая золото своё,
Его дела мучительно работают
с рудой обыденности.
Все самые высокие мечты твои
сотворены умом Материи
Для утешения унылого его труда
в тюрьме Материи,
Его единственном жилище,
где лишь она одна
и кажется правдивой.
Какой-то образ
убедительной реальности
Был вырезан из бытия,
чтоб поддержать работы Времени,
Материя сидит уверенно и крепко
на устойчивой земле.
Она и первая рождается
средь сотворённого,
И сохраняется в конце,
когда и ум, и жизнь убиты,
И если кончится она,
всё прекратит существование.
Всё остальное только
стадии её и результаты:
Твоя душа — цветок
с короткой жизнью,
Что выращен Умом-садовником
на грядке из земной материи;
И он погибнет
вместе с тем растеньем,
на котором вырос,
Ведь из земного сока
он черпает свой небесный цвет:
И мысли у тебя — его лучи,
идущие по по краешку Материи,
И жизнь твоя — волна,
которая уйдёт, стихая,
в океан Материи.
Заботливый приказчик
ограниченных средств Истины,

Treasuring her founded facts from the squandering Power,

It tethers mind to the tent-posts of sense,
To a leaden grey routine clamps Life's caprice

And ties all creatures with the cords of Law.
A vessel of transmuting alchemies,
A glue that sticks together mind and life,
If Matter fails, all crumbling cracks and falls.

All upon Matter stands as on a rock.
Yet this security and guarantor
Pressed for credentials an impostor proves:
A cheat of substance where no substance is,
An appearance and a symbol and a nought,
Its forms have no original right to birth:
Its aspect of a fixed stability

Is the cover of a captive motion's swirl,
An order of the steps of Energy's dance
Whose footmarks leave for ever the same signs,
A concrete face of unsubstantial Time,
A trickle dotting the emptiness of Space:
A stable-seeming movement without change,

Он бережёт от расточительной небесной Силы
найденные ею факты,
И к вбитым в землю стержням чувств привязывает ум,
К свинцовой сумрачной рутине прицепляет своенравные
капризы Жизни
И связывает всех существ верёвками Закона.
Материя — сосуд преобразующих алхимий,
И клей, соединяющий друг с другом ум и жизнь,
И если вдруг Материя исчезнет, то, крошась, разрушится
и распадётся всё.
Всё на Материи стоит, как на скале.
Однако этот поручитель и гарант
Настаивает на мандате, что давал бы самозванке право
Обманывать субстанцией, в которой и субстанции то нет,
На видимость, на символ, на ничто,
На формы, у которых прав нет на рожденье с самого начала:
Та видимость стабильности и прочности
Лишь оболочка, что натянута на вихрь пленённого движения,
Порядок танцевальных па в движении Энергии,
Что оставляет в качестве следов одни и те же знаки,
Конкретный облик невещественного Времени,
И тонкую струю, усеявшую пустоту Пространства:
Стабильным кажется её движение без изменений,

Yet change arrives and the last
change is death.
What seemed most real once, is
Nihil's show.
Its figures are snares that trap and
prison the sense;
The beginningless Void was its
artificer:
Nothing is there but aspects
limned by Chance
And seeming shapes of seeming
Energy.
All by Death's mercy breathe and
live awhile,
All think and act by the
Inconscient's grace.
Addict of the roseate luxury of thy
thoughts,
Turn not thy gaze within thyself to
look
At visions in the gleaming crystal,
Mind,
Close not thy lids to dream the
forms of Gods.
At last to open thy eyes consent
and see
The stuff of which thou and the
world are made.
Inconscient in the dumb
inconscient Void
Inexplicably a moving world
sprang forth:
Awhile secure, happily insensible,

It could not rest content with its
own truth.
For something on its nescient
breast was born
Condemned to see and know, to
feel and love,
It watched its acts, imagined a
soul within;

Но перемены всё-таки случаются,
и окончательная перемена — смерть.
То, что казалось наиболее реальным —
демонстрация Ничто.
Её фигуры — лишь силки,
что ловят и пленяют чувство;
Не знавшая начала Пустота
была её изобретателем:
И здесь нет ничего, лишь образы,
что нарисованы Случайностью,
Воображаемые формы
из воображаемой Энергии.
И только Смерти милостью
все дышат и живут свой срок,
Все думают и действуют
лишь с разрешенья Несознания.
Не привыкай, как наркоман,
к приятной роскоши мышления,
Не обращай взгляд внутрь себя,
чтобы рассматривать
Видения в Уме,
мерцающем кристалле,
Не закрывай глаза,
чтоб грезить формами Богов.
Позволь же, наконец,
своим очам открыться, и взгляни
На ту ткань, из которой созданы
и ты, и этот мир.
Не сознающий, в молчаливой
и не сознающей Пустоте,
Необъяснимо движущийся мир
шагнул и выпрыгнул вперёд:
Но время шло, и вот,
уверенный, счастливо безмятежный,
Он более не может отдыхать,
довольный собственною правдой.
Ведь на его незнающей груди
родилось нечто,
Которому судьба смотреть и знать,
почувствовать и полюбить,
Оно смотрело на свои дела,
вообразило душу у себя внутри,

It groped for truth and dreamed of Self and God.

When all unconscious was, then all was well.
I, Death, was king and kept my regal state,
Designing my unwilled, unerring plan,

Creating with a calm insentient heart.
In my sovereign power of unreality
Obliging nothingness to take a form,
Infallibly my blind unthinking force
Making by chance a fixity like fate's,
By whim the formulas of Necessity,
Founded on the hollow ground of the Inane
The sure bizarrerie of Nature's scheme.
I curved the vacant ether into Space;
A huge expanding and contracting Breath
Harboured the fires of the universe:
I struck out the supreme original spark
And spread its sparse ranked armies through the Inane,
Manufactured the stars from the occult radiances,
Marshalled the platoons of the invisible dance;
I formed earth's beauty out of atom and gas,
And built from chemic plasm the living man.

И ощупью искало истину,
мечтая о каком-то
Высшем "Я" и Боге.
Пока всё было неосознанным,
всё было хорошо.
И я, бог Смерти, был царём
и сохранял свой царский статус,
Выстраивая безошибочный
и действующий без желания
мой план,
Творил с бесчувственным
спокойным сердцем.
В моей верховной мощи
нереальности,
Заставившей небытие
принять обличие,
Моя слепая
и неразмышляющая сила
Творя стабильность через случай,
как судьба,
И выводя по своему капризу
формулы Необходимости,
Здесь, на пустой земле Ничто,
непогрешимо возводила
Надёжную причудливость
систем Природы.
Я изогнул пустой эфир
в Пространство;
Огромное Дыханье
сжатия и расширения
Дало приют огням вселенной:
Я высек высшую
первоначальную искру
И раскидал её рассеянные
батальоны армий по Ничто,
Я создал звёзды
из оккультных излучений,
Расставил группами
в незримом танце;
Я сотворил земную красоту
из атома и газа,
Из химии и плазмы
выстроил живого человека.

Then Thought came in and spoiled
the harmonious world:
Matter began to hope and think
and feel,

Tissue and nerve bore joy and
agony.
The inconscient cosmos strove to
learn its task;
An ignorant personal God was
born in Mind
And to understand invented
reason's law,
The impersonal Vast throbbed
back to man's desire,
A trouble rocked the great world's
blind still heart

And Nature lost her wide
immortal calm.
Thus came this warped
incomprehensible scene
Of souls emmeshed in life's
delight and pain
And Matter's sleep and Mind's
mortality,
Of beings in Nature's prison
waiting death
And consciousness left in seeking
ignorance
And evolution's slow arrested
plan.
This is the world in which thou
mov'st, astray
In the tangled pathways of the
human mind,
In the issueless circling of thy
human life,
Searching for thy soul and
thinking God is here.
But where is room for soul or
place for God

Затем явилась Мысль
и запятнала гармоничный мир:
Материю отныне стала
надеяться и чувствовать
и размышлять,
Ткань тела, нервы начали переносить
агонию и радость.
Несознающий космос
силился понять свою задачу;
В Уме родился личностный
невежественный Бог,
И чтобы понимать,
Ум изобрёл закон причины,
В безличной Широте
забился пульс желаний человека,
В слепом и тихом сердце
этого большого мира
вспыхнуло волнение,
Природа потеряла широту
спокойствия бессмертного.
Вот так пришла вся эта искаженная,
нелепая картина душ,
Запутавшихся в боли
и восторге жизни,
И в сне Материи,
и в смертном состоянии Ума,
Существ, что ожидают смерти
в камере Природы,
Сознания, оставленного
в ищущем неведенье
И в сковывающем,
неторопливом плане эволюции.
Всё это — мир,
в котором ты идёшь, блуждая
По путаным тропинкам
своего ума,
В безвыходном круженьи
жизни человека,
Разыскивая собственную душу здесь
и мыслящего Бога.
Но где же комната души
и место Бога

In the brute immensity of a machine?
A transient Breath thou takest for thy soul,

Born from a gas, a plasm, a sperm, a gene,
A magnified image of man's mind for God,
A shadow of thyself thrown upon Space.
Interposed between the upper and nether Void,
Thy consciousness reflects the world around
In the distorting mirror of Ignorance
Or upwards turns to catch imagined stars.
Or if a half-Truth is playing with the earth
Throwing its light on a dark shadowy ground,
It touches only and leaves a luminous smudge.
Immortality thou claimest for thy spirit,
But immortality for imperfect man,

A god who hurts himself at every step,
Would be a cycle of eternal pain.

Wisdom and love thou claimest as thy right;
But knowledge in this world is error's mate,
A brilliant procuress of Nescience,
And human love a posturer on earth-stage
Who imitates with verve a faery dance.

В жестокой этой
необъятности машины?
Ты преходящее Дыханье
принимаешь в качестве
своей души,
Родившийся из газа,
плазмы, спермы, гена,
Преувеличенный воображеньем ум —
за Бога,
Который только тень,
тобой отброшенная на Пространство.
Расположившись между
верхнею и нижней Пустотой,
Твоё сознанье
отражает мир вокруг
В огромном искривлённом
зеркале Невежества,
Иль смотрит вверх, чтоб ухватить
воображаемые звёзды.
Когда же полу-Истина
играется с землёй,
Бросая свет свой
на тенистую и сумрачную почву,
Она слегка касается её
и оставляет светлое пятно.
Ты требуешь бессмертия
для духа своего,
Но ведь бессмертье
для несовершенного
и полного изъянов человека,
Для бога, что вредит себе
на каждом шаге,
Могло бы стать
круговоротом вечной боли.
Ты требуешь любви и мудрости
как собственное право;
Но здесь, где знание —
супруг ошибки,
Сверкающая сводница Неведенья,
Любовь, что осеняет к человека —
лишь позёр на смертной сцене
И яркостью своей лишь
имитирует волшебный танец.

An extract pressed from hard experience,
Man's knowledge casked in the barrels of Memory
Has the harsh savour of a mortal draught:
A sweet secretion from the erotic glands
Flattering and torturing the burning nerves,
Love is a honey and poison in the breast
Drunk by it as the nectar of the gods.
Earth's human wisdom is no great-browed power,
And love no gleaming angel from the skies;
If they aspire beyond earth's dullard air,
Arriving sunwards with frail waxen wings,

How high could reach that forced unnatural flight?

But not on earth can divine wisdom reign
And not on earth can divine love be found;
Heaven-born, only in heaven can they live;
Or else there too perhaps they are shining dreams.
Nay, is not all thou art and doest a dream?

Thy mind and life are tricks of Matter's force.
If thy mind seems to thee a radiant sun,
If thy life runs a swift and glorious stream,

Экстракт, что выжат из
тяжёлого переживанья, опыта,
Все человеческие знания
разложены в бочонки Памяти
И там приобретают
жёсткий привкус смертного усилия:
Те сладостные выделения
из эротических желёз,
Которые ласкают и терзают в нас
разгорячившиеся нервы,
Любовь — и мёд, и яд
внутри груди,
Всем этим опьянённой,
как божественным нектаром.
Земная человеческая мудрость —
не какая-то возвышенная сила,
Любовь — не яркий ангел,
что сошёл с небес;
Но если, устремившись за границы
скучного земного воздуха,
И воспаряя к солнцу
на подобных воску,
хрупких крыльях,
Та сила полетит,
каких высот она достигнет
в этом неестественном полёте?
Не на земле способна царствовать
божественная мудрость,
Не на земле ты встретишься
с божественной любовью:
Рождённые на небесах —
лишь там и могут жить;
А может, это всё —
лишь яркие, сверкающие сны.
И даже больше, разве всё,
чем ты являешься
и все твои дела — не сон?
Твой ум и жизнь —
лишь хитрости могущества Материи.
И если ум твой кажется тебе
сияньем солнца,
И если жизнь твоя бежит
чудесною и быстрою рекой,

This is the illusion of thy mortal heart
Dazzled by a ray of happiness or light.
Impotent to live by their own right divine,
Convinced of their brilliant unreality,
When their supporting ground is cut away,
These children of Matter into Matter die.
Even Matter vanishes into Energy's vague
And Energy is a motion of old Nought.
How shall the Ideal's unsubstantial hues
Be painted stiff on earth's vermilion blur,
A dream within a dream come doubly true?
How shall the will-o'-the-wisp become a star?
The Ideal is a malady of thy mind,

A bright delirium of thy speech and thought,
A strange wine of beauty lifting thee to false sight.
A noble fiction of thy yearnings made,
Thy human imperfection it must share:
Its forms in Nature disappoint the heart,
And never shall it find its heavenly shape
And never can it be fulfilled in Time.
O soul misled by the splendour of thy thoughts,

Всё это лишь иллюзия
для сердца смертного,
Что ослеплён лучами
счастья или света.
Бессильные здесь жить
в своих божественных правах,
И верящие в яркую свою,
сверкающую нереальность,
Когда поддерживающая почва
вдруг уходит из-под ног,
Все эти сыновья Материи
в Материи и гибнут.
Материя сама способна исчезать
в неясности Энергии,
Которая — движенье
древнего Ничто.
И как же в невещественных
оттенках Идеала
Возможно что-то прочное нарисовать
на киноварном пятнышке земли,
Как сон внутри другого сна
сумел бы стать двойною истиной?
И как блуждающий неясный огонёк
сумеет стать звездой?
Тот Идеал — лишь помраченье
твоего ума,
Он яркий бред
твоих речей и мысли,
Он — странное вино прекрасного,
что поднимает к ложному видению.
И в благородных вымыслах,
что созданы твоим стремлением,
Приходится участвовать
несовершенству человека:
Но облики его в Природе
лишь разочаровывают сердце,
И никогда оно здесь не найдёт
свою божественную форму,
И никогда оно во Времени
не сможет воплотиться.
О ты, душа, что сбита с толку
роскошью своих идей,

O earthly creature with thy dream
of heaven,
Obey, resigned and still, the
earthly law.
Accept the brief light that falls
upon thy days;
Take what thou canst of Life's
permitted joy;
Submitting to the ordeal of fate's
scourge
Suffer what thou must of toil and
grief and care.
There shall approach silencing thy
passionate heart

My long calm night of everlasting
sleep:
There into the hush from which
thou cam'st retire."

End of Canto Two

О ты, земное существо,
с мечтой о небесах,
Прими земной закон,
и примирись, и успокойся.
Прими недолгий свет,
что озаряет дни твои;
Возьми, что сможешь взять
из разрешённых наслаждений Жизни;
И подвергаясь тяжким испытаниям
и наказаниям судьбы,
Страдай, как ты должна страдать
в труде, заботе, горе.
И лишь тогда
твоё наполненное страстью сердце,
затихая, подойдёт
К моей спокойной долгой ночи
вечно длящегося сна:
Сюда, в ту тишину,
откуда ты пришла."

Конец второй песни

Book Ten
THE BOOK OF
THE DOUBLE TWILIGHT

Canto III
THE DEBATE
OF LOVE AND DEATH

A sad destroying cadence the voice sank;
It seemed to lead the advancing march of Life
Into some still original Inane.

But Savitri answered to almighty Death:
"O dark-browed sophist of the universe
Who veilst the Real with its own Idea,
Hiding with brute objects Nature's living face,
Masking eternity with thy dance of death,
Thou hast woven the ignorant mind into a screen
And made of Thought error's purveyor and scribe,
And a false witness of mind's servant sense.
An aesthete of the sorrow of the world,
Champion of a harsh and sad philosophy
Thou hast used words to shutter out the Light
And called in Truth to vindicate a lie.

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ
СУМЕРЕК

Песня III
СПОР ЛЮБВИ
И СМЕРТИ

Затих тот голос
с заунывною мертвящей интонацией;
Казалось, что теперь он поведёт
успешное движенье Жизни
В какое-то застывшее
первоначальное Ничто.
Но так ответила Савитри
всемогущей Смерти:
"О хмурый сумрачный
софист вселенной,
Скрывающий Реальность
за своей Идеей,
Сокрывший за бесчувственным
живое, ясное лицо Природы,
И маскирующий за танцем смерти
вечность,
Ты соткал из невежества ума
непроницаемый экран
И сделал Мысль поставщиком
и переписчиком ошибок,
А чувство — из слуги ума
ты превратил во лживого свидетеля.
Эстет страданий
и печалей мира,
Поборник жёсткой
и тоскливой философии,
Ты пользовался словом,
чтобы заслонить им Свет,
И к Истине взывал,
чтоб утвердить обман.

A lying reality is falsehood's crown
And a perverted truth her richest gem.
O Death, thou speakest truth but truth that slays,
I answer to thee with the Truth that saves.
A traveller new-discovering himself,
One made of Matter's world his starting-point,
He made of Nothingness his living-room
And Night a process of the eternal light
And death a spur towards immortality.
God wrapped his head from sight in Matter's cowl,
His consciousness dived into inconscient depths,
All-Knowledge seemed a huge dark Nescience;

Infinity wore a boundless zero's form.
His abysms of bliss became insensible deeps,

Eternity a blank spiritual Vast.

Annulling an original nullity

The Timeless took its ground in emptiness
And drew the figure of a universe,
That the spirit might adventure into Time
And wrestle with adamant Necessity
And the soul pursue a cosmic pilgrimage.

Обманчивая, вымышленная реальность
есть корона лжи,
А искажённая, испорченная истина
в ней главный драгоценный камень.
О Смерть, ты говоришь мне истину,
но истину, что убивает,
А я тебе отвечу Истиной,
которая спасает.
Тот путешественник,
что открывает вновь себя,
Когда-то сделал мир Материи
своею стартовою точкой,
Он превратил Небытие
в свою жилую комнату,
А Ночь — в движенье
вечно существующего света,
Смерть — в шпоры,
подгоняющие нас к бессмертию.
А после, Бог закутал голову свою
от взоров в капюшон Материи,
Его сознание нырнуло
в неосознающие глубины.
Все-Знанье стало видеться
огромным, полным темноты,
Неведеньем,
А Бесконечность нарядилась в облик
безграничного нуля.
Его неописуемые пропасти блаженства
стали лишь бесчувственною
глубиной,
А Вечность — незаполненной
духовной Широтой.
Сводя на нет
первоначальное ничто,
Вневременное в пустоте
нашло себе опору,
Нарисовало образ для вселенной,
Чтоб дух мог
путешествовать во Времени,
Сражаясь с несгибаемой,
стальной Необходимостью,
И чтоб космическим паломником
шла по намеченным путям душа.

A spirit moved in black immensities
And built a Thought in ancient Nothingness;
A soul was lit in God's tremendous Void,
A secret labouring glow of nascent fire.
In Nihil's gulf his mighty Puissance wrought;
She swung her formless motion into shapes,
Made Matter the body of the Bodiless.
Infant and dim the eternal Mights awoke.
In inert Matter breathed a slumbering Life,

In a subconscient Life Mind lay asleep;
In waking Life it stretched its giant limbs

To shake from it the torpor of its drowse;
A senseless substance quivered into sense,
The world's heart commenced to beat, its eyes to see,
In the crowded dumb vibrations of a brain
Thought fumbled in a ring to find itself,
Discovered speech and fed the new-born Word
That bridged with spans of light the world's ignorance.

In waking Mind, the Thinker built his house.
A reasoning animal willed and planned and sought;

Дух двинулся
по чёрным необъятностям,
Выстраивая Мысль в том древнем,
незапамятном Небытии;
В гигантской Пустоте Всевышнего
зажглась душа,
Как тайный труженик,
как жар рождавшегося пламени.
Его наполненная мощью Сила
трудилась в пропасти Ничто,
Она своё аморфное движенье
направляла в формы
И делала Материю
основой, телом Бестелесного.
Проснулись смутные
младенческие вечные Могущества.
В инертную Материю
вошла своим дыханьем
дремлющая Жизнь,
И в подсознательную Жизнь
лёг спящий Ум,
Он в просыпающейся Жизни
потянулся всем своим
гигантским телом,
Чтоб отряхнуть с себя
оцепененье сна;
Бесчувственная ткань
затрепетала чувством,
Пульс мира, сердце, стало биться,
а глаза — смотреть,
В мозгу, в теснящихся
немых вибрациях
Мысль шла кругами, ощупью,
желая отыскать себя,
Была открыта речь
и вскормлено родившееся Слово,
Соединившее мостом
пространства света
и невежество вселенной.
В проснувшемся Уме
Мыслитель выстроил себе жилище.
Разумный зверь желал,
планировал, искал;

He stood erect among his brute compeers,
He built life new, measured the universe,
Opposed his fate and wrestled with unseen Powers,
Conquered and used the laws that rule the world,

And hoped to ride the heavens and reach the stars,

A master of his huge environment.

Now through Mind's windows stares the demigod
Hidden behind the curtains of man's soul:
He has seen the Unknown, looked on Truth's veilless face;
A ray has touched him from the eternal sun;
Motionless, voiceless in foreseeing depths,
He stands awake in Supernature's light
And sees a glory of arisen wings

And sees the vast descending might of God.

"O Death, thou lookst on an unfinished world
Assailed by thee and of its road unsure,
Peopled by imperfect minds and ignorant lives,
And sayest God is not and all is vain.
How shall the child already be the man?
Because he is infant, shall he never grow?

Он выпрямился средь
своих товарищей-зверей,
Он заново выстраивал всю жизнь,
он измерял вселенную,
Противился своей судьбе,
вёл бой с невидимыми Силами,
Он побеждал и пользовался
найденными им законами,
что правят миром,
В надежде оседлать
божественные небеса
и долететь до звёзд
Хозяином своей
огромной сферы обитания.
Он из окна Ума
сейчас выглядывает полубогом,
Скрываемым за занавесом
человеческой души:
Он видел Неизвестное, смотрел
на неприкрытый облик Истины;
Его коснулся луч от вечного,
мистического солнца;
Беззвучно, без движения,
в предвидящих глубинах
Стоит он, пробудившись
в свете Сверхприроды,
И видит славу
поднимающихся крыльев,
И видит широту
спускающейся силы Бога.

"О, Смерть, ты смотришь
на незавершённый мир,
Измученный тобою,
неуверенный в своём пути,
Наполненный несовершенными умами
и невежественной жизнью,
И говоришь, что Бога нет,
и всё напрасно.
Как может маленький ребёнок
быть уже мужчиной?
И если он — дитя,
то никогда не вырастет?

Because he is ignorant, shall he never learn?
In a small fragile seed a great tree lurks,
In a tiny gene a thinking being is shut;
A little element in a little sperm,

It grows and is a conqueror and a sage.
Then wilt thou spew out, Death, God's mystic truth,

Deny the occult spiritual miracle?

Still wilt thou say there is no spirit, no God?

A mute material Nature wakes and sees;
She has invented speech, unveiled a will.
Something there waits beyond towards which she strives,

Something surrounds her into which she grows:
To uncover the spirit, to change back into God,
To exceed herself is her transcendent task.
In God concealed the world began to be,
Tardily it travels towards manifest God:
Our imperfection towards perfection toils,
The body is the chrysalis of a soul:
The infinite holds the finite in its arms,

И если он не знает —
никогда и не научится?
В ничтожном хрупком зёрнышке
запрятано большое дерево,
В едва заметном гене
скрыто мыслящее существо;
И маленькая часть,
в такой же маленькой
частице спермы,
Растёт, становится
завоевателем и мудрецом.
О неужели ты, бог Смерти,
выбросишь мистическую
истину Всевышнего
И будешь отрицать
оккультное возвышенное чудо?
Ты, может, скажешь,
что не существует духа
и не существует Бога?
Безмолвная материальная Природа
просыпается и видит;
Она изобретает речь
и открывает волю.
И что-то ждёт её ещё,
за рамками того,
к чему она стремится,
И что-то окружает в том,
во что она растёт:
Сорвать покровы с духа,
и преобразиться снова в Бога,
А после — превзойти себя —
её превосходящая задача.
Мир, скрытый в Боге,
начинает жить,
Он медленно, с трудом,
идёт к проявленному Богу:
Несовершенство наше с муками
восходит к совершенству,
Ведь тело —
это куколка души,
И бесконечное несёт конечное
в своих ладонях,

Time travels towards revealed
eternity.

A miracle structure of the eternal
Mage,
Matter its mystery hides from its
own eyes,
A scripture written out in cryptic
signs,
An occult document of the
All-Wonderful's art.
All here bears witness to his secret
might,
In all we feel his presence and his
power.
A blaze of his sovereign glory is
the sun,
A glory is the gold and
glimmering moon,
A glory is his dream of purple sky.

A march of his greatness are the
wheeling stars.
His laughter of beauty breaks out
in green trees,
His moments of beauty triumph in
a flower;
The blue sea's chant, the rivulet's
wandering voice

Are murmurs falling from the
Eternal's harp.
This world is God fulfilled in
outwardness.
His ways challenge our reason and
our sense;
By blind brute movements of an
ignorant Force,
By means we slight as small,
obscure or base,

A greatness founded upon little
things,

И Время путешествует
к всё больше раскрывающейся
вечности.
Чудесная структура
вечного Волшебника,
Материя, свои секреты
прячет от своих же глаз,
Как некое священное писание,
написанное тайным алфавитом,
Оккультный документ
искусства Все-Чудесного.
Здесь всё несёт свидетельство
его секретного могущества,
Во всём мы чувствуем
его присутствие и силу.
Сиянье высшего его триумфа —
наше солнце,
Его триумф —
мерцающий и золотистый месяц,
Его триумф —
видение небесной синевы.
Победный марш его величия —
круженье звёзд.
Смех красоты его
врывается к нам в зелени деревьев,
Его мгновенья красоты
ликуют в распустившихся цветах,
И песни голубого моря
и блуждающий по лесу
голосок ручья —
Слетающие с арфы Вечного
негромкие аккорды.
Весь этот мир и есть Всевышний,
воплотившийся во внешнем.
Его пути бросают вызов
нашим чувствам и рассудку;
Слепыми, грубыми движеньями
невежественной Силы,
И способами, что нам кажутся
то мелкими, то тёмными,
то низкими,
Величием, основанным
на маленьких вещах,

He has built a world in the unknowing Void.
His forms he has massed from infinitesimal dust;
His marvels are built from insignificant things.
If mind is crippled, life untaught and crude,
If brutal masks are there and evil acts,
They are incidents of his vast and varied plot,

His great and dangerous drama's needed steps;
He makes with these and all his passion-play,

A play and yet no play but the deep scheme
Of a transcendent Wisdom finding ways
To meet her Lord in the shadow and the Night:
Above her is the vigil of the stars;

Watched by a solitary Infinitude

She embodies in dumb Matter the Divine,

In symbol minds and lives the Absolute.
A miracle-monger her mechanical craft;
Matter's machine worked out the laws of thought,
Life's engines served the labour of a soul:
The Mighty Mother her creation wrought,
A huge caprice self-bound by iron laws,

Он выстроил огромный мир
в не ведающей Пустоте.
Он из мельчайшей пыли
вылепил свои изысканные формы;
Все чудеса его построены
из незначительных вещей.
И если ум убог, а жизнь полна
невежества и грубости,
И если в ней полно жестоких масок,
злых поступков,
То это лишь случайности
в его широкой
и разнообразной пьесе,
Необходимые шаги
его великой и опасной драмы;
Он превращает это,
вместе с остальным,
в свою мистерию-игру,
В игру, и всё же не игру,
а свой глубокий план,
Превосходящей всё на свете Мудрости,
стремящейся найти пути
Чтоб встретить Господина своего
в той Ночи и в тени;
А выше Мудрости —
ночное бденье звёзд;
Под наблюденьем
одинокой Бесконечности
Она стремится воплотить
в немой Материи —
Божественное,
А в символических умах и жизнях —
Абсолют.
Её механистичное искусство —
продавец чудес;
Огромный механизм Материи
творит законы мысли,
Моторы Жизни служат
чтоб работала душа:
Могучая Божественная Мать
приводит в действие своё творение,
По своему гигантскому капризу
связав себя железными законами

And shut God into an enigmatic world:
She lulled the Omniscient into nescient sleep,
Omnipotence on Inertia's back she drove,
Trod perfectly with divine unconscious steps

The enormous circle of her wonder-works.
Immortality assured itself by death;
The Eternal's face was seen through drifts of Time.
His knowledge he disguised as Ignorance,
His Good he sowed in Evil's monstrous bed,
Made error a door by which Truth could enter in,
His plant of bliss watered with Sorrow's tears.
A thousand aspects point back to the One;
A dual Nature covered the Unique.
In this meeting of the Eternal's mingling masques,
This tangle-dance of passionate contraries
Locking like lovers in a forbidden embrace
The quarrel of their lost identity,

Through this wrestle and wrangle of the extremes of Power
Earth's million roads struggled towards deity.
All stumbled on behind a stumbling Guide,
Yet every stumble is a needed pace

И запирая Бога
в странном, непонятном мире:
Она баюкала Всеведающего
во сне неведенья,
И на спине Инерции
носила Всемогущего,
И совершенно подбирала
свой божественный,
не сознающий шаг
В необозримом колесе
своих творений и чудес.
Бессмертие себя всё больше
утверждало через смерть;
Стал виден сквозь теченье Времени
лик Вечного.
Он знание своё сокрыл
под маскою Невежества,
Своим Добром засеял он
чудовищные клумбы Зла,
Он из ошибки сделал дверь,
чтоб Истина могла войти,
Слезами Горя поливая
саженец Блаженства.
Есть тысячи особенностей мира,
что вновь ведут к Единому;
Так двойственность Природы
прячет Уникального.
В той встрече перемешанных
обличий Вечного,
В переплетающемся танце
страстных противоположностей,
Что укрывают, как любовники,
в непозволительном объятии
Размолвку своего
утерянного некогда единства,
Через борьбу и споры
крайностей Могущества,
Земля своими миллионами дорог
упрямо пробивалась к божеству.
Все спотыкались, следуя
за спотыкавшимся Проводником,
Однако каждая запинка
оборачивалась нужным шагом

On unknown routes to an
unknowable goal.
All blundered and straggled
towards the One Divine.
As if transmuted by a titan spell

The eternal Powers assumed a
dubious face:
Idols of an oblique divinity,

They wore the heads of animal or
troll,
Assumed ears of the faun, the
satyr's hoof,

Or harboured the demoniac in
their gaze:
A crooked maze they made of
thinking mind,
They suffered a metamorphosis of
the heart,
Admitting bacchant revellers from
the Night
Into its sanctuary of delights,
As in a Dionysian masquerade.
On the highways, in the gardens
of the world
They wallowed oblivious of their
divine parts,
As drunkards of a dire Circean
wine
Or a child who sprawls and sports
in Nature's mire.

Even wisdom, hewer of the roads
of God,

Is a partner in the deep disastrous
game:
Lost is the pilgrim's wallet and the
scrip,
She fails to read the map and
watch the star.

На том неведомом маршруте
до непостижимой цели.
Всё ошибалось, двигалось вразброд
к Единому Божественному.
И, словно обращённые
каким-то заклинанием титана,
Те вечные Могущества приобрели
двусмысленный, неясный лик:
Став идолами
отклонившейся божественности,
Они одели головы
животного и тролля,
Обогатились, кто —
копытами сатира,
а кто — ушами фавна,
И поселили демона
в своём глубоком взгляде:
Запутанным и искривлённым лабиринтом
сделали свой думающий ум,
Страдали от метаморфозы
собственного сердца,
Впустив к себе
вакхических гуляк Ночи
В своё святилище восторга,
Как в маскараде Дионисия.
На всех больших дорогах мира
и в его садах
Они валялись, позабыв
свои божественные элементы,
Как будто пьяные
от страшного вина Цирцеи,
Иль как дитя,
что ползает и веселится
в грязной лужице Природы.
И даже мудрость,
что прокладывает
новые дороги Бога,
Теперь участница
той тёмной гибельной игры,
И, потеряв свой кошелёк
и сумку пилигрима,
Она не может ни читать по карте,
ни искать пути по звёздам.

A poor self-righteous virtue is her stock

And reason's pragmatic grope or abstract sight,
Or the technique of a brief hour's success
She teaches, an usher in utility's school.
On the ocean surface of vast Consciousness
Small thoughts in shoals are fished up into a net
But the great truths escape her narrow cast;
Guarded from vision by creation's depths,
Obscure they swim in blind enormous gulfs
Safe from the little sounding leads of mind,
Too far for the puny diver's shallow plunge.
Our mortal vision peers with ignorant eyes;
It has no gaze on the deep heart of things.
Our knowledge walks leaning on Error's staff,
A worshipper of false dogmas and false gods,
Or fanatic of a fierce intolerant creed
Or a seeker doubting every truth he finds,

A sceptic facing Light with adamant No
Or chilling the heart with dry ironic smile,
A cynic stamping out the god in man;

Немногочисленные,
самоочевидные достоинства —
её опора,
А прагматичный поиск разума наощупь,
или обобщённый взгляд,
Иль способы добиться
краткого успеха —
Вот, что она стремится изучать —
швейцар в училище практичности.
Во внешнем слое
океанской широты Сознания,
К ней в сети попадают
стайки мелких мыслей,
Но все значительные истины
из узких неводов уходят;
Хранимые от взгляда
глубиной творения,
Они невидимо плывут
в слепых огромных безднах,
Недосягаемые для зондирующих
маленьких грузил ума,
И чересчур глубокие для погруженья
слабого ныряльщика.
Мы, смертные, воспринимаем всё
невежественным взглядом,
Он не способен видеть
глубину и суть вещей.
Всё наше знание идёт
с опорой на клюку Ошибки,
Оно — поклонник ложных догм,
обманчивых богов,
Фанатик яростных
и нетерпимых убеждений,
Искатель, сомневающийся
в каждой истине,
которую находит,
И скептик, что встречает Свет
несокрушимым Нет,
Иль остужает сердце
ироничной и сухой усмешкой,
Иль циник, что
затаптывает бога в человеке;

A darkness wallows in the paths of Time
Or lifts its giant head to blot the stars;
It makes a cloud of the interpreting mind
And intercepts the oracles of the Sun.
Yet Light is there; it stands at Nature's doors:
It holds a torch to lead the traveller in.
It waits to be kindled in our secret cells;
It is a star lighting an ignorant sea,

A lamp upon our poop piercing the night.
As knowledge grows Light flames up from within:
It is a shining warrior in the mind,

An eagle of dreams in the divining heart,
An armour in the fight, a bow of God.
Then larger dawns arrive and Wisdom's pomps
Cross through the being's dim half-lighted fields;

Philosophy climbs up Thought's cloud-bank peaks
And Science tears out Nature's occult powers,
Enormous djinns who serve a dwarf's small needs,
Exposes the sealed minutiae of her art
And conquers her by her own captive force.
On heights unreached by mind's most daring soar,

Тьма разлеглась
на всех дорогах Времени,
Иль поднимается гигантской мордой
чтобы бросить тень на звёзды;
Она наводит облако
из объяснения ума,
И перехватывает
предсказанья Солнца.
И всё же есть здесь Свет;
и он стоит в дверях Природы:
Он держит факел,
чтобы повести нас внутрь.
Он ждёт, пока его зажгут у нас
в сокрытых клетках;
Он та звезда,
что освещает океан невежества,
И лампа на корме,
пронзающая ночь.
И постепенно, с ростом знания,
Свет разгорается внутри:
В уме теперь живёт
сверкающий, великолепный воин,
В интуитивном сердце поднимается
орёл мечты,
Оружие для битвы,
лук Всевышнего.
А после наступает
более широкая заря,
И пышность Мудрости
проходит по неясным,
полуосвещённым сферам бытия,
И философия восходит
на заоблачные пики Мысли,
Наука вырывает у Природы
тайные, оккультные могущества,
Огромнейшие джины,
служащие мелким нуждам карлика,
Показывают скрытые подробности
её искусства,
Стремятся покорить её
могуществом её же пленника.
На пиках, недоступных
самому отважному парению ума,

Upon a dangerous edge of failing Time
The soul draws back into its deathless Self;
Man's knowledge becomes God's supernal Ray.
There is the mystic realm whence leaps the power
Whose fire burns in the eyes of seer and sage;
A lightning flash of visionary sight,
It plays upon an inward verge of mind:
Thought silenced gazes into a brilliant Void.
A voice comes down from mystic unseen peaks:
A cry of splendour from a mouth of storm,
It is the voice that speaks to night's profound,
It is the thunder and the flaming call.
Above the planes that climb from nescient earth,
A hand is lifted towards the Invisible's realm,
Beyond the superconscient's blinding line
And plucks away the screens of the Unknown;
A spirit within looks into the Eternal's eyes.
It hears the Word to which our hearts were deaf,
It sees through the blaze in which our thoughts grew blind;
It drinks from the naked breasts of glorious Truth,
It learns the secrets of eternity.
Thus all was plunged into the riddling Night,

И на опасном, угрожающем краю
слабеющего Времени,
Душа утягивается назад,
в своё неумирающее "Я";
Так знание становится для человека
высшим Светом Бога.
И есть ещё мистическое царство,
план, откуда вылетает сила,
И чей огонь горит в глазах
провидца или мудреца;
Молниеносный импульс,
вспышка видящего зрения,
Играет где-то в глубине,
на внутреннем краю ума:
Мысль, умолкая, пристально глядит
в сверкающую Пустоту.
С мистических незримых пиков
вниз снисходит голос:
То — крик великолепья
на устах штормов,
То — голос,
говорящий с глубиной ночи,
То — грохотанье грома
и пылающий призыв.
Над планами, что поднимаются
с незнающей земли,
Есть длань, которая
указывает на страну Незримого,
За рамки ослепляющей
границы сверхсознания,
Срывая прочь завесы
с Неизвестного;
И дух внутри встречается
со взглядом Вечного.
Он слышит Слово, для которого
сердца людей глухи,
Он видит сквозь сияние,
в котором слепнут наши мысли;
Он пьёт от обнажённых грудей
восхитительной, чудесной Истины,
Он познаёт секреты вечности.
Так всё нырнуло в Ночь,
что проверяет всё суровой критике,

Thus all is raised to meet a dazzling Sun.
O Death, this is the mystery of thy reign.
In earth's anomalous and magic field
Carried in its aimless journey by the sun

Mid the forced marches of the great dumb stars,
A darkness occupied the fields of God,
And Matter's world was governed by thy shape.
Thy mask has covered the Eternal's face,
The Bliss that made the world has fallen asleep.
Abandoned in the Vast she slumbered on:
An evil transmutation overtook

Her members till she knew herself no more.
Only through her creative slumber flit
Frail memories of the joy and beauty meant
Under the sky's blue laugh mid green-scarfed trees
And happy squanderings of scents and hues,
In the field of the golden promenade of the sun
And the vigil of the dream-light of the stars,
Amid high meditating heads of hills,
On the bosom of voluptuous rain-kissed earth
And by the sapphire tumblings of the sea.

Так всё восходит, чтобы встретить
ослепительное Солнце.
О Смерть, так выглядит
загадка твоего господства.
В земном магическом
и аномальном поле,
Несущем нас в своём
бесцельном путешествии
за солнцем
Средь вынужденного движения
немых великих звёзд,
Тьма захватила сферы Бога,
А мир Материи отныне
управляется твоим обличием.
Лик Вечного
сокрыт твоею маской,
Богиня, сотворившая вселенную,
Блаженство — упала в забытьи.
Покинутая в этой Широте,
она пока что дремлет:
И пагубные превращенья
будут впредь происходить
Над телом у неё,
пока та не узнает больше о себе.
Сквозь созидающее сновиденье летят
лишь хрупкие воспоминания
О предназначенной ей радости
и красоте,
Под смехом голубых небес,
средь изумрудной зелени деревьев,
Весёлой расточительности
запаха и цвета,
На фоне золотистых медленных
прогулок солнца,
Ночного бденья звёздных,
грезящих лучей,
Среди высоких, созерцающих
вершин холмов,
На чувственной груди земли,
целуемой дождями,
И около сапфирных
перекатываний моря.

But now the primal innocence is lost
And Death and Ignorance govern the mortal world
And Nature's visage wears a greyer hue.
Earth still has kept her early charm and grace,
The grandeur and the beauty still are hers,
But veiled is the divine Inhabitant.

The souls of men have wandered from the Light
And the great Mother turns away her face.
The eyes of the creatrix Bliss are closed
And sorrow's touch has found her in her dreams.
As she turns and tosses on her bed of Void,
Because she cannot wake and find herself
And cannot build again her perfect shape,
Oblivious of her nature and her state,
Forgetting her instinct of felicity,

Forgetting to create a world of joy,
She weeps and makes her creatures' eyes to weep;
Testing with sorrow's edge her children's breasts,
She spends on life's vain waste of hope and toil

The poignant luxury of grief and tears.
In the nightmare change of her half-conscious dream,

Но ныне первозданная невинность утерялась,
Над смертным миром властвуют Невежество и Смерть,
Природа одевается всё больше в серые тона.
Земля ещё хранит былую грацию, очарование,
Величие и красота — пока ещё её,
Но скрыт теперь божественный Жилец.
И души у людей блуждают вдалеке от Света,
И отворачивает прочь своё лицо великая Божественная Мать.
Закрылись ясные глаза Блаженства, созидающей богини,
Но и во снах страдание нашло её своим касанием.
Тогда она перевернулась, заметалась на ложе Пустоты,
Она не может ни проснуться, ни найти себя,
Ни вновь восстановить свой совершенный облик,
Свою природу, состояние не замечая,
Забыв о собственном инстинкте счастья,
Забыв о созиданьи мира радости,
Она рыдает, и глаза творенья наполняет горькими слезами;
Так, пробуя кинжалом горя грудь своих детей,
Она растрачивает на бесплодные потери
Тяжёлого труда и жизненных надежд
Мучительную роскошь слёз и горя.
В кошмарной перемене своего полусознательного сна,

Tortured herself and torturing by her touch,
She comes to our hearts and bodies and our lives
Wearing a hard and cruel mask of pain.
Our nature twisted by the abortive birth
Returns wry answers to life's questioning shocks,
An acrid relish finds in the world's pangs,
Drinks the sharp wine of grief's perversity.
A curse is laid on the pure joy of life:
Delight, God's sweetest sign and Beauty's twin,
Dreaded by aspiring saint and austere sage,
Is shunned, a dangerous and ambiguous cheat,
A specious trick of an infernal Power
It tempts the soul to its self-hurt and fall.
A puritan God made pleasure a poisonous fruit,

Or red drug in the market-place of Death,
And sin the child of Nature's ecstasy.
Yet every creature hunts for happiness,
Buys with harsh pangs or tears by violence
From the dull breast of the inanimate globe
Some fragment or some broken shard of bliss.
Even joy itself becomes a poisonous draught;

Терзая и себя и нас
своим прикосновением,
Она приходит в наше сердце,
в наше тело, в наши жизни,
Одев тяжёлую, безжалостную
маску боли.
Природа наша, скорченная
преждевременными родами,
Кривит свой рот в ответ
на вопрошающие сотрясенья жизни,
Находит острый вкус
в мученьях мира,
Пьёт едкое вино
порочности и горя.
Проклятие наложено
на чистое веселье, радость жизни:
Восторг, сладчайший признак Бога
и близнец Прекрасного,
Напуганный то домогавшимся святым,
то аскетичным мудрецом,
Стал осторожным; с той поры
опасный, двойственный обман,
И благовидные манеры, трюки
инфернальной Силы,
Подталкивают душу
истязать себя и падать.
Так пуританский Бог
из наслажденья сделал
ядовитый плод,
Или наркотик, обагрённый кровью
на базаре Смерти,
А грех стал детищем экстаза,
исступлённой радости Природы.
И всё же, каждое создание
охотится за счастьем,
И покупает грубой болью,
или вырывает силой
Из пасмурной, безрадостной груди
бездушного земного шара
Какой-нибудь осколок от блаженства
или небольшой кусочек.
И даже удовольствие само
становится отравленным глотком;

Its hunger is made a dreadful hook
of Fate.
All means are held good to catch a
single beam,
Eternity sacrificed for a moment's
bliss:
Yet for joy and not for sorrow
earth was made

And not as a dream in endless
suffering Time.

Although God made the world for
his delight,
An ignorant Power took charge
and seemed his Will

And Death's deep falsity has
mastered Life.
All grew a play of Chance
simulating Fate.

Из жажды радости сумели сделать
страшную наживку Рока.
Становятся все средства хороши,
чтоб ухватить хотя бы луч,
И жертвуется Вечность
для мгновения блаженства:
Но всё-таки для радости,
а не для горя
создана была земля,
И не как сон
в не знающем конца
мученьи Времени.
Хотя Бог создал мир
для своего восторга,
Незнающая Сила
приняла заботы на себя
и кажется его высокой Волей,
А тёмная ложь Смерти
стала править Жизнью.
Так стало всё игрою Случая,
что притворяется Судьбой.

"A secret air of pure felicity

Deep like a sapphire heaven our
spirits breathe;
Our hearts and bodies feel its
obscure call,
Our senses grope for it and touch
and lose.
If this withdrew, the world would
sink in the Void;
If this were not, nothing could
move or live.

A hidden Bliss is at the root of
things.
A mute Delight regards Time's
countless works:

"Особым, тайным воздухом
кристального блаженства,
Глубоким, как сапфировое небо,
дышит в человеке дух,
Сердца у нас и тело ощущают
этот неотчётливый призыв,
Его наощупь ищут наши чувства,
прикасаются, теряют.
И если это вдруг убрать,
то мир утонет в Пустоте;
И если б не было его,
то ничего бы не смогло
ни двигаться, ни жить.
Сокрытое Блаженство —
в корне всех вещей.
Немой Восторг глядит на все
неисчислимые работы Времени:

To house God's joy in things
Space gave wide room,

To house God's joy in self our
souls were born.

This universe an old enchantment
guards;
Its objects are carved cups of
World-Delight
Whose charmed wine is some
deep soul's rapture-drink:

The All-Wonderful has packed
heaven with his dreams,
He has made blank ancient Space
his marvel-house;

He spilled his spirit into Matter's
signs:

His fires of grandeur burn in the
great sun,
He glides through heaven
shimmering in the moon;
He is beauty carolling in the fields
of sound;
He chants the stanzas of the odes
of Wind;
He is silence watching in the stars
at night;
He wakes at dawn and calls from
every bough,
Lies stunned in the stone and
dreams in flower and tree.
Even in this labour and dolour of
Ignorance,
On the hard perilous ground of
difficult earth,
In spite of death and evil
circumstance

Чтоб радость Бога
стала жить везде,
Пространство подарило
место и простор,
Чтоб радость Бога
стала жить внутри,
родились наши души.
Очарованье давних лет
хранит в себе вселенная;
Все вещи в ней — резные кубки
для Восторга Мира,
Её чарующие вина —
экстатический напиток
скрытой в глубине души:
Так Все-Чудесный наполняет
небеса своими грёзами,
Он превратил пустое,
древнее Пространство
В свой дом
для удивительных вещей;
Он дух свой влил
во все бесчисленные
символы Материи:
Его огни великолепия горят
в великом солнце,
Он по небу скользит
в мерцающей луне;
Он — красота,
поющая в пространствах звука;
Он декламирует
рифмованные оды Ветра;
Он — тишина, глядящая на нас
со звёзд в ночи;
Он просыпается с рассветом
и зовёт нас с каждой ветки,
Лежит он, оглушённый, в камне,
грезит он в деревьях и цветах.
И даже в этой скорби
и труде Невежества,
На жёсткой и опасной почве
нашей полной трудностей земли,
И несмотря на смерть
и злое окружение,

A will to live persists, a joy to be.

There is a joy in all that meets the sense,
A joy in all experience of the soul,

A joy in evil and a joy in good,

A joy in virtue and a joy in sin:

Indifferent to the threat of Karmic law,
Joy dares to grow upon forbidden soil,
Its sap runs through the plant and flowers of Pain:

It thrills with the drama of fate and tragic doom,
It tears its food from sorrow and ecstasy,
On danger and difficulty whets its strength;
It wallows with the reptile and the worm
And lifts its head, an equal of the stars;
It shares the faeries' dance, dines with the gnome:
It basks in the light and heat of many suns,
The sun of Beauty and the sun of Power
Flatter and foster it with golden beams;
It grows towards the Titan and the God.
On earth it lingers drinking its deep fill,

Through the symbol of her pleasure and her pain,

Он сохраняет волю жить
и радость быть.
Здесь радость есть во всём,
что может встретить чувство,
Здесь радость есть
в любом переживании души,
Есть радость в зле,
и радость есть в добре,
Есть радость в добродетели,
и радость есть в грехе:
И безразличная к угрозам
нарушения закона Кармы,
Она дерзает вырастать
и на запретной почве,
Сок радости бежит
в растеньях и цветах
Мучения и Боли:
Она трепещет в драматической судьбе,
в трагичной смерти,
И вырывает пищу
у страданья и экстаза,
В опасности и трудностях
оттачивает силу;
Она барахтается и с рептилией,
и с червяком,
И поднимает голову свою
до звёзд;
Она танцует с феями,
и ужинает с гномами,
И наслаждается теплом и светом
многих солнц,
А солнце Красоты
и солнце Силы
Её ласкают и питают
золотистыми лучами;
Она растёт, стремясь к Титану,
устремляясь к Богу.
Она оттягивает время на земле,
стремясь сполна
напиться глубиной,
И через символ наслаждения,
и через символ боли,

Of the grapes of Heaven and the flowers of the Abyss,
Of the flame-stabs and the torment-craft of Hell
And dim fragments of the glory of Paradise.
In the small paltry pleasures of man's life,
In his petty passions and joys it finds a taste,
A taste in tears and torture of broken hearts,
In the crown of gold and in the crown of thorns,
In life's nectar of sweetness and its bitter wine.
All being it explores for unknown bliss,
Sounds all experience for things new and strange.
Life brings into the earthly creature's days
A tongue of glory from a brighter sphere:
It deepens in his musings and his Art,
It leaps at the splendour of some perfect word,
It exults in his high resolves and noble deeds,

Wanders in his errors, dares the abyss's brink,
It climbs in his climbings, wallows in his fall.

Angel and demon brides his chamber share,

Possessors or competitors for life's heart.
To the enjoyer of the cosmic scene

То виноградною лозой Небес,
а то цветами Бездны,
Ударом пламени,
искусством пыток Ада,
И потускневшими осколками
великолепья Рая.
В ничтожных мелких наслажденьях
жизни человека,
В его пустячных радостях, страстях,
она находит вкус,
Вкус в муках и слезах
разбившихся сердец,
И в золотой короне,
и в терновом пыточном венце,
И в сладостном нектаре жизни,
в горечи её вина.
Она исследует всё бытие
и ищет неизвестное блаженство,
Она испытывает всякий опыт
ради нового и странного.
И Жизнь приносит
в дни земного существа
Язык великолепия из сфер,
что ярче и светлее:
Она ныряет и в его раздумья,
и в его Искусство,
И прыгает в восторге
от какой-то совершенной фразы,
Она ликует
и в его возвышенных намереньях,
и в благородных подвигах,
Блуждает средь его ошибок
и бросает вызов краю бездн,
С ним поднимается,
когда он набирает высоту,
качается в его падении.
Так ангел с демоном,
как новобрачные,
живут в его палате,
И те, кто завладели сердцем жизни,
и те, кто лишь сражаются за это.
Но для того, кто наслаждается
космическою сценой,

His greatness and his littleness
equal are,
His magnanimity and meanness
hues
Cast on some neutral background
of the gods:
The Artist's skill he admires who
planned it all.
But not for ever endures this
danger game:
Beyond the earth, but meant for
delivered earth,
Wisdom and joy prepare their
perfect crown;

Truth superhuman calls to
thinking man.
At last the soul turns to eternal
things,

In every shrine it cries for the
clasp of God.
Then is there played the crowning
Mystery,
Then is achieved the longed-for
miracle.
Immortal Bliss her wide celestial
eyes
Opens on the stars, she stirs her
mighty limbs;

Time thrills to the sapphics of her
amour-song
And Space fills with a white
beatitude.
Then leaving to its grief the
human heart,
Abandoning speech and the
name-determined realms,
Through a gleaming far-seen sky
of wordless thought,

Его величье и его ничтожность
меж собой равны;
И краски щедрости его,
и краски скупости,
Наносятся на ровный
и нейтральный холст богов:
Спланировавший это восторгается
искусным мастерством Художника.
Но он не вечно терпит
ту опасную игру:
И где-то вне земли, но зная,
что земля освободится,
В нём наслаждение и мудрость
заранее готовят
корону совершенства;
Там истина сверхчеловека
взывает к мыслящему человеку.
И, наконец, приходит день,
когда душа в нём
обращает взгляд на вечное,
И в каждом храме
молит об объятьи Бога.
Затем разыгрывается
последний акт Мистерии,
И происходит долгожданное,
венчающее чудо.
Бессмертное Блаженство
открывает, наконец,
Небесные широкие глаза
на звёзды,
И встряхивается
своим могучим телом;
Трепещет Время от своей
сафической любовной песни
И чистым, незапятнанным блаженством
наполняется Пространство.
Затем, оставив горю
сердце человека,
Покинув речь и сферы,
обозначенные только именем,
Через мерцающее,
видимое в отдаленье
небо бессловесной мысли,

Through naked thought-free
heavens of absolute sight,

She climbs to the summits where
the unborn Idea
Remembering the future that must
be
Looks down upon the works of
labouring Force,
Immutable above the world it
made.
In the vast golden laughter of
Truth's sun
Like a great heaven-bird on a
motionless sea
Is poised her winged ardour of
creative joy

On the still deep of the Eternal's
peace.
This was the aim, this the supernal
Law,
Nature's allotted task when
beauty-drenched

In dim mist-waters of inconscient
sleep,
Out of the Void this grand
creation rose, -
For this the Spirit came into the
Abyss
And charged with its power
Matter's unknowing force,
In Night's bare session to
cathedral Light,
In Death's realm repatriate
immortality.
A mystic slow transfiguration
works.
All our earth starts from mud and
ends in sky,

Сквозь оголённые,
свободные от мысли небеса
со взглядом абсолюта,
Она взбирается к вершинам
где не знавшая рождения Идея,
Всё время помня то грядущее,
что предстоит,
Глядит с высот тех
на работы трудящейся Силы,
Всегда и неизменно выше мира,
созданного ею.
В широкой золотой улыбке
солнца Истины,
Большой небесной птицею
над неподвижным морем
Парит её крылатая,
наполненная страстью,
созидающая радость
Над тихой глубиной
покоя Вечного.
Вот это было целью,
это — основной Закон,
Задача для Природы,
что была поставлена,
когда пропитанное красотой
В неясных и туманных водах
бессознательного сна
Из Пустоты поднялось
это грандиозное творение, —
И именно для этого
высокий Дух вошёл в Пучину,
Своею силой зарядил
Материи незнающую силу,
И стал служить в убогости Ночи
соборному божественному Свету,
И в царстве Смерти —
возвращать бессмертие.
Неспешно трудится
мистическое преобразование.
Здесь, на земле,
всё начинается с грязи
и завершается на небесах,

And Love that was once an animal's desire,
Then a sweet madness in the rapturous heart,
An ardent comradeship in the happy mind,
Becomes a wide spiritual yearning's space.
A lonely soul passions for the Alone,
The heart that loved man thrills to the love of God,

A body is his chamber and his shrine.
Then is our being rescued from separateness;
All is itself, all is new-felt in God:

A Lover leaning from his cloister's door
Gathers the whole world into his single breast.
Then shall the business fail of Night and Death:
When unity is won, when strife is lost
And all is known and all is clasped by Love
Who would turn back to ignorance and pain?

"O Death, I have triumphed over thee within;
I quiver no more with the assault of grief;
A mighty calmness seated deep within
Has occupied my body and my sense:
It takes the world's grief and transmutes to strength,

И та Любовь, что некогда была
животной похотью,
А после — сладостным безумием
восторженного сердца,
И пылкой дружбою
счастливого ума,
Становится пространством
для широкого духовного стремления.
Так одинокая душа
пылает страстью по Единому,
И сердце, что любило человека,
пробирает трепет
от любви к Всевышнему,
А тело человека превращается
в жилище Бога и в его алтарь.
Затем, всё наше бытие
освобождается от разделённости;
Все превращаются в самих себя,
по-новому всё ощущая в Боге:
И Любящий, склонившись к нам
из-за порога своего уединения,
Вберёт весь мир в свою
одну единственную грудь.
Тогда разрушатся
дела Ночи и Смерти:
Когда единство будет завоёвано,
когда закончится борьба,
Когда всё будет познано
и схвачено в объятия Любви,
Кто повернёт назад,
к невежеству и боли?

"О, Смерть, я торжествую
над тобой внутри;
Я больше не дрожу
от нападений горя;
Могучее спокойствие,
что воцарилось в глубине моей,
Заполнило всё тело,
охватило чувства:
Оно берёт страданье мира,
и преобразует в силу,

It makes the world's joy one with
the joy of God.
My love eternal sits throned on
God's calm;

For Love must soar beyond the
very heavens

And find its secret sense ineffable;

It must change its human ways to
ways divine,
Yet keep its sovereignty of earthly
bliss.

O Death, not for my heart's sweet
poignancy
Nor for my happy body's bliss
alone
I have claimed from thee the
living Satyavan,
But for his work and mine, our
sacred charge.

Our lives are God's messengers
beneath the stars;

To dwell under death's shadow
they have come
Tempting God's light to earth for
the ignorant race,
His love to fill the hollow in men's
hearts,
His bliss to heal the unhappiness
of the world.
For I, the woman, am the force of
God,
He the Eternal's delegate soul in
man.
My will is greater than thy law, O
Death;
My love is stronger than the bonds
of Fate:

И радость мира делает единой
с радостью Всевышнего.
И вечная моя любовь
сидит на троне
тишины Всевышнего;
Ведь настоящая Любовь
должна подняться, воспаряя,
выше неба,
И там найти своё невыразимое,
таинственное чувство;
Она должна дороги человека
превратить в божественные,
И сохранить при этом власть
над человеческим,
земным блаженством.
О Смерть, не ради сладостной,
сердечной остроты,
Не ради моего
счастливого блаженства тела,
Я требую, чтоб ты вернул назад
живого Сатьявана,
Но для его работы и моей,
для нашего заветного
предназначения.
Его жизнь и моя —
посланники Всевышнего
под звёздами;
Они приходят, чтоб прожить
под тенью смерти,
Призвать свет Бога для земли,
и для невежественной расы,
Наполнить пустоту людских сердец
его любовью,
Его блаженством исцелить
несчастье мира.
Я, женщина —
энергия и сила Бога,
А он — посланник Вечного
в душе у человека.
Моё намеренье и воля выше,
чем твои законы, Смерть;
Моя любовь сильней
оков Судьбы:

Our love is the heavenly seal of the Supreme.
I guard that seal against thy rending hands.
Love must not cease to live upon the earth;
For Love is the bright link twixt earth and heaven,
Love is the far Transcendent's angel here;

Love is man's lien on the Absolute."
But to the woman Death the god replied,
With the ironic laughter of his voice
Discouraging the labour of the stars:
"Even so men cheat the Truth with splendid thoughts.

Thus wilt thou hire the glorious charlatan, Mind,

To weave from his Ideal's gossamer air
A fine raiment for thy body's nude desires
And thy heart's clutching greedy passion clothe?
Daub not the web of life with magic hues:
Make rather thy thought a plain and faithful glass
Reflecting Matter and mortality,

And know thy soul a product of the flesh,

A made-up self in a constructed world.

Любовь, что к нам пришла —
небесная печать Всевышнего.
Я охраняю ту печать от рук твоих,
стремящихся отнять.
Любовь должна жить на земле
не угасая;
Любовь — живое, яркое звено
между землёй и небесами,
Любовь — далёкий ангел
Трансцендентного,
живущий здесь;
Любовь — залог и право человека
здесь на Абсолют."
Однако женщине
бог Смерти отвечал
С тем ироничным смехом
в голосе своём,
Который мужества лишает
даже тяжкую работу звёзд:
"Так вот как человек
обманывает Истину
своею пышной мыслью.
Так может ты возьмешь
себе на службу Ум,
чудесного обманщика,
Чтоб он соткал из тонкой
шелковистой атмосферы Идеала
Изящную накидку
для нагих желаний тела,
И одеяние для цепкой
жадной страсти сердца?
Не размалёвывай магическою краской
паутину жизни,
Ты лучше сделай мысль свою
правдивым, ясным зеркалом,
Что станет отражать
и смертных, и Материю,
Тогда поймёшь ты,
что твоя душа —
продукт телесной плоти,
Лишь составное, созданное "я"
в каком-то сконструированном мире.

Thy words are large murmurs in a mystic dream.
For how in the soiled heart of man could dwell
The immaculate grandeur of thy dream-built God,
Or who can see a face and form divine
In the naked two-legged worm thou callest man?
O human face, put off mind-painted masks:
The animal be, the worm that Nature meant;
Accept thy futile birth, thy narrow life.
For truth is bare like stone and hard like death;
Bare in the bareness, hard with truth's hardness live."
But Savitri replied to the dire God:

"Yes, I am human. Yet shall man by me,

Since in humanity waits his hour the God,
Trample thee down to reach the immortal heights,
Transcending grief and pain and fate and death.
Yes, my humanity is a mask of God:
He dwells in me, the mover of my acts,
Turning the great wheel of his cosmic work.

I am the living body of his light,
I am the thinking instrument of his power,
I incarnate Wisdom in an earthly breast,

Твои слова — напыщенное бормотание
в мистическом видении.
Ну как смогло бы выжить
в грязном сердце человека
То безупречное величье Бога
возведённое твоею грёзой,
И кто бы смог увидеть
форму и лицо божественного
В двуногом голом червяке,
которого ты называешь человеком?
О человек, вглядись,
сорви умами нарисованные маски:
Будь червяком, животным,
как тебе и предназначено Природой;
Прими своё ничтожное рожденье,
ограниченную жизнь.
Ведь истина гола как камень,
тяжела как смерть;
Живи нагая в обнажённости,
отягощённая тяжёлой истиной."
Но так ответила Савитри
ужасающему Богу:
"Ты прав, я — человек.
Но всё же, человек
с моею помощью,
Поскольку в человечестве
ждёт часа своего сам Бог,
Тебя растопчет,
чтоб достичь высот бессмертия,
Он превзойдёт и боль, и горе,
и судьбу, и смерть.
Ты прав, мой облик человека —
маска Бога:
И он живёт во мне,
он движущая сила дел моих,
Он поворачивает
необъятнейшее колесо
его космической работы.
И я — живое тело света Бога,
Я — думающий инструмент
его могущества,
Я — воплощенье Мудрости
в земной груди,

I am his conquering and
unslayable will.
The formless Spirit drew in me its
shape;
In me are the Nameless and the
secret Name."
Death from the incredulous
Darkness sent its cry:
"O priestess in Imagination's
house,
Persuade first Nature's fixed
immutable laws

And make the impossible thy
daily work.
How canst thou force to wed two
eternal foes?
Irreconcilable in their embrace

They cancel the glory of their pure
extremes:
An unhappy wedlock maims their
stunted force.
How shall thy will make one the
true and false?
Where Matter is all, there Spirit is
a dream:
If all are the Spirit, Matter is a lie,

And who was the liar who forged
the universe?
The Real with the unreal cannot
mate.
He who would turn to God, must
leave the world;
He who would live in the Spirit,
must give up life;
He who has met the Self,
renounces self.
The voyagers of the million routes
of mind
Who have travelled through
Existence to its end,

Я — неуничтожимая его
и побеждающая воля.
Аморфный Дух нарисовал
во мне свой образ;
Во мне живёт и Безымянный,
и укрытый тайным Именем."
Бог Смерти из своей скептичной Тьмы
послал свой вопль:
"О жрица в доме
яркого Воображения,
Вначале убеди неизменяемые,
жёсткие законы,
что поставила Природа,
И сделай невозможное
своею повседневною работой.
Как сможешь ты заставить
обручиться вечных двух врагов?
Непримиримые противники
в своём объятии —
Они погасят славу
чистых крайностей своих:
Несчастный брак
изранит увядающую силу.
Как ты соединишь в одно —
и истину, и ложь?
Там, где Материя есть всё,
там Дух — лишь сон:
А если всё есть Дух,
Материя — обман,
И кто тот лгун,
подделавший вселенную?
Реальное не может
сочетаться браком с нереальным.
И тот, кто повернулся к Богу,
вынужден оставить мир;
А тот, кто собирается жить в Духе,
вынужден отбросить жизнь;
Кто повстречал Божественное "Я",
не принимает маленькое "я".
Те мудрецы, что путешествуют
по миллиону троп ума,
Прошедшие Существованье
до его конца,

Sages exploring the world-ocean's vasts,
Have found extinction the sole harbour safe.

Two only are the doors of man's escape,
Death of his body Matter's gate to peace,
Death of his soul his last felicity.

In me all take refuge, for I, Death, am God."
But Savitri replied to mighty Death:
"My heart is wiser than the Reason's thoughts,
My heart is stronger than thy bonds, O Death.
It sees and feels the one Heart beat in all,

It feels the high Transcendent's sunlike hands,

It sees the cosmic Spirit at its work;
In the dim Night it lies alone with God.
My heart's strength can carry the grief of the universe

And never falter from its luminous track,
Its white tremendous orbit through God's peace.

It can drink up the sea of All-Delight
And never lose the white spiritual touch,

Исследующие просторы
океана мира,
Нашли, что существует
лишь одно надёжное убежище —
уход из жизни.
У человека только
две двери к спасению,
Смерть тела для него —
врата Материи к покою,
И смерть его души —
последнее его блаженство.
Во мне убежище находят все,
ведь я, Смерть — Бог."
Могучей Смерти
так Савитри отвечала:
"Есть сердце у меня,
которое мудрее мыслей Разума,
И сердце у меня сильнее,
чем твои оковы, Смерть.
Оно всё видит, ощущая
как одно Божественное Сердце
бьётся в каждом,
И чувствует высокое касание
рук Трансцендентного,
похожего на солнце,
И видит, как работает
вселенский Дух;
Оно лежит наедине с Всевышним
в темноте Ночи.
И сила сердца моего
способна вынести страданье
всей вселенной,
И никогда оно не уклонится
от сияющего курса,
И не сойдёт с огромной,
незапятнанной орбиты
сквозь покой Всевышнего.
Оно способно выпить
океан Всеобщего Восторга
И никогда не потеряет
чистого духовного прикосновения,

The calm that broods in the deep
Infinite."

He said, "Art thou indeed so
strong, O heart,

O soul, so free? And canst thou
gather then
Bright pleasure from my wayside
flowering boughs,
Yet falter not from thy hard
journey's goal,
Meet the world's dangerous touch
and never fall?
Show me thy strength and
freedom from my laws."
But Savitri answered, "Surely I
shall find
Among the green and whispering
woods of Life
Close-bosomed pleasures, only
mine since his,
Or mine for him, because our joys
are one.
And if I linger, Time is ours and
God's,

And if I fall, is not his hand near
mine?
All is a single plan; each wayside
act
Deepens the soul's response,
brings nearer the goal."
Death the contemptuous Nihil
answered her:
"So prove thy absolute force to the
wise gods,

By choosing earthly joy! For self
demand
And yet from self and its gross
masks live free.

Спокойствия, что размышляет
в самой сердцевине
Бесконечности."
Ответил он:
"Ты в самом деле так сильна,
о сердце, о душа,
И так свободна?
И можешь ты срывать тогда
Живые наслажденья с придорожных,
расцветающих ветвей моих,
Не уклоняясь от конечной
трудной цели своего пути,
Встречать опасное касанье мира,
никогда не падая?
Продемонстрируй силу мне свою,
свободу от моих законов."
Савитри отвечала,
"Да, конечно, я найду
Среди зелёного и шепчущего
леса Жизни
Понятные для сердца радости,
но все моё — теперь его,
Или — моё — всё для него,
ведь наши радости теперь одно.
И если медлю я, то потому,
что Время стало
нам принадлежать и Богу,
И если упаду я,
разве не его рука в моей руке?
Всё есть единый замысел,
любой побочный шаг
Лишь углубляет отклики души,
подталкивая ближе к цели."
Бог Смерти, презирающее всё Ничто,
ответил ей:
"Так докажи же
абсолютное своё могущество
пред мудрыми богами,
Предпочитая радости земли!
Потребуй внутреннего "я"
И жить свободной от него
и от его вульгарных масок.

Then will I give thee all thy soul desires,
All the brief joys earth keeps for mortal hearts.
Only the one dearest wish that outweighs all,
Hard laws forbid and thy ironic fate.
My will once wrought remains unchanged through Time,
And Satyavan can never again be thine."
But Savitri replied to the vague Power:
"If the eyes of Darkness can look straight at Truth,
Look in my heart and, knowing what I am,
Give what thou wilt or what thou must, O Death.
Nothing I claim but Satyavan alone."
There was a hush as if of doubtful fates.
As one disdainful still who yields a point
Death bowed his sovereign head in cold assent:
"I give to thee, saved from death and poignant fate
Whatever once the living Satyavan
Desired in his heart for Savitri.
Bright noons I give thee and unwounded dawns,

Тогда я дам тебе
всё, что душа твоя
способна пожелать,
Все кратковременные радости,
что бережёт земля
для сердца смертного.
Но только лишь одно
и самое желанное,
что перевешивает всё,
Запрещено иронией твоей судьбы
и жёсткими законами.
Моё намерение,
приведённое в движение,
во Времени уже не изменяется,
И Сатьяван не сможет никогда
стать вновь твоим."
Савитри отвечала так
неясной Силе:
"Но если Тьма способна
прямо посмотреть на Истину,
Взгляни в глубины сердца моего,
и зная, кто я,
Дай мне, что можешь,
или должен, о Бог Смерти.
Я ничего не требую,
лишь только Сатьявана."
И опустилась тишина,
как будто парки
стали сомневаться.
И словно с небольшим
пренебрежением,
чуть уступая,
Бог Смерти наклонил
высокомерную главу
в сухом согласии:
"Я дам тебе, спасая
от мучительной судьбы и смерти,
Всё то, что Сатьяван,
когда он был ещё живым,
Желал бы в сердце
для тебя, Савитри.
Наполненные солнцем дни я дам тебе,
и зори без душевных ран,

Daughters of thy own shape in heart and mind,
Fair hero sons and sweetness undisturbed
Of union with thy husband dear and true.
And thou shalt harvest in thy joyful house
Felicity of thy surrounded eves.

Love shall bind by thee many gathered hearts.
The opposite sweetness in thy days shall meet
Of tender service to thy life's desired
And loving empire over all thy loved,
Two poles of bliss made one, O Savitri.

Return, O child, to thy forsaken earth."
But Savitri replied, "Thy gifts resist.
Earth cannot flower if lonely I return."
Then Death sent forth once more his angry cry,
As chides a lion his escaping prey:

"What knowst thou of earth's rich and changing life
Who thinkst that one man dead all joy must cease?

Hope not to be unhappy till the end:
For grief dies soon in the tired human heart;
Soon other guests the empty chambers fill.

И дочерей, с таким же
сердцем и умом, как у тебя,
Прекрасных сыновей-героев,
полную покоя сладость
Единства с дорогим
и верным мужем.
В своём, наполненном весельем доме
будешь пожинать плоды
Счастливых, окружающих тебя
блаженством, вечеров.
Любовь к тебе привяжет
множество сердец вокруг,
А сладость у тебя, напротив,
встретит в днях твоих
Заботливое, нежное служение тому,
чего желает жизнь,
И любящее царствование над всеми
кто тебе любим,
Соедини в одно
два полюса блаженства,
о Савитри,
Вернись, дитя, обратно,
на покинутую землю."
Савитри отвечала так,
"Я не беру твои дары.
Земля не сможет расцвести,
когда вернусь одна."
Тогда Бог Смерти ей послал
ещё один свой злобный клич,
Как лев рычит
на ускользающую жертву:
"Что знаешь о земном богатстве ты,
и о меняющейся жизни,
Когда считаешь,
что со смертью одного
умрёт вся радость на земле?
Пока не наступил конец,
не стоит быть несчастной:
В усталом сердце человека
быстро тает горе;
И скоро опустевшие покои
будут заняты другими,
новыми гостями.

A transient painting on a holiday's floor
Traced for a moment's beauty love was made.
Or if a voyager on the eternal trail,

Its objects fluent change in its embrace
Like waves to a swimmer upon infinite seas."
But Savitri replied to the vague god,
"Give me back Satyavan, my only lord.
Thy thoughts are vacant to my soul that feels
The deep eternal truth in transient things."
Death answered her, "Return and try thy soul!

Soon shalt thou find appeased that other men

On lavish earth have beauty, strength and truth,
And when thou hast half forgotten, one of these

Shall wind himself around thy heart that needs

Some human answering heart against thy breast;
For who, being mortal, can dwell glad alone?

Then Satyavan shall glide into the past,
A gentle memory pushed away from thee

Недолговечной росписью
на сцене праздника,
Набросанной для красоты мгновения,
была сотворена любовь.
И как у путника на вечной,
нескончаемой тропе,
Её цель плавно изменяется
в её объятиях,
Как волны для пловца
по бесконечным океанам."
Но богу смутному
Савитри отвечала:
"Отдай назад мне Сатьявана,
он один мой господин.
Твои сужденья бесполезны
для моей души, что ощущает
Глубокую суть вечной истины
во временных вещах."
Бог Смерти отвечал,
"Вернись, проверь ещё раз
ощущения своей души!
Довольно быстро,
с облегченьем ты поймёшь,
что и другие люди
На полной щедрости земле —
верны, красивы и сильны,
И в тот момент, когда
ты Сатьявана станешь забывать,
один из них
Как ветер обовьётся
возле сердца твоего,
которому необходимо
Чтоб рядом, у твоей груди
стучало отвечающее сердце;
Ведь кто из смертных
может с радостью
жить в одиночестве?
И Сатьяван начнёт скользить
всё дальше, дальше в прошлое,
И память нежная о нём
всё больше будет
вытесняться из тебя

By new love and thy children's tender hands,
Till thou shalt wonder if thou lov'dst at all.
Such is the life earth's travail has conceived,
A constant stream that never is the same."
But Savitri replied to mighty Death:
"O dark ironic critic of God's work,
Thou mockst the mind and body's faltering search

For what the heart holds in a prophet hour
And the immortal spirit shall make its own.
Mine is a heart that worshipped, though forsaken,
The image of the god its love adored;
I have burned in flame to travel in his steps.
Are we not they who bore vast solitude
Seated upon the hills alone with God?
Why dost thou vainly strive with me, O Death,
A mind delivered from all twilight thoughts,
To whom the secrets of the gods are plain?
For now at last I know beyond all doubt,
The great stars burn with my unceasing fire
And life and death are both its fuel made.
Life only was my blind attempt to love:

И ласковыми ручками твоих детей,
и новою любовью,
Пока ты вдруг не удивишься —
а вообще — была ли та любовь.
Такой задумана
тяжёлая работа жизни на земле,
Как постоянное течение,
что никогда не остаётся прежним."
Могучей Смерти
так Савитри отвечала:
"О мрачный, ироничный критикан
творенья Бога,
Ты издеваешься над
спотыкающимся поиском
ума и тела
Того, чем сердце обладает
в час предвиденья,
А наш бессмертный дух
когда-то сделает своим.
Во мне есть сердце,
хоть оно покинуто сейчас,
Что обожает образ бога,
восхищается его любовью;
И я горю в огне,
чтоб следовать его шагами.
И разве мы не те, кто на себе
несёт просторы одиночества,
Царящего над пиками
наедине с Всевышним?
Зачем напрасно ты сражаешься
со мной, бог Смерти,
С умом, освободившимся
от всех неточных представлений,
И для кого открыты
тайны всех богов?
Сейчас, вне всякого сомненья,
я узнала, наконец,
Что эти все огромные пылающие звёзды
горят от моего неугасимого огня,
Что из того же топлива
сотворены и жизнь и смерть.
Так Жизнь была моей
слепой попыткою любить:

Earth saw my struggle, heaven my victory;

All shall be seized, transcended; there shall kiss

Casting their veils before the marriage fire
The eternal bridegroom and eternal bride.
The heavens accept our broken flights at last.
On our life's prow that breaks the waves of Time
No signal light of hope has gleamed in vain."

She spoke; the boundless members of the god

As if by secret ecstasy assailed,

Shuddered in silence as obscurely stir
Ocean's dim fields delivered to the moon.

Then lifted up as by a sudden wind
Around her in that vague and glimmering world
The twilight trembled like a bursting veil.

Thus with armed speech the great opponents strove.
Around those spirits in the glittering mist
A deepening half-light fled with pearly wings
As if to reach some far ideal Morn.

И видела земля, как я боролась,
и смотрели небеса,
как побеждала я;
Всё будет, наконец, достигнуто
и даже больше;
и сольются в поцелуе,
Отбросив все свои покровы
перед брачным пламенем,
Те двое — вечно существующий жених,
и вечная невеста.
И небо примет, наконец, все наши
прерванные временно полёты.
Там, на носу у судна жизни,
рассекающего волны Времени,
Не может быть
сигнальных фонарей надежды,
что сияли бы напрасно."
Она договорила;
необозримое для глаза
тело бога
Слегка подрагивало в тишине,
как будто было схвачено
Каким-то тайным,
неожиданным экстазом
Похожим на неясное движение
туманной глади океана,
уступающей луне.
Затем, вокруг неё,
как от внезапного порыва ветра,
В том призрачном, мерцавшем мире
опустился мрак,
Дрожащий как вуаль,
готовая вот-вот порваться.

Так здесь, вооружённые речами,
спорили великие противники.
Вокруг тех душ,
в сверкавшей мгле,
Темнеющие сумерки кружились
на жемчужных крыльях,
Как будто бы хотели долететь
до Утра идеала где-то вдалеке.

Outlined her thoughts flew
through the gleaming haze
Mingling bright-pinioned with its
lights and veils
And all her words like dazzling
jewels were caught
Into the glow of a mysterious
world,
Or tricked in the rainbow shifting
of its hues
Like echoes swam fainting into far
sound.
All utterance, all mood must there
become

An unenduring tissue sewn by
mind
To make a gossamer robe of
beautiful change.

Intent upon her silent will she
walked
On the dim grass of vague unreal
plains,
A floating veil of visions in her
front,
A trailing robe of dreams behind
her feet.
But now her spirit's flame of
conscient force
Retiring from a sweetness without
fruit
Called back her thoughts from
speech to sit within
In a deep room in meditation's
house.
For only there could dwell the
soul's firm truth:
Imperishable, a tongue of
sacrifice,
It flamed unquenched upon the
central hearth

Её едва намеченные мысли
неслись через мелькающий туман,
Сливаясь, ярко оперённые,
с его огнями и его покровами,
И все её слова,
как ослепительные драгоценности
Ловились на лету горячим жаром
этого загадочного мира,
Иль украшали радужными переливами
своих оттенков,
Как эхо, что плывёт
и тает дальним отголоском.
Всё сказанное,
и любое настроенье духа,
непременно становились там
Недолговечной паутинкой,
сотканной умом,
Чтоб сшить одежду
из прозрачной ткани
для прекрасной перемены.
Сосредоточенная на своей
безмолвной воле, шла она
По смутным травам
нереальных затуманенных равнин,
И впереди была
плывущая вуаль видений,
А за её стопами —
шлейф от одеянья грёз.
Однако же, сейчас,
огонь её осознающей силы духа
Стремился отступить
от той бесплодной сладости,
Он призывал её мышление
уйти из слов назад,
Осесть внутри,
в глубоком зале дома медитации.
Ведь только там способна жить
устойчивая истина души:
Непреходящая, став языками
жертвенного пламени,
Неугасимая, она пылала
в главном очаге,

Where burns for the high
houselord and his mate
The homestead's sentinel and
witness fire
From which the altars of the gods
are lit.
All still compelled went gliding
on unchanged,
Still was the order of these worlds
reversed:
The mortal led, the god and spirit
obeyed
And she behind was leader of their
march
And they in front were followers
of her will.
Onward they journeyed through
the drifting ways
Vaguely companioned by the
glimmering mists.
But faster now all fled as if
perturbed
Escaping from the clearness of her
soul.
A heaven-bird upon jewelled
wings of wind
Borne like a coloured and
embosomed fire,
By spirits carried in a pearl-hued
cave,
On through the enchanted dimness
moved her soul.
Death walked in front of her and
Satyavan,
In the dark front of Death, a
failing star.
Above was the unseen balance of
his fate.

End of Canto Three

Где для высокого хозяина усадьбы
и его супруги
Горит их охраняющий,
за ними наблюдающий огонь,
Огонь, которым
зажигают алтари богов.
Все были вынуждены продолжать идти,
скользя и не меняясь,
Пока что сохраняя
перевёрнутый порядок их миров:
Так, смертная, вела,
а бог и дух ей подчинялись,
Хотя и позади, она была ведущей
в этом марше,
А те, что перед нею,
подчинялись этой воле.
Они всё дальше шли
по переменчивым дорогам,
В сопровожденьи неотчётливых,
мерцающих туманов.
Но всё вокруг сейчас летело,
ускоряясь, словно потревоженное,
Пытаясь убежать
от чистоты её души.
Небесной птицею,
на крыльях ветра, в самоцветах,
Как красочный,
хранящийся в груди огонь,
Её несли два духа
в некую жемчужную пещеру,
Куда её душа летела
через очарованные сумерки.
Бог Смерти шёл пред ней
и Сатьяван,
Вот тьме, пред богом Смерти,
тусклою звездой.
А где-то наверху
висели строгие, незримые
весы его судьбы.

Конец третьей песни

Book Ten
THE BOOK OF THE DOUBLE TWILIGHT

Canto IV
THE DREAM TWILIGHT OF THE EARTHLY REAL

There came a slope that slowly
downward sank;
It slipped towards a stumbling
grey descent.
The dim-heart marvel of the ideal
was lost;
Its crowding wonder of bright
delicate dreams
And vague half-limned sublimities
she had left:
Thought fell towards lower levels;
hard and tense

It passioned for some crude
reality.
The twilight floated still but
changed its hues
And heavily swathed a less
delightful dream;
It settled in tired masses on the
air;
Its symbol colours tuned with
duller reds
And almost seemed a lurid mist of
day.
A straining taut and dire besieged
her heart;
Heavy her sense grew with a
dangerous load,

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ СУМЕРЕК

Песня IV
ГРЁЗЫ СУМРАКА О ЗЕМНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Стал ощущаться скат,
что медленно спускался вниз;
Он плавно уводил их
к оступавшемуся серому уклону.
Исчезло чудо идеала
со своим неясным сердцем;
Она[1] оставила утонченные
яркие виденья, полные чудес
Едва очерченные в воздухе
зыбкие величия:
Мысль опустилась к уровням,
лежащим ниже;
с напряженьем и трудом
Та мысль стремилась к некой грубой,
неприкрашенной реальности.
Их окружавший сумрак так же плыл,
но поменял цвета,
Окутывая плотно каждую
малейшую восторженную грёзу;
Он оседал усталой массой
в атмосфере;
Его оттенки, символическая гамма,
стала тускло-красной,
И виделась почти
как огненная дымка дня.
Тугое, устрашающее напряженье
осадило сердце у Савитри;
Всё тяжелее было чувствам
от опасной ноши,

[1] Савитри, *прим. пер.*

And sadder, greater sounds were in her ears,
And through stern breakings of the lambent glare
Her vision caught a hurry of driving plains

And cloudy mountains and wide tawny streams,
And cities climbed in minarets and towers
Towards an unavailing changeless sky:
Long quays and ghauts and harbours white with sails

Challenged her sight awhile and then were gone.
Amidst them travailed toiling multitudes
In ever shifting perishable groups,

A foiled cinema of lit shadowy shapes
Enveloped in the grey mantle of a dream.
Imagining meanings in life's heavy drift,
They trusted in the uncertain environment
And waited for death to change their spirit's scene.
A savage din of labour and a tramp
Of armoured life and the monotonous hum
Of thoughts and acts that ever were the same,
As if the dull reiterated drone

Of a great brute machine, beset her soul, -

Тоскливый, громкий вой
стоял в её ушах,
И сквозь обрывки уходящего назад
слепящего сияния
Её взгляд уловил и спешку
на наполненных движением
равнинах,
И горы в облаках, и полноводные,
с коричневым оттенком, реки,
И города, что поднимались
минаретами и башнями
К какой-то бесполезной
неподвижности небес:
Разнообразные и многочисленные
набережные, гхаты,
белые причалы с кораблями
Лишь ненадолго бросили
свой вызов глазу и пропали.
Средь этого мучительно трудилось
множество людей,
Менявшимися группами,
всё время двигаясь куда-то,
Как будто это было странное кино
о светлых призрачных фигурах,
Кино, в котором каждый был окутан
серой мантией из грёз.
Придумывая смыслы
для тяжёлого теченья жизни,
Они вверялись зыбкой
окружающей среде
И ожидали смерти,
чтоб их сцена духа изменилась.
Тот грубый шум
нелёгкого труда,
Тяжёлые шаги вооружённой жизни,
и однообразный гул,
Их мыслей, дел,
которые всегда одни и те же,
Как будто тупо повторяемое,
монотонное жужжание
Гигантской и бесчувственной машины
осадили душу у неё, —

A grey dissatisfied rumour like a ghost
Of the moaning of a loud unquiet sea.
A huge inhuman cyclopean voice,

A Babel-builders' song towering to heaven,
A throb of engines and the clang of tools
Brought the deep undertone of labour's pain.
As when pale lightnings tear a tortured sky,
High overhead a cloud-rimmed series flared
Chasing like smoke from a red funnel driven,
The forced creations of an ignorant Mind:
Drifting she saw like pictured fragments flee
Phantoms of human thought and baffled hopes,
The shapes of Nature and the arts of man,
Philosophies and disciplines and laws,
And the dead spirit of old societies,
Constructions of the Titan and the worm.
As if lost remnants of forgotten light,
Before her mind there fled with trailing wings
Dimmed revelations and delivering words,
Emptied of their mission and their strength to save,
The messages of the evangelist gods,

Какое-то болезненное
недовольное роптание,
Похожее на призрачные стоны
шумного, взволнованного моря.
Нечеловеческий, огромный,
исполинский голос,
И песнь строителей
той Вавилонской башни до небес,
Гудение моторов,
грохотанье инструментов
Несли глубокий дух труда,
наполненного болью.
Подобно бледным молниям,
что рвут измученное небо,
Над головою, в вышине, средь туч,
блестели ровными рядами,
Клубясь, как дым
из красной заводской трубы,
Те подневольные творения
невежественного Ума:
Она[1], скользя, увидела
как улетали, словно нарисованные,
Фантомы мысли человека
и его напрасные надежды,
И сотворённые Природой формы,
и творения искусства человека,
И философии, и дисциплины,
и законы,
И мёртвый дух
давно ушедших в прошлое
Различных человеческих сообществ,
конструкции Титана и червя.
И как последние остатки света,
ею позабытого,
Летели пред её умом
с обвислыми крылами,
Слова, несущие свободу,
откровенья, ставшие туманными,
И исчерпавшие свою задачу
и спасающую силу
Послания богов-миссионеров,

[1] Савитри, *прим. пер.*

Voices of prophets, scripts of vanishing creeds.

Each in its hour eternal claimed went by:

Ideals, systems, sciences, poems, crafts
Tireless there perished and again recurred,
Sought restlessly by some creative Power;
But all were dreams crossing an empty vast.
Ascetic voices called of lonely seers
On mountain summits or by river banks

Or from the desolate heart of forest glades
Seeking heaven's rest or the spirit's worldless peace,
Or in bodies motionless like statues, fixed
In tranced cessations of their sleepless thought
Sat sleeping souls, and this too was a dream.
All things the past has made and slain were there,

Its lost forgotten forms that once had lived,
And all the present loves as new-revealed

And all the hopes the future brings had failed
Already, caught and spent in efforts vain,
Repeated fruitlessly age after age.

И голоса пророков,
и священные писанья
исчезающих религий.
И каждое, в свой час
объявленное вечным,
уходило прочь:
И идеалы, и системы, и науки,
и поэмы, и ремёсла
Всё время, неустанно, гибли
и всё время возвращались вновь,
Неутомимо найденные заново
какой-то созидавшей Силой;
Однако были все они лишь грёзами,
пересекавшими пустой простор.
Там голоса аскетов призывали
к одиноким мудрецам-провидцам
На пиках гор, у берега реки,
иль из безлюдных дебрей
в глубине лесов,
То в поисках
небесного отдохновения,
То в поисках покоя духа
за пределом мира,
В их неподвижных,
словно статуи, телах,
Застывших в трансе
остановки неусыпной мысли,
Сидели души, погрузившись в сон,
и это тоже было грёзой.
Всё то, что в прошлом
было создано и уничтожено,
лежало там,
Забытые, утерянные формы,
жившие когда-то,
И всё, что наше настоящее
желает, любит,
словно заново открытое,
И все надежды, что уже напрасными
приносит нам грядущее,
Уже ухваченные и растраченные
в бесполезном напряжении,
Бесплодно повторялись там
из века в век.

Unwearied all returned insisting still
Because of joy in the anguish of pursuit
And joy to labour and to win and lose
And joy to create and keep and joy to kill.
The rolling cycles passed and came again,
Brought the same toils and the same barren end,
Forms ever new and ever old, the long
Appalling revolutions of the world.

Всё неустанно возвращалось вновь,
настаивая на своём,
Ведь радость существует
и в мучении погони,
Есть радость тяжело работать,
побеждать, терять,
Есть радость создавать, и сохранять,
и радость убивать.
Вертящиеся циклы уходили прочь,
и приходили снова,
И приносили тот же труд, и тот же,
вновь бесплодный результат,
Все эти формы, вечно новые
и вечно прежние,
И долгие, всё сотрясающие
революции, перевороты в мире.

Once more arose the great destroying Voice:
Across the fruitless labour of the worlds
His huge denial's all-defeating might
Pursued the ignorant march of dolorous Time.
"Behold the figures of this symbol realm,
Its solid outlines of creative dream

Inspiring the great concrete tasks of earth.
In its motion-parable of human life

Here thou canst trace the outcome Nature gives
To the sin of being and the error in things

And the desire that compels to live

Опять поднялся разрушающий,
великий Голос:
Сквозь бесполезную работу
множества миров
Его уничтожающая всё на свете
сила необъятного отказа
Преследовала марш невежества
страдающего Времени.
"Взгляни на эти образы
из символического царства,
На ясно зримый контур
созидающей мечты,
Что вдохновляет на великие
конкретные свершения земли.
В его — то восходящем,
то идущем вниз
движеньи жизни человека
Ты можешь проследить
итог труда Природы,
Как удаётся ей внести
грех в существо,
ошибку в ткань вещей,
И как она творит желание,
что заставляет жить,

And man's incurable malady of hope.
In an immutable order's hierarchy

Where Nature changes not, man cannot change:
Ever he obeys her fixed mutation's law;
In a new version of her oft-told tale
In ever-wheeling cycles turns the race.
His mind is pent in circling boundaries:
For mind is man, beyond thought he cannot soar.

If he could leave his limits he would be safe:

He sees but cannot mount to his greater heavens;
Even winged, he sinks back to his native soil.
He is a captive in his net of mind

And beats soul-wings against the walls of life.
In vain his heart lifts up its yearning prayer,
Peopling with brilliant Gods the formless Void;
Then disappointed to the Void he turns
And in its happy nothingness asks release,
The calm Nirvana of his dream of self:
The Word in silence ends, in Nought the name.
Apart amid the mortal multitudes,

И как — неизлечимую болезнь людей — надежду.
Средь непреложной иерархии порядка,
Где не меняется Природа, человек не может измениться тоже:
Он вечно подчиняется её закону постоянно возникающих мутаций;
И в обновлённых вариантах часто вспоминаемой её истории,
И в вечно повторяющихся циклах, крутится вся раса.
Ум человека заперт в тех очерченных границах:
Ведь ум — есть человек, и выше мысли
он не может воспарить.
И если б он мог выйти за свои пределы,
он бы был спасён:
Он видит, но не может подобраться к собственным великим небесам;
И даже окрылённый, падает обратно на родную почву.
Он — пленник в собственных силках ума,
И бьётся крыльями души об стенки жизни.
Напрасно сердце у него взмывает в устремившейся молитве
И населяет яркими Богами бесформенную Пустоту;
Затем, разочарованный, он поворачивает к этой Пустоте,
В её счастливом, радостном небытии он просит избавления,
Спокойствия Нирваны для своей мечты о духе:
Как Слово завершается молчанием, так имя завершается в Ничто.
Особняком, средь смертных, средь толпы,

He calls the Godhead
incommunicable
To be the lover of his lonely soul

Or casts his spirit into its void
embrace.
Or he finds his copy in the
impartial All;

He imparts to the Immobile his
own will,
Attributes to the Eternal wrath and
love
And to the Ineffable lends a
thousand names.
Hope not to call God down into
his life.
How shalt thou bring the
Everlasting here?
There is no house for him in
hurrying Time.
Vainly thou seekst in Matter's
world an aim;
No aim is there, only a will to be.

All walk by Nature bound for ever
the same.

Look on these forms that stay
awhile and pass,

These lives that long and strive,
then are no more,
These structures that have no
abiding truth,
The saviour creeds that cannot
save themselves,
But perish in the strangling hands
of the years,
Discarded from man's thought,
proved false by Time,

Он призывает
необщительное Божество
Прийти и стать
возлюбленным его души,
страдающей от одиночества,
Или бросает дух свой
в пустоту его объятий.
Бывает, что он ищет
собственную копию
в бесстрастности Всеобщего,
Он наделяет Неподвижное
своею волей,
Приписывает Вечному
любовь и гнев,
И тысячи имён
даёт Невыразимому.
Ты зря надеешься, взывая к Богу,
чтобы он спустился в жизнь твою.
Как принесёшь сюда ты
Вечнодлящееся?
Здесь, на земле, в спешащем Времени,
нет дома для него.
Напрасно ты отыскиваешь цель,
где царствует Материя;
Нет цели здесь,
лишь только воля быть.
Здесь всё идёт по-прежнему,
всегда, как установлено
границами Природы.
Взгляни на эти формы,
что недолго существуют,
а потом уходят,
На эти жизни, что стремятся, борются,
а вот — уже их нет,
На эти все системы,
за которыми нет прочной истины,
На эти все религии спасения,
что не способны и себя спасти,
Лишь исчезают
в душащих объятьях долгих лет,
Отвергнутые мыслью человека,
забракованные Временем,

Philosophies that strip all
problems bare
But nothing ever have solved
since earth began,
And sciences omnipotent in vain

By which men learn of what the
suns are made,
Transform all forms to serve their
outward needs,

Ride through the sky and sail
beneath the sea,
But learn not what they are or why
they came;
These polities, architectures of
man's brain,
That, bricked with evil and good,
wall in man's spirit

And, fissured houses, palace at
once and jail,
Rot while they reign and crumble
before they crash;
These revolutions, demon or
drunken god,

Convulsing the wounded body of
mankind
Only to paint in new colours an
old face;
These wars, carnage triumphant,
ruin gone mad,
The work of centuries vanishing
in an hour,
The blood of the vanquished and
the victor's crown
Which men to be born must pay
for with their pain,
The hero's face divine on satyr's
limbs,
The demon's grandeur mixed with
the demigod's,

На философии,
что обнажают все проблемы,
Но не решили ничего,
с рождения земли,
На множество наук,
что понапрасну всемогущи,
Благодаря которым люди изучают
из чего возникли солнца,
Преобразуют формы,
чтоб они служили
для их внешних нужд,
Летают по небу,
и плавают в глубинах океанов,
Но до сих пор не понимают —
кто они, зачем они пришли;
Взгляни на эти государства,
построения людских умов,
Где кладкой кирпичей добра и зла
для духа человека
выстроили стену,
На треснувшие их жилища,
на дворцы, что заодно и тюрьмы,
Которые гниют, пока те царствуют,
и рушатся, не дожидаясь их конца:
На эти революции,
что-то ли пьяным богом,
то ли демоном,
Трясут израненное
тело человечества
Лишь чтобы новой краской
разукрасить старые фасады:
На эти войны, на победоносную резню,
и на безумие руин,
На труд столетий,
исчезающий за час,
Кровь побеждённых
и корону победителя,
Которую, чтобы её нести,
приходится оплачивать своею болью,
Божественный, высокий лик героя,
но с телесным обликом сатира,
Величье демона,
переплетённое с величьем полубога,

The glory and the beasthood and
the shame;
Why is it all, the labour and the
din,
The transient joys, the timeless sea
of tears,
The longing and the hoping and
the cry,
The battle and the victory and the
fall,
The aimless journey that can
never pause,
The waking toil, the incoherent
sleep,
Song, shouts and weeping,
wisdom and idle words,

The laughter of men, the irony of
the gods?
Where leads the march, whither
the pilgrimage?
Who keeps the map of the route or
planned each stage?
Or else self-moved the world
walks its own way,
Or nothing is there but only a
Mind that dreams:
The world is a myth that happened
to come true,
A legend told to itself by
conscious Mind,
Imaged and played on a feigned
Matter's ground
On which it stands in an
unsubstantial Vast.
Mind is the author, spectator,
actor, stage:
Mind only is and what it thinks is
seen.
If Mind is all, renounce the hope
of bliss;
If Mind is all, renounce the hope
of Truth.

На славу, на звериное обличие,
на этот срам;
Зачем всё это —
грохот, труд,
Все эти временные радости,
и вечный океан из слёз,
То устремленье, то надежда,
то призыв,
То битва, то победа,
то падение,
Бесцельный путь, что никогда
не может прекратиться,
Бессонный труд
и беспорядочный, бессвязный сон,
То пение, то крики и рыдание,
то мудрые, а то пустые,
праздные слова,
То хохот человека,
то ирония богов?
Куда ведёт весь этот марш,
зачем всё это странствие?
Кто держит карту
или намечает новые этапы?
А может, самодвижущийся мир
идёт своим путём,
А может, ничего на свете нет,
лишь Ум, что грезит:
Мир — это миф, что появился,
чтоб прийти взаправду,
Легенда, что рассказывает сам себе
осознающий Ум,
Придуманная и разыгранная
на фальшивом основании Материи,
Где он стоит в каком-то
невещественном Просторе.
Ум — это автор, зритель,
сцена и актер:
И существует только Ум,
и только то, что думает он — зримо.
Но если всё есть Ум,
оставь надежду на блаженство;
Но если всё есть Ум,
оставь надежду встретить Истину.

For Mind can never touch the body of Truth
And Mind can never see the soul of God;
Only his shadow it grasps nor hears his laugh

As it turns from him to the vain seeming of things.

Mind is a tissue woven of light and shade
Where right and wrong have sewn their mingled parts;
Or Mind is Nature's marriage of convenance
Between truth and falsehood, between joy and pain:
This struggling pair no court can separate.
Each thought is a gold coin with bright alloy
And error and truth are its obverse and reverse:
This is the imperial mintage of the brain
And of this kind is all its currency.

Think not to plant on earth the living Truth
Or make of Matter's world the home of God;
Truth comes not there but only the thought of Truth,
God is not there but only the name of God.
If Self there is it is bodiless and unborn;

It is no one and it is possessed by none.
On what shalt thou then build thy happy world?

Ведь Ум не сможет никогда
коснуться тела Истины,
И Ум не сможет никогда
увидеть душу Бога;
Он только ловит тень его,
не слыша, как, при этом,
Бог смеётся,
Он словно отвернулся от него
к пустому внешнему
обличию вещей.
Ум — это ткань,
что соткана из света и теней,
Где верное и ложное
переплели свои смешавшиеся части;
А может, Ум —
есть брачный договор Природы
Меж истиной и ложью,
меж радостью и болью:
И ту дерущуюся пару
никакой судья не сможет развести.
Любая мысль подобна золотой монете,
но с дешёвой примесью,
А истина с ошибкой для неё —
орёл и решка.
Так выглядит
высокая чеканка мозга,
И вся его валюта —
лишь такого сорта.
Не думай поселить здесь, на земле,
живую Истину,
Иль сделать мир Материи
жилищем Бога;
Не ходит Истина туда,
где только мысль об Истине,
Не будет Бога там,
где только имя Бога.
И если есть на свете
Высшее, Божественное "Я",
оно не рождено и бестелесно;
Оно — никто,
и им никто не обладает.
На чём построишь ты тогда
свой будущий счастливый мир?

Cast off thy life and mind, then art thou Self,

An all-seeing omnipresence stark, alone.

If God there is he cares not for the world;
All things he sees with calm indifferent gaze,
He has doomed all hearts to sorrow and desire,
He has bound all life with his implacable laws;
He answers not the ignorant voice of prayer.
Eternal while the ages toil beneath,
Unmoved, untouched by aught that he has made,
He sees as minute details mid the stars
The animal's agony and the fate of man:
Immeasurably wise, he exceeds thy thought;
His solitary joy needs not thy love.
His truth in human thinking cannot dwell:

If thou desirest Truth, then still thy mind
For ever, slain by the dumb unseen Light.
Immortal bliss lives not in human air:
How shall the mighty Mother her calm delight
Keep fragrant in this narrow fragile vase,
Or lodge her sweet unbroken ecstasy

Отбрось свой ум и жизнь,
тогда ты станешь
этим Высшим "Я",
Присутствием —
всё видящим и вездесущим,
совершенным, одиноким.
И если Бог и есть,
он не заботится о мире;
На всё взирает он спокойным,
беспристрастным взглядом,
Он все сердца обрёк
желать и горевать,
Всю жизнь связал
неумолимыми законами;
Не отвечает он
невежественным голосам молитвы.
Пока эпохи
трудятся под ним,
Неколебимый, незатронутый
ничем им сотворённым, вечный,
Он смотрит как на мелкие,
сиюминутные детали среди звёзд,
И на агонию зверей,
и на судьбу людей:
Неописуемо мудрее,
превосходит он любую мысль;
Для одинокой радости своей
он не нуждается в твоей любви.
Его божественная истина
не может жить
средь мысли человека:
И если ты желаешь Истины,
то успокой свой ум навеки,
Убей его немым
незримым Светом.
Бессмертное блаженство не живёт
в привычной человеку атмосфере:
И как могучая Божественная Мать
смогла бы тихий свой восторг
Сберечь таким же свежим
в этой узкой хрупкой вазе,
Иль поселить свой
нерушимый сладостный экстаз

In hearts which earthly sorrow can assail
And bodies careless Death can slay at will?
Dream not to change the world that God has planned,

Strive not to alter his eternal law.

If heavens there are whose gates are shut to grief,
There seek the joy thou couldst not find on earth;
Or in the imperishable hemisphere
Where Light is native and Delight is king
And Spirit is the deathless ground of things,
Choose thy high station, child of Eternity.
If thou art Spirit and Nature is thy robe,
Cast off thy garb and be thy naked self
Immutable in its undying truth,

Alone for ever in the mute Alone.

Turn then to God, for him leave all behind;
Forgetting love, forgetting Satyavan,
Annul thyself in his immobile peace.
O soul, drown in his still beatitude.
For thou must die to thyself to reach God's height:
I, Death, am the gate of immortality."
But Savitri answered to the sophist God:

В сердца, что уязвимы
для земного горя и страдания,
В тела, которые безжалостная Смерть
способна убивать, когда захочет?
И не мечтай, что сможешь изменить
весь этот мир,
спланированный Богом,
И не старайся переделать
вечные его законы.
Но если существуют небеса,
врата которых заперты для горя,
То там ищи ту радость,
что найти не сможешь на земле,
Иль в полусфере нерушимого,
Где Свет — один из местных жителей,
Восторг — их царь,
А Дух — бессмертная основа
для всего,
О Вечности дитя, там для себя
ты выберешь высокие палаты.
И если ты есть Дух,
а вся Природа — только одеяние,
То сбрось наряд и стань
одним лишь обнажённым "я",
Что не меняется
в своей бессмертной истине,
Одна, навеки в тишине,
безмолвии Единого.
А после — повернись к Всевышнему,
и для него оставь всё позади;
Забыв любовь,
забыв и Сатьявана,
Попробуй растворить себя
средь неподвижности его покоя.
Душа, попробуй утонуть в его
тиши блаженства.
Ведь, чтобы подойти к высотам Бога,
ты должна погибнуть для себя:
Я, Смерть — и есть
врата в бессмертие."
Однако же, Савитри
так ответила софисту-Богу:

"Once more wilt thou call Light to blind Truth's eyes,
Make Knowledge a catch of the snare of Ignorance
And the Word a dart to slay my living soul?
Offer, O King, thy boons to tired spirits
And hearts that could not bear the wounds of Time,
Let those who were tied to body and to mind,
Tear off those bonds and flee into white calm
Crying for a refuge from the play of God.
Surely thy boons are great since thou art He!
But how shall I seek rest in endless peace
Who house the mighty Mother's violent force,
Her vision turned to read the enigmaed world,
Her will tempered in the blaze of Wisdom's sun
And the flaming silence of her heart of love?
The world is a spiritual paradox
Invented by a need in the Unseen,
A poor translation to the creature's sense
Of That which for ever exceeds idea and speech,
A symbol of what can never be symbolised,
A language mispronounced, misspelt, yet true.

"И сколько раз ты будешь
звать на помощь Свет,
чтоб ослепить взгляд Истины,
Чтоб сделать Знание
защёлкой для силков Невежества,
А Слово — дротиком,
чтоб погубить мою живую душу?
Ты предложи, о Царь, свои блага
уставшему от жизни духу,
Сердцам, которые не могут
выносить удары, раны Времени,
Пусть те, кто так привязан
к телу и уму,
Порвут все эти узы,
улетая в чистоту покоя,
Взывая об убежище от действия,
игры Всевышнего.
Конечно, блага велики твои,
ведь ты есть Он!
Но как же в бесконечности покоя
мне искать отдохновения,
Мне, поселившей яростную мощь
могучей Матери,
И виденье её, направленное
чтоб читать загадочный наш мир,
Её божественную волю,
закалённую в сияньи
солнца Мудрости,
И жгучее молчанье сердца,
полного любви?
Весь этот мир —
духовный парадокс,
Изобретённый, по необходимости,
в Незримом,
Корявый перевод
на чувственный язык творения
Того, что вечно превосходит
всякую идею, речь,
И символ той реальности,
что невозможно никогда
представить символом,
И языка, неправильно произносимой,
и с ошибками, но всё же истины.

Its powers have come from the eternal heights
And plunged into the inconscient dim Abyss
And risen from it to do their marvellous work.

The soul is a figure of the Unmanifest,
The mind labours to think the Unthinkable,
The life to call the Immortal into birth,
The body to enshrine the Illimitable.
The world is not cut off from Truth and God.
In vain thou hast dug the dark unbridgeable gulf,

In vain thou hast built the blind and doorless wall:
Man's soul crosses through thee to Paradise,

Heaven's sun forces its way through death and night;

Its light is seen upon our being's verge.
My mind is a torch lit from the eternal sun,
My life a breath drawn by the immortal Guest,
My mortal body is the Eternal's house.
Already the torch becomes the undying ray,
Already the life is the Immortal's force,
The house grows of the householder part and one.

Его могущества спустились
с пиков вечного,
Они ныряют
в смутную Пучину подсознания,
И поднимаются оттуда,
чтобы совершить
свою чудесную работу.
Душа есть некий
образ Непроявленного,
Ум трудится, чтобы
помыслить о Немыслимом,
Жизнь — чтоб призвать
Бессмертного в рождение,
А тело — дать приют
для Беспредельного.
Мир не отрезан
от Всевышнего и Истины.
Напрасно ты здесь вырыл
бездну безнадёжности,
которую не перекрыть мостом,
Напрасно выстроил
глухую стену без дверей:
Душа у человека
сквозь тебя пройдёт
и выйдет в Рай,
Божественное солнце
путь проложит свой
и через смерть, и через ночь.
Его свет виден на границе
нашего существования.
Мой ум — один из факелов,
зажжённый вечным солнцем,
Моя жизнь на земле — дыхание,
рождённое бессмертным Гостем,
А тело смертной —
дом для Вечного.
И этот факел стал уже
негаснущем лучом,
И эта жизнь — уже
могуществом Бессмертного,
Дом вырос выше и палат хозяина,
и самого владельца.

How sayst thou Truth can never
light the human mind
And Bliss can never invade the
mortal's heart
Or God descend into the world he
made?
If in the meaningless Void
creation rose,
If from a bodiless Force Matter
was born,
If Life could climb in the
unconscious tree,
Its green delight break into
emerald leaves
And its laughter of beauty
blossom in the flower,
If sense could wake in tissue,
nerve and cell
And Thought seize the grey matter
of the brain,
And soul peep from its secrecy
through the flesh,

How shall the nameless Light not
leap on men,
And unknown powers emerge
from Nature's sleep?
Even now hints of a luminous
Truth like stars
Arise in the mind-mooned
splendour of Ignorance;
Even now the deathless Lover's
touch we feel:
If the chamber's door is even a
little ajar,
What then can hinder God from
stealing in
Or who forbid his kiss on the
sleeping soul?
Already God is near, the Truth is
close:
Because the dark atheist body
knows him not,

Зачем ты говоришь, что Истина
не сможет озарить ум человека,
Блаженство — никогда не сможет
завладеть сердцами смертных,
А Бог — спуститься в мир,
который создал?
И если посреди бесцельной Пустоты
вдруг поднялось творенье,
Из бестелесной Силы
родилась Материя,
И если Жизнь смогла подняться
в неосознающем дереве,
Её покрытый зеленью восторг
прорвался в изумрудных листьях,
Смех красоты её раскрылся
в множестве цветов,
И чувству удалось проснуться
в тканях тела, клетках, нервах,
А в серых тканях мозга
появилась Мысль,
И из своей завесы тайны,
через плоть, украдкой
глянула душа,
То, как же тот невыразимый Свет
не перекинется на человека,
И как неведомые силы
не проснутся ото сна Природы?
Уже сейчас намёки светлой Истины,
как звёзды,
Встают средь роскоши Невежества
под месяцем-умом;
Уже сейчас мы чувствуем
касание бессмертного Любимого:
И если дверь в палату приоткрыта,
пусть и ненамного,
Что сможет удержать Всевышнего
проникнуть внутрь,
Кто запретит ему оставить поцелуй
на дремлющей душе?
Уже Бог рядом,
Истина уже близка:
И неужели, если тело атеиста,
полного неведенья, его не знает,

Must the sage deny the Light, the seer his soul?

I am not bound by thought or sense or shape;
I live in the glory of the Infinite,
I am near to the Nameless and Unknowable,
The Ineffable is now my household mate.
But standing on Eternity's luminous brink
I have discovered that the world was He;
I have met Spirit with spirit, Self with self,

But I have loved too the body of my God.
I have pursued him in his earthly form.
A lonely freedom cannot satisfy

A heart that has grown one with every heart:
I am a deputy of the aspiring world,
My spirit's liberty I ask for all."

То мудрый должен
отрицать небесный Свет,
провидец — собственную душу?
Я ведь не связана, ни мыслями,
ни чувствами, ни обликом;
Я обитаю в славе Бесконечности,
Я — около Неописуемого
и Непознаваемого,
И сам Невыразимый ныне —
друг моей семьи.
Но, встав на озарённой
грани Вечности,
Я поняла, что мир —
есть Он;
Я повстречала духом — Дух,
и тем "я", что во мне —
Божественное "Я",
Но тело Бога моего
я полюбила тоже.
И я пошла за ним,
в его земном обличии.
Не может одинокая свобода
радовать то сердце,
Что стало с каждым сердцем
слито и едино:
Я — делегат
стремящегося мира,
Свою свободу духа —
я прошу для всех."

Then rang again a deeper cry of Death.
As if beneath its weight of sterile law
Oppressed by its own obstinate meaningless will,
Disdainful, weary and compassionate,
It kept no more its old intolerant sound,
But seemed like life's in her unnumbered paths

Вновь зазвенел глубокий голос
бога Смерти.
И словно ощущая вес
бесплодного закона,
И угнетаемый своей
бессмысленной упрямой волей,
Пренебрежительный, усталый,
сострадающий,
Оставив прежний
нетерпимый тон,
Он стал похож на голос жизни
на её бесчисленных путях,

Toiling for ever and achieving nought
Because of birth and change, her mortal powers
By which she lasts, around the term-posts fixed
Turning of a wide circling aimless race
Whose course for ever speeds and is the same.
In its long play with Fate and Chance and Time
Assured of the game's vanity lost or won,
Crushed by its load of ignorance and doubt
Which knowledge seems to increase and growth to enlarge,
The earth-mind sinks and it despairs and looks
Old, weary and discouraged on its work.
Yet was all nothing then or vainly achieved?
Some great thing has been done, some light, some power
Delivered from the huge Inconscient's grasp:
It has emerged from night; it sees its dawns
Circling for ever though no dawn can stay.

This change was in the godhead's far-flung voice;
His form of dread was altered and admitted
Our transient effort at eternity,

Yet flung vast doubts of what might else have been

Что вечно трудится
и ничего не достигает,
Из-за того, что и рождение, и изменение,
и смертные её могущества,
Благодаря которым держится она,
привязаны к границам,
И кружатся в широком колесе
бесцельной гонки,
Которая всегда спешит,
и вечно остаётся той же самой.
В своей давно начавшейся игре
со Случаем, Судьбой и Временем,
Уверившись, что всё напрасно —
победишь ты или проиграешь,
Придавленный под тяжестью
сомнений и невежества,
Хоть кажется, что знание
растёт и расширяется,
Слабеет ум земли,
впадает в безнадёжность,
И выглядит усталым, старым,
разочаровавшимся в своей работе.
Но неужели всё, что было — пустота,
и достижения напрасны?
Ведь создано какое-то величие,
какой-то свет и сила
Освободились из гигантской
хватки Несознания:
Оно возникло из ночи,
и смотрит на свои рассветы,
Что вечно кружатся,
и ни один рассвет
не может задержаться.
Летящий в дали
голос божества переменился;
Его обличье ужаса
открылось с новой стороны
И допустило к вечности
людские бренные усилия,
Хоть и набросило
широкие сомнения,
Способно ли оно
вообще существовать,

On grandiose hints of an
impossible day.
The great voice surging cried to
Savitri:
"Because thou knowst the wisdom
that transcends

Both veil of forms and the
contempt of forms,
Arise delivered by the seeing
gods.
If free thou hadst kept thy mind
from life's fierce stress,
Thou mightst have been like them
omniscient, calm.
But the violent and passionate
heart forbids.

It is the storm bird of an anarch
Power
That would upheave the world and
tear from it
The indecipherable scroll of Fate,

Death's rule and Law and the
unknowable Will.
Hasteners to action, violators of
God
Are these great spirits who have
too much love,
And they who formed like thee,
for both art thou,

Have come into the narrow
bounds of life
With too large natures overleaping
time.
Worshippers of force who know
not her recoil,
Their giant wills compel the
troubled years.
The wise are tranquil; silent the
great hills

На грандиозные намёки
невозможного, немыслимого дня.
Величественный голос, нарастая,
выкрикнул Савитри:
"Раз ты познала мудрость,
что выходит за пределы
масок форм,
И выше, чем презренье
к сотворённым формам,
То встань, освобождённая
всевидящими божествами.
И если сохраняешь ум свободным
от неистового напряженья жизни,
Ты сможешь быть, как и они,
всезнающей, спокойной.
Однако страстное твоё
и яростное сердце
это не позволит.
Оно взмывает буревестником
мятежной Силы,
Что хочет этот мир поднять,
сорвав с него
Загадочные, тайные
скрижали Рока,
Закон, правленье Смерти,
и непознаваемую Волю.
Тот, кто торопит действие
и нарушает правила Всевышнего,
Великий дух,
с огромными запасами любви,
Такие люди по строению
похожи на тебя,
сотворены для той же цели,
Они приходят
в узкие границы жизни
С их слишком уж широким естеством,
опережая время.
Поклонники той силы,
что не знает отступления,
Своей гигантской воле
подчиняют взбудораженные годы.
Спокойны мудрецы;
безмолвны, как великие предгорья,

Rise ceaselessly towards their
unreached sky,
Seated on their unchanging base,
their heads
Dreamless in heaven's immutable
domain.
On their aspiring tops, sublime
and still,
Lifting half-way to heaven the
climbing soul
The mighty mediators stand
content
To watch the revolutions of the
stars:
Motionlessly moving with the
might of earth,
They see the ages pass and are the
same.
The wise think with the cycles,
they hear the tread

Of far-off things; patient,
unmoved they keep
Their dangerous wisdom in their
depths restrained,
Lest man's frail days into the
unknown should sink
Dragged like a ship by bound
leviathan
Into the abyss of his stupendous
seas.
Lo, how all shakes when the gods
tread too near!
All moves, is in peril, anguished,
torn, upheaved.
The hurrying aeons would stumble
on too swift

If strength from heaven surprised
the imperfect earth
And veilless knowledge smote
these unfit souls.

И непрестанно поднимаются
к своим недостижимым небесам,
Найдя незыблемое основание,
их головы
Живут без грёз
в небесных неизменных сферах.
На их стремящихся вершинах,
утончённые и тихие,
Подняв до половины к небесам
идущую к высотам душу,
Стоят могучие посредники,
которые согласны
Смотреть на то,
как обращаются по кругу звёзды:
Бездвижно двигаясь
могуществом земли,
Они глядят на проходящие века,
что вечно те же самые.
Они способны рассуждать эпохами
и слышать шаг событий
далёкого грядущего;
С терпением, не двигаясь,
те мудрецы хранят
Свою опасную для мира мудрость,
сдерживая в глубине,
Чтоб наша хрупкая обыденная жизнь
не погрузилась в неизвестность,
Утянутая как корабль,
обхваченный левиафаном,
В бездонные пучины
необъятных океанов.
Смотри, как всё трясётся,
если слишком близок шаг богов!
Всё движется, и всё в опасности,
измученное, порванное, извергаемое.
Но если бы могущество небес
застало бы врасплох
несовершенную планету,
То торопливые эпохи оступились бы
от слишком быстрой скорости,
А неприкрытое вуалью знание
разбило бы неподготовленные души.

The deities have screened their dreadful power:
God hides his thought and, even, he seems to err.
Be still and tardy in the slow wise world.
Mighty art thou with the dread goddess filled,
To whom thou criedst at dawn in the dim woods.
Use not thy strength like the wild Titan souls!
Touch not the seated lines, the ancient laws,
Respect the calm of great established things."
But Savitri replied to the huge god:
"What is the calm thou vauntst, O Law, O Death?
Is it not the dull-visioned tread inert
Of monstrous energies chained in a stark round

Soulless and stone-eyed with mechanic dreams?
Vain the soul's hope if changeless Law is all:

Ever to the new and the unknown press on
The speeding aeons justifying God.
What were earth's ages if the grey restraint
Were never broken and glories sprang not forth

Bursting their obscure seed, while man's slow life

И божества скрывают
страшное своё могущество:
Бог прячет мысль свою,
и даже кажется, что ошибается.
Савитри, будь спокойна и нетороплива
в этом медленном и мудром мире.
Ты вся наполнена могуществом
той ужасающей богини,
К которой ты взывала на заре
в туманных чащах.
Не пользуйся своею силой,
словно дикая душа Титана!
Не прикасайся к проведённым некогда
границам, к древнему закону,
И уважай спокойствие
великих и укоренившихся вещей."
Савитри так ответила
гигантского размера богу:
"Что за спокойствие ты превозносишь,
о Закон, о Смерть?
Не тот ли плохо видящий,
инертный шаг
Чудовищных энергий,
скованных цепями
в неподвижный круг,
Бездушных, с каменными лицами,
с механистичными мечтами?
Напрасна для души надежда,
если неменяющийся никогда Закон
есть всё:
Всегда для нового и неизведанного
давят, наседают
Спешащие эпохи,
объясняя это Богом.
И чем бы были на земле века,
когда бы мрачные ограничения
Не нарушались никогда,
когда великолепия бы
не неслись вперёд,
Взрывая скрытые источники,
когда бы медленная поступь
жизни человека

Leaped hurried into sudden splendid paths
By divine words and human gods revealed?
Impose not upon sentient minds and hearts
The dull fixity that binds inanimate things.
Well is the unconscious rule for the animal breeds
Content to live beneath the immutable yoke;
Man turns to a nobler walk, a master path.

I trample on thy law with living feet;
For to arise in freedom I was born.

If I am mighty let my force be unveiled
Equal companion of the dateless powers,
Or else let my frustrated soul sink down
Unworthy of Godhead in the original sleep.
I claim from Time my will's eternity,
God from his moments." Death replied to her,
"Why should the noble and immortal will
Stoop to the petty works of transient earth,

Freedom forgotten and the Eternal's path?
Or is this the high use of strength and thought,

To struggle with the bonds of death and time

Не прыгала бы в спешке,
на нежданные роскошные пути,
Что открываются божественною речью
и гуманными богами?
Зачем навязывать
осознающему уму и сердцу
Тупую неподвижность,
что связала неодушевлённое?
Правленье несознательного
хорошо лишь для домашнего скота,
Согласного всегда жить
с неменяющимся никогда ярмом;
А человек повёрнут
к более высокому движению,
к пути хозяина.
Я растопчу своей живой ногою
твой закон;
Я рождена
чтоб воспарить в свободу.
И если я сильна,
пусть эта сила станет неприкрытой,
Как равный компаньон
для вечных сил,
Иначе, побеждённая и недостойная
для Божества
Пусть упадёт моя душа
в первоначальный сон.
Я требую у Времени всю вечность
мне принадлежащей воли,
И Бога у его мгновений."
Бог Смерти отвечал,
"Но почему бессмертная
и благородная такая воля
Должна спускаться
до ничтожности работ
на временной земле,
Что позабыла и свободу,
и дорогу Вечного?
И разве дело это —
для такой высокой силы
и высокой мысли —
Бороться с узами,
наложенными временем и смертью,

And spend the labour that might earn the gods
And battle and bear agony of wounds
To grasp the trivial joys that earth can guard
In her small treasure-chest of passing things?
Child, hast thou trodden the gods beneath thy feet
Only to win poor shreds of earthly life
For him thou lov'st cancelling the grand release,
Keeping from early rapture of the heavens
His soul the lenient deities have called?
Are thy arms sweeter than the courts of God?"
She answered, "Straight I trample on the road
The strong hand hewed for me which planned our paths.

I run where his sweet dreadful voice commands

And I am driven by the reins of God.
Why drew he wide his scheme of mighty worlds
Or filled infinity with his passionate breath?
Or wherefore did he build my mortal form
And sow in me his bright and proud desires,
If not to achieve, to flower in me, to love,

Carving his human image richly shaped

На это тратить труд,
достойный подвигов богов,
Сражаться в битвах
и переносить боль ран,
Ловить обычные людские радости,
которые земля способна сохранить
В своём ничтожном сундучке
сокровищ преходящего?
Дитя, своей стопой
ты попрала богов
Лишь чтоб добиться
жалкого обрывка жизни на земле
Для своего любимого,
отвергнув грандиозное освобождение,
Не подпуская к близкому
небесному восторгу
Ту душу, что позвали
снисходительные боги?
Ну неужели руки у тебя
нежней и слаще, чем палаты Бога?"
Она ответила:
"Я лишь шагаю прямо по дороге,
Что прорубила для меня
могучая рука,
наметившая нам пути.
Я лишь бегу туда,
куда велит его ужасный,
и в то же время, сладкий голос,
Я двигаюсь туда,
куда меня ведут поводья Бога.
Зачем он расчертил широкий план
своих могучих царств, миров,
Зачем дыханьем, полным страсти,
наполняет бесконечность?
И для чего он создал для меня
мой смертный облик
И поселил во мне свои
сияющие, гордые желания,
Как не затем, чтоб достигать их,
чтоб они цвели во мне,
чтобы любить,
Чтоб высекать
его богатый образ человека

In thoughts and largenesses and golden powers?
Far Heaven can wait our coming in its calm.
Easy the heavens were to build for God.
Earth was his difficult matter, earth the glory
Gave of the problem and the race and strife.
There are the ominous masks, the terrible powers;
There it is greatness to create the gods.
Is not the spirit immortal and absolved
Always, delivered from the grasp of Time?
Why came it down into the mortal's Space?
A charge he gave to his high spirit in man
And wrote a hidden decree on Nature's tops.
Freedom is this with ever seated soul,
Large in life's limits, strong in Matter's knots,
Building great stuff of action from the worlds
To make fine wisdom from coarse, scattered strands
And love and beauty out of war and night,
The wager wonderful, the game divine.
What liberty has the soul which feels not free
Unless stripped bare and cannot kiss the bonds
The Lover winds around his playmate's limbs,

В прекрасных силах,
в мыслях, в широте?
Пусть даль Небес пока что
тихо ожидает нашего прихода.
Легко для Бога
было сделать небеса.
Земля была задачей потрудней,
земля дала
Великолепие проблемы,
состязания, борьбы.
Здесь есть и злые маски
и ужасные могущества;
Но здесь есть и величие,
способное творить богов.
И разве дух — бессмертный
и освобождённый навсегда —
Сейчас свободен
от захвата Временем?
Иначе бы зачем ему спускаться вниз,
в Пространство смертных?
Он дал задание
возвышенному духу в человеке
И подписал сокрытый ото всех указ
на верхних этажах Природы.
Его задание — свобода,
но с душой на вечном троне,
Широкая в границах жизни,
сильная среди узлов Материи,
И возводящая великую ткань действия
среди миров,
Чтобы творить утонченную мудрость
из отброшенной и грубой пряди,
Любовь и красоту —
из ночи и войны,
Вот — удивительная ставка
в той божественной игре.
Что за свобода у души, которая
не чувствует себя свободной,
Пока не обнажится догола,
пока не сможет целовать те узы,
Что обвивает Любящий
вокруг своих друзей,

Choosing his tyranny, crushed in his embrace?
To seize him better with her boundless heart
She accepts the limiting circle of his arms,
Bows full of bliss beneath his mastering hands

And laughs in his rich constraints, most bound, most free.
This is my answer to thy lures, O Death."

И выбрав тиранию Бога,
не будет стиснута в его объятии?
Чтоб лучше охватить его
своим безбрежным сердцем
Она согласна на ограничения кольца
его прекрасных рук,
Она склоняется, в блаженстве
под его могучими
и властными руками,
Смеётся на его
обильные ограничения,
Чем больше связана —
тем более свободна.
Вот мой ответ твоим соблазнам,
Смерть."

Immutable, Death's denial met her cry:
"However mighty, whatever thy secret name

Uttered in hidden conclaves of the gods,
Thy heart's ephemeral passion cannot break
The iron rampart of accomplished things
With which the great Gods fence their camp in Space.
Whoever thou art behind thy human mask,
Even if thou art the Mother of the worlds
And pegst thy claim upon the realms of Chance,
The cosmic Law is greater than thy will.
Even God himself obeys the Laws he made:
The Law abides and never can it change,

Бог Смерти неизменно отвечал
отказом на её призыв:
"Какой бы ты могучей не была,
каким бы тайным именем
не называлась
На скрытых ото всех
собраниях богов,
Недолговечная страсть сердца твоего
не сможет сделать брешь
В железном бастионе
завершённости и совершенства
Которым замечательные Боги
отделяют лагерь свой в Пространстве.
И кем бы не была ты
за своею маской человека,
И даже если ты —
сама Божественная Мать миров
И хочешь бросить требованье
царствам Случая,
Космический Закон
сильней твоей высокой воли.
Ведь даже сам Всевышний
подчиняется Законам, что он создал:
Закон останется
и никогда его ты не изменишь,

The Person is a bubble on Time's sea.
A forerunner of a greater Truth to come,
Thy soul creator of its freer Law,

Vaunting a Force behind on which it leans,
A Light above which none but thou hast seen,
Thou claimst the first fruits of Truth's victory.

But what is Truth and who can find her form

Amid the specious images of sense,
Amid the crowding guesses of the mind
And the dark ambiguities of a world
Peopled with the incertitudes of Thought?
For where is Truth and when was her footfall heard
Amid the endless clamour of Time's mart
And which is her voice amid the thousand cries
That cross the listening brain and cheat the soul?
Or is Truth aught but a high starry name
Or a vague and splendid word by which man's thought
Sanctions and consecrates his nature's choice,

The heart's wish donning knowledge as its robe,

А Личность — только пузырёк
в огромном море Времени.
Предвестник более великой Истины,
которая должна прийти,
Твоя душа — творец другого,
более свободного Закона,
Всё время превозносит Силу
позади себя, свою опору,
И некий Свет над ней,
которого никто пока не видел,
А ты уже сейчас желаешь
первые плоды
победы этой Истины.
Но что это за Истина
и кто способен обнаружить
форму этой Истины
Среди правдоподобных
представлений чувств,
Среди догадок,
что переполняют ум,
Средь тёмных
двойственностей мира,
Где поселилась
неопределённость Мысли?
Скажи, где — эта Истина,
когда услышим мы её шаги
Средь нескончаемого гвалта
на базаре Времени,
Как голос у неё узнать
средь тысяч криков,
Которые идут сквозь слушающий мозг,
которые обманывают душу?
А может, Истина — ничто,
лишь звёздное возвышенное имя,
Иль неотчётливое,
но блистательное слово,
Которым человеческая мысль
стремится освятить,
Одобрить выбор,
сделанный природой человека,
Желанье сердца,
одевающее знание как платье,

The cherished idea elect among
the elect,
Thought's favourite mid the
children of half-light
Who high-voiced crowd the
playgrounds of the mind
Or people its dormitories in infant
sleep?
All things hang here between
God's yes and no,
Two Powers real but to each other
untrue,

Two consort stars in the mooned
night of mind
That towards two opposite
horizons gaze,
The white head and black tail of
the mystic drake,

The swift and the lame foot, wing
strong, wing broken

Sustaining the body of the
uncertain world,
A great surreal dragon in the
skies.
Too dangerously thy high proud
truth must live
Entangled in Matter's mortal
littleness.
All in this world is true, yet all is
false:
Its thoughts into an eternal cipher
run,
Its deeds swell to Time's rounded
zero sum.

Thus man at once is animal and
god,

Иль бережно хранимая идея,
избранная среди многих избранных,
Любимая, особенная мысль,
средь порождений полусвета,
Которая своим высоким голосом
заполнила площадки игр ума,
И поселилась в спальнях у него,
когда он спал ещё младенцем?
Здесь всё висит
меж "да" Всевышнего и "нет",
Две Силы здесь реальны,
но для каждой из тех Сил
другая неверна,
Как два супруга, или две звезды,
в ночи ума луною озарённой,
Что смотрят в разных,
противоположных направлениях,
Одна из Сил
подобна белой голове,
Другая — чёрному хвосту
мистического селезня,
Там — быстрая нога,
а там — хромая,
Здесь сильное крыло,
а там — крыло подбитое,
Поддерживают основанье
ненадёжного, изменчивого мира,
Великий сюрреалистический дракон,
парящий в небесах.
Но в чересчур большой опасности
должна жить гордая
Возвышенная истина твоя, опутанная
смертной малостью Материи.
Всё в этом мире — истина,
и всё, при этом, ложь:
Все мысли в этом мире
убегают к коду вечного,
Его дела растут и разрастаются
до нулевого округлённого
итога Времени.
Так, человек одновременно —
и животное, и бог,

A disparate enigma of God's make

Unable to free the Godhead's form within,
A being less than himself, yet something more,

The aspiring animal, the frustrate god
Yet neither beast nor deity but man,
But man tied to the kind earth's labour strives to exceed

Climbing the stairs of God to higher things.
Objects are seemings and none knows their truth,

Ideas are guesses of an ignorant god.
Truth has no home in earth's irrational breast:
Yet without reason life is a tangle of dreams,
But reason is poised above a dim abyss
And stands at last upon a plank of doubt.
Eternal truth lives not with mortal men.

Or if she dwells within thy mortal heart,

Show me the body of the living Truth
Or draw for me the outline of her face
That I too may obey and worship her.
Then will I give thee back thy Satyavan.

Несоразмерная загадка,
созданная Богом,
И неспособная освободить
свой образ Божества внутри,
Он — существо,
что меньше самого себя,
и в то же время, что-то большее,
Он — устремлённое животное,
он побеждённый бог,
Но всё ж — не зверь, не божество,
а человек,
Но человек, привязанный
к земным трудам,
которые стремится превзойти,
По лестнице Всевышнего
взбираясь к более высокому.
Все вещи — только видимость,
никто не знает
настоящей истины за ними,
Идеи — только озарения
незнающего бога.
У Истины нет дома
в иррациональности груди земли:
Но жизнь без разума —
вообще, переплетенье грёз,
И разум балансирует
над смутной пропастью,
Встав на одном конце
доски сомнения.
Та истина, которая от Вечного,
не может жить
со смертными людьми.
Но если всё ж
она сумела поселиться
в смертном сердце у тебя,
То покажи мне тело
той живой высокой Истины,
Или хотя бы обрисуй
черты её лица,
Чтоб я мог тоже
подчиняться ей и поклоняться.
Тогда отдам назад
тебе я Сатьявана.

But here are only facts and
steel-bound Law.
This truth I know that Satyavan is
dead
And even thy sweetness cannot
lure him back.
No magic Truth can bring the
dead to life,

No power of earth cancel the thing
once done,

No joy of the heart can last
surviving death,

No bliss persuade the past to live
again.

But Life alone can solace the mute
Void
And fill with thought the
emptiness of Time.
Leave then thy dead, O Savitri,
and live."
The Woman answered to the
mighty Shade,
And as she spoke, mortality
disappeared;
Her Goddess self grew visible in
her eyes,
Light came, a dream of heaven,
into her face.
"O Death, thou too art God and
yet not He,
But only his own black shadow on
his path
As leaving the Night he takes the
upward Way
And drags with him its clinging
inconscient Force.
Of God unconscious thou art the
dark head,

Но здесь — лишь факты и Закон
с его железными границами.
Я знаю истину,
что Сатьяван твой — мёртв,
И даже сладости твоей
не выманить его обратно.
И ни одна магическая Истина
не принесёт умершего
обратно в жизнь,
И никакая сила на земле
не сможет отменить,
что совершилось,
И никакая радость сердца
не способна здесь остаться,
выжив после смерти,
И ни одно блаженство
не уговорит прошедшее
прожить опять.
Одна лишь Жизнь способна
утешать немую Пустоту,
И мыслью наполнять
бессодержательное Время.
Оставь ты умершего своего, Савитри,
и живи."
Могучей Тени
Женщина ответила,
Пока она произносила свой ответ,
всё смертное в ней растворилось,
И внутреннее "я" её Богини
стало видимым в её глазах,
И Свет, мечта небес,
спустился на её лицо.
"Бог Смерти, знаю я — ты тоже Бог,
но всё ж — не Он,
А только чёрное пятно его тени,
лежащее среди его дороги,
Как будто, покидая Ночь,
он начинает восходящий Путь
И тянет за собой свою прилипшую
и бессознательную Силу.
Ты — тёмная вершина
несознанья Бога,

Of his Ignorance thou art the impenitent sign,
Of its vast tenebrous womb the natural child,
On his immortality the sinister bar.
All contraries are aspects of God's face.
The Many are the innumerable One,
The One carries the multitude in his breast;
He is the Impersonal, inscrutable, sole,
He is the one infinite Person seeing his world;
The Silence bears the Eternal's great dumb seal,
His light inspires the eternal Word;
He is the Immobile's deep and deathless hush,
Its white and signless blank negating calm,
Yet stands the creator Self, the almighty Lord

And watches his will done by the forms of Gods
And the desire that goads half-conscious man

And the reluctant and unseeing Night.
These wide divine extremes, these inverse powers

Are the right and left side of the body of God;
Existence balanced twixt two mighty arms
Confronts the mind with unsolved abysms of Thought.

Ты — закоснелый знак
его Невежества,
Родное детище
его широкого и сумрачного чрева,
И страшный, злой барьер
перед его бессмертием.
Все противоположности —
лишь стороны лица Всевышнего.
И всё Многообразие —
бесчисленный Единый,
Единый, что несёт всё это множество
в своей груди;
Он — тот Безличный,
одинокий и непостижимый,
Та бесконечная единственная Личность,
что смотрит на свой мир;
Безмолвие отмечено
великою немой печатью Вечного,
Его свет вдохновляет
вечно существующее Слово;
Он — и глубины Неподвижного,
и тишина без смерти,
И чистое его, без признаков, пустое,
отрицающее всё спокойствие,
И всё же — он встаёт
как созидающее "Я",
как всемогущий Господин,
И наблюдает собственную волю,
исполняемую формами Богов,
Желанье, что подстёгивает
полусознающего,
незнающего человека,
А также —
неохотную, невидящую Ночь.
Те две широкие,
божественные крайности,
обратные друг к другу силы —
Есть правый бок и левый
тела Бога;
Существованье, балансируя
между двумя могучими руками,
Встречает ум, с его неразрешимою
пучиной Мысли.

Darkness below, a fathomless
Light above,
In Light are joined, but sundered
by severing Mind

Stand face to face, opposite,
inseparable,

Two contraries needed for his
great World-task,
Two poles whose currents wake
the immense World-Force.

In the stupendous secrecy of his
Self,
Above the world brooding with
equal wings,
He is both in one, beginningless,
without end:
Transcending both, he enters the
Absolute.
His being is a mystery beyond
mind,
His ways bewilder mortal
ignorance;
The finite in its little sections
parked,
Amazed, credits not God's
audacity
Who dares to be the unimagined
All
And see and act as might one
Infinite.
Against human reason this is his
offence,
Being known to be for ever
unknowable,
To be all and yet transcend the
mystic whole,

Absolute, to lodge in a relative
world of Time,

Так Темнота под нами
и неизмеримый Свет над нами
Сливаются в том Свете,
но разъединяются
всё-разделяющим Умом,
Стоящие лицом к лицу,
хоть и противоположные,
но всё ж неразделимые,
Те два противника нужны
его великому намерению Мира,
Два полюса, которые
теченьями своими будят
необъятность Силы Мира.
В той изумительной, огромной тайне
Высшего Божественного "Я",
Паря над миром
на двух равных крыльях,
Он — это два в одном,
не знающие ни начала, ни конца:
Превосходя обоих,
он вступает в Абсолют.
Его существованье —
тайна за пределами ума,
Его пути ошеломляют
смертное невежество;
Конечное, что притулилось
на своих коротеньких наделах,
Лишь поражается,
не доверяя дерзости Всевышнего,
Который смеет быть
невообразимым Всем,
И действовать, и видеть так,
как может только Бесконечное.
И в этом преступление его
перед рассудком человека —
Быть существом,
которое всегда непознаваемо,
Быть всем на свете,
и при этом всё ж превосходить
мистическое целое,
Быть Абсолютом,
но селиться в относительном,
условном мире Времени,

Eternal and all-knowing, to suffer birth,
Omnipotent, to sport with Chance and Fate,

Spirit, yet to be Matter and the Void,
Illimitable, beyond form or name,

To dwell within a body, one and supreme
To be animal and human and divine:
A still deep sea, he laughs in rolling waves;
Universal, he is all, - transcendent, none.
To man's righteousness this is his cosmic crime,

Almighty beyond good and evil to dwell
Leaving the good to their fate in a wicked world
And evil to reign in this enormous scene.
All opposition seems and strife and chance,
An aimless labour with but scanty sense,
To eyes that see a part and miss the whole;
The surface men scan, the depths refuse their search:

A hybrid mystery challenges the view,
Or a discouraging sordid miracle.

Yet in the exact Inconscient's stark conceit,
In the casual error of the world's ignorance

Быть Вечным и всезнающим,
однако же терпеть рождение,
Быть Всемогущим,
но соревноваться
и с Судьбой, и с Случаем,
Быть Духом, и одновременно —
быть Материей, быть Пустотой,
Быть Беспредельным,
вне каких-то форм и имени,
Жить в теле, но при этом
быть единым и превосходящим всё,
Быть зверем, человеком,
и — божественным:
Глубокий, тихий океан —
он улыбается в накате волн;
Вселенский, он есть всё,
и трансцендентный, он — никто.
По справедливости людей —
он совершил
космическое преступление,
Тем, что живет всесильным,
за пределами добра и зла,
Оставив доброту
её судьбе в зловещем мире,
И позволяя злу царить
на этой необъятной сцене.
Здесь всякое сопротивление,
борьба, удача кажутся
Бессмысленным трудом,
но лишь для ограниченного чувства,
Для глаз, что видят только часть,
и упускают целое;
Здесь люди изучают то,
что на поверхности,
глубины отвергают их:
Загадочный гибрид
бросает вызов взгляду,
Иль некое, убогое,
сбивающее с толку чудо.
И всё же, в строгом и закостеневшем
самомненьи Несознания,
В случайности ошибок
общего, вселенского невежества

A plan, a hidden Intelligence is glimpsed.
There is a purpose in each stumble and fall;
Nature's most careless lolling is a pose
Preparing some forward step, some deep result.
Ingenious notes plugged into a motived score,
These million discords dot the harmonious theme

Of the evolution's huge orchestral dance.
A Truth supreme has forced the world to be;
It has wrapped itself in Matter as in a shroud,
A shroud of Death, a shroud of Ignorance.
It compelled the suns to burn through silent Space,

Flame-signs of its uncomprehended Thought
In a wide brooding ether's formless muse:
It made of Knowledge a veiled and struggling light,
Of Being a substance nescient, dense and dumb,

Of Bliss the beauty of an insentient world.
In finite things the conscious Infinite dwells:
Involved it sleeps in Matter's helpless trance,
It rules the world from its sleeping senseless Void;

Мелькает план,
и скрытый Интеллект.
Есть цель во всяком
спотыкании, падении;
Лень, беззаботность —
только поза для Природы,
Готовящая некий новый шаг,
очередной, глубокий результат.
Изобретательные ноты вставлены
в невидимую партитуру побуждений,
И миллионы диссонансов
тут и там усеивают
гармоничную мелодию
Гигантского оркестра,
исполняющего танец эволюции.
Высокая, божественная Истина
заставила наш мир существовать;
Она закутала себя в Материю,
как в саван,
В огромный саван
Смерти и Невежества.
Она заставила гореть
бесчисленные солнца
сквозь безмолвное Пространство,
Как огненные символы
её непостижимой Мысли
В аморфном созерцании
широких дум эфира:
Она из Знанья сделала
сражающийся, скрытый свет,
Из чистого Существования —
субстанцию неведения,
плотную, немую,
А из Блаженства —
красоту бесчувственного мира.
Во всём конечном
обитает сознающий Бесконечный:
Окутанный, беспомощный, он дремлет,
погрузившись в транс Материи,
Он правит миром
из своей бесчувственной
дремотной Пустоты;

Dreaming it throws out mind and heart and soul
To labour crippled, bound, on the hard earth;

A broken whole it works through scattered points;

Its gleaming shards are Wisdom's diamond thoughts,
Its shadowy reflex our ignorance.

It starts from the mute mass in countless jets,

It fashions a being out of brain and nerve,
A sentient creature from its pleasures and pangs.
A pack of feelings obscure, a dot of sense
Survives awhile answering the shocks of life,
Then, crushed or its force spent, leaves the dead form,

Leaves the huge universe in which it lived
An insignificant unconsidered guest.
But the soul grows concealed within its house;
It gives to the body its strength and magnificence;
It follows aims in an ignorant aimless world,

It lends significance to earth's meaningless life.
A demigod animal, came thinking man;

Мечтая, он бросает сердце,
ум и душу
Трудиться искалеченными,
связанными
на безжалостной земле;
Разбитое на части целое —
он трудится через
разрозненные точки;
Его блестящие осколки —
сверкающие мысли Мудрости,
Его неясный отблеск —
наше необъятное невежество.
Он начинает путь свой
из безмолвной массы
в множестве несметных струй,
Из нервов, мозга —
формирует жизнь,
Из удовольствия и боли —
чувствующее живое существо.
Толпа неясных ощущений,
точка чувства
Живёт недолго,
отвечая на удары жизни,
Затем, разрушившись
или растратив силу,
оставляет умершую форму,
И оставляет ту огромную вселенную,
в которой проживало
Как незначительный
и неприметный гость.
Но всё ж душа растёт,
укрытая в своём жилище,
И дарит телу собственную силу
и великолепие;
Она стремится к целям
в том бесцельном
и невежественном мире,
И придаёт значение бессмысленной
земной обычной жизни.
Как полубог-животное
пришёл на землю
думающий человек;

He wallows in mud, yet
heavenward soars in thought;

He plays and ponders, laughs and
weeps and dreams,
Satisfies his little longings like the
beast;
He pores upon life's book with
student eyes.
Out of this tangle of intellect and
sense,
Out of the narrow scope of finite
thought
At last he wakes into spiritual
mind;
A high liberty begins and
luminous room:
He glimpses eternity, touches the
infinite,
He meets the gods in great and
sudden hours,
He feels the universe as his larger
self,
Makes Space and Time his
opportunity
To join the heights and depths of
being in light,
In the heart's cave speaks secretly
with God.
But these are touches and high
moments lived;
Fragments of Truth supreme have
lit his soul,

Reflections of the sun in waters
still.
A few have dared the last supreme
ascent
And break through borders of
blinding light above,
And feel a breath around of
mightier air,

Барахтаясь в грязи,
он всё же воспаряет
в мыслях к небесам;
Он то задумчив, то играет,
то смеётся, то рыдает, то мечтает,
То утоляет мелкие свои желания,
как зверь;
На книге жизни он сосредоточил
изучающий свой взгляд.
Из этой мешанины
чувств и интеллекта,
Из узкой области
конечной мысли,
В конце концов, он пробуждается
в духовный ум;
Спускается высокое освобождение
и светлое жилище:
Он может мельком видеть вечность,
прикоснуться к бесконечности,
В великие, внезапные часы
встречается с богами,
Он начинает ощущать вселенную
своим огромным "я",
Пространство, Время
делает своей возможностью
Соединить высоты и глубины бытия
в небесном свете,
И в нише сердца
тайно разговаривает с Богом.
Но это — лишь касания,
высокие мгновенья, что проходят;
Осколки высшей Истины
лишь ненадолго
озаряют душу у него,
Как отраженья солнца
на успокоенной поверхности воды.
Немногие отваживаются
на высший, окончательный подъём
И пробиваются через границы
ослепляющего света наверху,
И чувствуют вокруг дыханье
более могучей атмосферы,

Receive a vaster being's messages
And bathe in its immense intuitive Ray.
On summit Mind are radiant altitudes
Exposed to the lustre of Infinity,
Outskirts and dependencies of the house of Truth,
Upraised estates of Mind and measureless.
There man can visit but there he cannot live.
A cosmic Thought spreads out its vastitudes;

Its smallest parts are here philosophies
Challenging with their detailed immensity,
Each figuring an omniscient scheme of things.
But higher still can climb the ascending light;
There are vasts of vision and eternal suns,
Oceans of an immortal luminousness,
Flame-hills assaulting heaven with their peaks,

There dwelling all becomes a blaze of sight;
A burning head of vision leads the mind,
Thought trails behind it its long comet tail;
The heart glows, an illuminate and seer,
And sense is kindled into identity.

A highest flight climbs to a deepest view:

И получают для себя послания
от более широкой жизни,
И омываются безмерностью
интуитивного Луча.
Там, на предельной высоте Ума,
есть лучезарные высоты,
Открытые сиянью Бесконечности,
Окраины, колонии
жилища Истины,
Имения Ума, возвышенные
и неизмеримые.
Туда способен человек прийти,
но жить не сможет.
Космическая Мысль
распространяет в мир
свои безбрежности;
Её мельчайшие частицы
образуют философии,
Бросая вызов необъятностью
и множеством деталей,
И каждая вычерчивает свой
всезнающую схему всех вещей.
Но восходящий свет
способен подниматься выше;
Там — и просторы виденья,
и вечно существующие солнца,
Моря бессмертной ясности
и озарённости,
И пламенные горы,
атакующие небеса
своими пиками,
Там — всё живущее
становится сияньем взгляда;
Пылающая голова у виденья
ведёт и направляет ум,
Мысль оставляет позади
кометный длинный хвост;
Сверкает озарённое,
провидческое, сердце
И чувство загорается,
становится отождествлением.
Чем выше получается полёт,
тем глубже видение;

In a wide opening of its native sky
Intuition's lightnings range in a bright pack
Hunting all hidden truths out of their lairs,
Its fiery edge of seeing absolute
Cleaves into locked unknown retreats of self,
Rummages the sky-recesses of the brain,
Lights up the occult chambers of the heart;
Its spear-point ictus of discovery
Pressed on the cover of name, the screen of form,
Strips bare the secret soul of all that is.

Thought there has revelation's sun-bright eyes;

The Word, a mighty and inspiring Voice,
Enters Truth's inmost cabin of privacy
And tears away the veil from God and life.
Then stretches the boundless finite's last expanse,
The cosmic empire of the Overmind,
Time's buffer state bordering Eternity,
Too vast for the experience of man's soul:
All here gathers beneath one golden sky:
The Powers that build the cosmos station take
In its house of infinite possibility;

Когда случается широкое открытие
его родных небес,
То озаренья интуиции соединяются
в единый ослепительный пучок,
И выгоняют все скрываемые истины
из их укрытий,
А огненные лезвия
всё видящего абсолюта
Прокладывают путь в закрытые
и неизвестные приюты "я",
Обыскивают все небесные убежища
в мозгу,
И заливают светом
сокровенные палаты сердца;
Её остроконечные
пульсации открытий
С усильем давят на покровы имени,
завесу формы,
И раздевают донага
таинственную душу
у всего, что существует.
Там мысли обладают
ясным, словно солнце,
взглядом откровения,
Там Слово, и могучий
вдохновенный Голос
Приходят в самые глубинные покои,
где уединилась Истина,
Срывая прочь завесу
между жизнью и Всевышним.
А дальше тянутся последние просторы
беспредельности конечного,
Космической империи Надразума,
Что окаймляет Вечность
буферною зоной Времени,
И слишком широка для опыта,
познанья человеческой душой:
Всё собирается под золотым
единым небом здесь:
И Силы, что выстраивают космос,
получают для себя основу
В его жилище
нескончаемых возможностей;

Each god from there builds his
own nature's world;
Ideas are phalanxed like a group
of suns,

Each marshalling his company of
rays.
Thought crowds in masses seized
by one regard;

All Time is one body, Space a
single look:
There is the Godhead's universal
gaze
And there the boundaries of
immortal Mind:
The line that parts and joins the
hemispheres
Closes in on the labour of the Gods
Fencing eternity from the toil of
Time.
In her glorious kingdom of eternal
light
All-ruler, ruled by none, the Truth
supreme,
Omnipotent, omniscient and
alone,
In a golden country keeps her
measureless house;
In its corridor she hears the tread
that comes
Out of the Unmanifest never to
return
Till the Unknown is known and
seen by men.
Above the stretch and blaze of
cosmic Sight,
Above the silence of the wordless
Thought,
Formless creator of immortal
forms,
Nameless, investitured with the
name divine,

Отсюда каждый бог
возводит мир своей природы;
Фалангами, похожие
на яркие созвездья солнц,
стоят идеи,
И каждая ведёт
свою компанию лучей.
Мысль скапливается в большие массы,
которые охвачены
одном вниманием;
Всё Время видится единым телом,
Пространство — как единый облик:
Там есть вселенское
внимательное наблюденье Божества,
Там — пограничные слои
бессмертного Ума:
Граница, отделяющая и соединяющая
эти полусферы,
Собой очерчивает труд Богов,
И отгораживает вечность
от работы Времени.
В своём чудесном царстве
вечно существующего света
Все-правящая, высшая,
никем не управляемая Истина,
Всесильная, всезнающая
и единственная,
Хранит своё безмерное жилище
в этой золотой стране;
Она в своём огромном коридоре
слушает шаги,
Которые идут из Непроявленного,
и никогда не возвращаются,
Пока Неведомое не увидят,
не узнают люди.
Над широтою и сиянием
космического Зрения,
И над безмолвной тишиной
бессловесной Мысли
Бесформенный творец
бессмертных форм,
Неназванная, но имеющая право
на божественное имя,

Transcending Time's hours,
transcending Timelessness,
The Mighty Mother sits in lucent calm
And holds the eternal Child upon her knees
Attending the day when he shall speak to Fate.
There is the image of our future's hope;
There is the sun for which all darkness waits,
There is the imperishable harmony;
The world's contradictions climb to her and are one:

There is the Truth of which the world's truths are shreds,

The Light of which the world's ignorance is the shade

Till Truth draws back the shade that it has cast,
The Love our hearts call down to heal all strife,
The Bliss for which the world's derelict sorrows yearn:
Thence comes the glory sometimes seen on earth,
The visits of Godhead to the human soul,
The Beauty and the dream on Nature's face.
There the perfection born from eternity
Calls to it the perfection born in Time,
The truth of God surprising human life,
The image of God overtaking finite shapes.

Превосходя часы во Времени,
превосходя Вневременье,
Могучая Божественная Мать
сидит в сияньи тишины,
Качает на своих коленях
вечного Младенца,
И ожидает дня, когда начнёт он
говорить с Судьбой.
Там — образ наших планов
и надежд грядущего;
Там — солнце, по которому
давно уже вся тьма заждалась,
Там существует
нерушимая гармония;
К ней поднимаются
противоречья мира
и в ней становятся едины:
Там — Истина, перед которой
все другие истины вселенной —
лоскутки,
Там — Свет, перед котором
всё невежество вселенной —
лишь защитное стекло,
Что существует лишь пока
та Истина его не уберёт обратно,
Любовь — которую зовут сердца сюда,
чтоб исцелить все споры и раздоры,
Блаженство — то, к чему стремятся
все отвергнутые беды мира:
Оттуда сходит слава,
временами видимая на земле,
Оттуда к человеческой душе
приходит Божество,
Приходит Красота с мечтою
на лице Природы.
Там — совершенство,
рождённое от вечности,
Зовёт другое совершенство,
рождённое во Времени,
Ту истину Всевышнего,
что поражает человеческую жизнь,
Тот образ Бога, что охватывает
все конечные обличия и формы.

There in a world of everlasting Light,
In the realms of the immortal Supermind
Truth who hides here her head in mystery,
Her riddle deemed by reason impossible
In the stark structure of material form,
Unenigmaed lives, unmasked her face and there
Is Nature and the common law of things.
There in a body made of spirit stuff,
The hearth-stone of the everliving Fire,
Action translates the movements of the soul,
Thought steps infallible and absolute
And life is a continual worship's rite,
A sacrifice of rapture to the One.

A cosmic vision, a spiritual sense

Feels all the Infinite lodged in finite form
And seen through a quivering ecstasy of light
Discovers the bright face of the Bodiless,
In the truth of a moment, in the moment's soul
Can sip the honey-wine of Eternity.
A Spirit who is no one and innumerable,
The one mystic infinite Person of his world

В высоком мире
вечно длящегося Света,
И во владениях
бессмертного Сверхразума
Та Истина, которая
здесь прячет голову в мистерии,
И для рассудка кажется
неразрешимою загадкой
Среди застывшей схемы
из материальных форм,
Живёт разгаданной,
с лица откинув маску,
И там есть высшая Природа,
общепринятый закон всего.
Там, в теле, сотворённым
из материала духа,
На сделанном из камня очаге
горящего всегда Огня,
Любое действие
передаёт движения души,
Мысль движется непогрешимыми
и абсолютными шагами,
А жизнь становится
безостановочным богослужением,
И жертвоприношением
Единому восторга.
Космическое зренье,
ощущенье духа,
Воспринимает всё как Бесконечность,
что живёт в конечной форме,
И видит всё через экстаз
трепещущего света,
И открывает для себя
живой лик Бестелесного,
Который в истине мгновения,
в душе момента
Способен медленно потягивать
медовое вино, напиток Вечности.
Тот Дух, что не один
и не бесчисленный,
Единственная бесконечная
мистическая Личность
в собственной вселенной

Multiplies his myriad personality,
On all his bodies seals his divinity's stamp
And sits in each immortal and unique.
The Immobile stands behind each daily act,
A background of the movement and the scene,
Upholding creation on its might and calm
And change on the Immutable's deathless poise.
The Timeless looks out from the travelling hours;
The Ineffable puts on a robe of speech
Where all its words are woven like magic threads
Moving with beauty, inspiring with their gleam,
And every thought takes up its destined place
Recorded in the memory of the world.
The Truth supreme, vast and impersonal
Fits faultlessly the hour and circumstance,
Its substance a pure gold ever the same
But shaped into vessels for the spirit's use,
Its gold becomes the wine jar and the vase.
All there is a supreme epiphany:
The All-Wonderful makes a marvel of each event,
The All-Beautiful is a miracle in each shape;

Рождает, множит мириад
ему принадлежащих личностей,
На всех своих телах
он отпечатывает штамп
своей божественности,
И в каждом он сидит,
бессмертный и неповторимый.
За всяким делом повседневности
стоит тот Неподвижный,
Как задний фон для действия,
как сцена,
Поддерживая всё творение
своим могуществом и тишиной,
А изменение — бессмертным
равновесьем Неизменного;
Из путешествующих дней, часов
на нас глядит Безвременье,
Невыразимое накидывает
одеянье речи,
В котором все его слова —
вплетённые магические нити,
И движется своею красотой,
и вдохновляется своим свечением,
И каждой мысли он даёт своё,
ей предназначенное место,
Записанное в память мира.
Та Истина, широкая, безличная,
и наивысшая,
Безукоризненно нам подбирает
час и обстоятельство,
Её субстанция — как чистое,
беспримесное золото,
всегда одна и та же,
Но помещённая в сосуды
для использованья духом,
То золото способно стать
и вазой, и кувшином для вина.
Там всё — высокое
богоявление Всевышнего:
Там Все-Чудесный необыкновенное
творит из каждого события,
Там Все-Прекрасный —
это чудо в каждой форме;

The All-Blissful smites with
rapture the heart's throbs,
A pure celestial joy is the use of
sense.
Each being there is a member of
the Self,
A portion of the million-thoughted
All,
A claimant to the timeless Unity,
The many's sweetness, the joy of
difference
Edged with the intimacy of the
One.

"But who can show to thee
Truth's glorious face?
Our human words can only
shadow her.
To thought she is an unthinkable
rapture of light,

To speech a marvel inexpressible.

O Death, if thou couldst touch the
Truth supreme
Thou wouldst grow suddenly wise
and cease to be.

If our souls could see and love and
clasp God's Truth,

Its infinite radiance would seize
our hearts,
Our being in God's image be
remade

And earthly life become the life
divine."
Then Death the last time answered
Savitri:
"If Truth supreme transcends her
shadow here

Там Все-Блаженный
восхищает каждое биенье сердца,
А чистая божественная радость —
смысл и назначенье чувств.
Любое существо там входит
в Высшее Божественное "Я"
Как часть Всего,
с его бесчисленными мыслями,
Как претендент на вечное Единство,
На сладость множества,
на радость от различия,
Что только заостряется
от близости к Единому.

"Но кто способен показать тебе
прекрасный облик Истины?
Обычные слова людей
её способны только затуманить.
Для мысли Истина —
немыслимый восторг
сиянья света,
Для речи Истина —
неописуемое чудо.
Бог Смерти, если б ты сумел
коснуться высшей Истины,
То в тот же миг
ты стал бы мудрецом
и прекратил своё существование.
И если наши души смогут уловить,
увидеть, полюбить
Божественную Истину,
То бесконечное её сияние
окутает сердца
И наше существо
всё будет перестроено
по образу Всевышнего,
И жизнь земная превратится
в жизнь божественную."
Затем, в последний раз
Бог Смерти отвечал Савитри:
"Но если эта Истина так высока
и превосходит здесь
свою земную тень,

Severed by Knowledge and the climbing vasts,
What bridge can cross the gulf that she has left

Between her and the dream-world she has made?
Or who could hope to bring her down to men

And persuade to tread the harsh globe with wounded feet
Leaving her unapproachable glory and bliss,
Wasting her splendour on pale earthly air?
Is thine that strength, O beauty of mortal limbs,
O soul who flutterest to escape my net?
Who then art thou hiding in human guise?
Thy voice carries the sound of infinity,
Knowledge is with thee, Truth speaks through thy words;
The light of things beyond shines in thy eyes.
But where is thy strength to conquer Time and Death?

Hast thou God's force to build heaven's values here?

For truth and knowledge are an idle gleam
If Knowledge brings not power to change the world,
If Might comes not to give to Truth her right.
A blind Force, not Truth has made this ignorant world,

И так отделена высоким Знанием
и восходящими просторами,
То может ли быть мост,
чтоб пересечь ту пропасть,
что оставила она
Между собой и миром-сном,
который ею создан?
И кто бы мог надеяться
спустить её с высот
и принести вниз к людям,
И убедить ступить ранимою стопой
на грубую планету,
Оставить недоступное своё
блаженство и великолепие,
И тратить блеск
на тусклую земную атмосферу?
В твоих ли силах это, о прекраснейшая
среди смертных тел,
Душа, что бьётся,
чтобы избежать моих сетей?
И кто же ты тогда,
сокрытая под маской человека?
Твой голос отзывается
звучаньем бесконечности,
Ты обладаешь Знанием,
и Истина звучит в твоих словах;
В глазах сияет
отблеск запредельного.
Но где твоё могущество,
чтоб покорить
и Смерть, и Время?
И есть ли сила Бога у тебя,
чтобы установить
здесь ценности небес?
Ведь если Знанье не приносит силы
изменить наш мир,
И если Мощь приходит не за тем,
чтоб Истину восстановить в правах.
То истина и знанье
остаются бесполезным блеском,
Слепая Сила, а не Истина
создала наш невежественный мир,

A blind Force, not Truth orders
the lives of men:

By Power, not Light, the great
Gods rule the world;

Power is the arm of God, the seal
of Fate.
O human claimant to immortality,

Reveal thy power, lay bare thy
spirit's force,
Then will I give back to thee
Satyavan.
Or if the Mighty Mother is with
thee,
Show me her face that I may
worship her;
Let deathless eyes look into the
eyes of Death,
An imperishable Force touching
brute things
Transform earth's death into
immortal life.
Then can thy dead return to thee
and live.
The prostrate earth perhaps shall
lift her gaze
And feel near her the secret body
of God
And love and joy overtake fleeing
Time."

Слепая Сила, а не Истина
распоряжается и направляет
жизнь людей:
И Силой, а не Светом,
управляют миром здесь
великие, неописуемые Боги;
И Сила здесь — рука Всевышнего,
печать Судьбы.
О человек, ты претендуешь
на бессмертие,
Так покажи свою мне силу,
обнажи мощь духа,
Тогда отдам назад
тебе я Сатьявана.
Иль если за тобой
Могучая Божественная Мать,
То покажи мне лик её,
что я мог перед нею преклониться;
И пусть бессмертные глаза
посмотрят в очи Смерти,
И пусть неувядаемая Мощь,
коснувшись бессознательных вещей
Преобразует здесь земную смерть
в бессмертье жизни.
Тогда, возможно, умерший
к тебе вернётся, сможет жить.
И распростёртая земля,
свой взгляд поднимет вверх,
И ощутит вблизи себя
скрываемое тело Бога,
А радость и любовь
наполнят пролетающее Время."

And Savitri looked on Death and
answered not.
Almost it seemed as if in his
symbol shape
The world's darkness had
consented to Heaven-light
And God needed no more the
Inconscient's screen.

Савитри кинула свой взгляд
на Бога Смерти, не ответив.
И на мгновенье показалось,
что в этом символическом обличии
Тьма мира согласилась уступить
пред светом из Небес
И ширма Несознанья
Богу больше не нужна.

A mighty transformation came on her.
A halo of the indwelling Deity,
The Immortal's lustre that had lit her face
And tented its radiance in her body's house,
Overflowing made the air a luminous sea.
In a flaming moment of apocalypse
The Incarnation thrust aside its veil.
A little figure in infinity
Yet stood and seemed the Eternal's very house,
As if the world's centre was her very soul
And all wide space was but its outer robe.
A curve of the calm hauteur of far heaven
Descending into earth's humility,
Her forehead's span vaulted the Omniscient's gaze,

Her eyes were two stars that watched the universe.
The Power that from her being's summit reigned,
The Presence chambered in lotus secrecy,
Came down and held the centre in her brow

Where the mind's Lord in his control-room sits;

There throned on concentration's native seat
He opens that third mysterious eye in man,

Могучее преображенье
опустилось на неё.
И ореол живущего в ней Божества,
Сияние Бессмертного,
её лицо залило светом,
Наполнило своим сверканием
её телесный дом,
Переполняя воздух,
превратив его в светящееся море.
В пылавшее огнём
мгновенье апокалипсиса
То Воплощение Божественного
сбросило свою вуаль.
Её фигура, маленькая в бесконечности,
Ещё стояла и казалась
самым главным домом Вечного,
Как если бы её душа
отныне стала центром мира,
А всё широкое пространство —
только внешним одеянием.
Спокойная уверенная гордость
отдалённых царств небес,
Сошедших вниз, в смирение земли,
Была в изгибах лба,
увенчиваясь взглядом,
виденьем Всезнающего,
Её глазами, что как две звезды,
смотрели на вселенную.
Та Сила, что царила
на вершине существа её,
И то Присутствие, что поселилось
в тайном лотосе,
Спустились вниз
и овладели центром
меж её бровей,
Где Господин ума
сидит в центральной комнате,
откуда управляет всем;
И там, по праву
сев на троне концентрации,
Он открывает тайный
третий глаз у человека,

The Unseen's eye that looks at the unseen,
When Light with a golden ecstasy fills his brain
And the Eternal's wisdom drives his choice
And eternal Will seizes the mortal's will.
It stirred in the lotus of her throat of song,
And in her speech throbbed the immortal Word,
Her life sounded with the steps of the world-soul
Moving in harmony with the cosmic Thought.
As glides God's sun into the mystic cave
Where hides his light from the pursuing gods,
It glided into the lotus of her heart

And woke in it the Force that alters Fate.
It poured into her navel's lotus depth,
Lodged in the little life-nature's narrow home,
On the body's longings grew heaven-rapture's flower
And made desire a pure celestial flame,
Broke into the cave where coiled World-Energy sleeps

And smote the thousand-hooded serpent Force
That blazing towered and clasped the World-Self above,
Joined Matter's dumbness to the Spirit's hush

Особый глаз Незримого,
что смотрит на невидимое,
Когда Свет золотым экстазом
заполняет мозг
И мудрость Вечного
умело направляет выбор человека,
И вечно существующая Воля
проникает в волю смертного.
Волнуясь песней
в лотосе её гортани,
Пульсируя своим
бессмертным Словом в речи,
Жизнь стала в ней созвучна
шагу мировой души
И двигалась в гармонии
с космическою Мыслью.
Как солнце Бога плавно опускается
в мистическую полость,
Где прячет свет свой
от преследования богов,
Она[1] скользнула
в лотос сердца у неё
И разбудила то Могущество,
которое способно изменить Судьбу.
Она влилась
в глубокий лотос живота,
И поселилась в узком доме
маленькой природы жизни,
Стремленье тела сделала
цветением небесного восторга,
Желание — небесным
чистым пламенем,
Ворвавшись в нишу,
где спала, свернувшись кольцами,
Всемирная Энергия,
Она ударила по змеевидной Силе
с тысячами капюшонов,
Что поднялась, сверкая
и обняла Мировое "Я" над нею,
Соединила с тишиною Духа
немоту Материи,

[1] Сила, *прим. пер.*

And filled earth's acts with the
Spirit's silent power.
Thus changed she waited for the
Word to speak.

Eternity looked into the eyes of
Death
And Darkness saw God's living
Reality.
Then a Voice was heard that
seemed the stillness' self
Or the low calm utterance of
infinity
When it speaks to the silence in
the heart of sleep.
"I hail thee, almighty and
victorious Death,
Thou grandiose Darkness of the
Infinite.
O Void that makest room for all to
be,
Hunger that gnawest at the
universe
Consuming the cold remnants of
the suns
And eatst the whole world with
thy jaws of fire,
Waster of the energy that has
made the stars,
Inconscience, carrier of the seeds
of thought,
Nescience in which
All-Knowledge sleeps
entombed
And slowly emerges in its hollow
breast
Wearing the mind's mask of bright
Ignorance.
Thou art my shadow and my
instrument.
I have given thee thy awful shape
of dread

Наполнила земные действия
безмолвной силой Духа.
Пройдя сквозь эти перемены,
Савитри ожидала Слова,
которое она должна сказать.
И Вечность посмотрела
в очи бога Смерти,
И Тьма увидела
ожившую Реальность Бога.
Затем стал слышен Голос,
что казался сутью тишины,
Спокойным низким тоном,
отражавшим бесконечность,
Когда та говорит с безмолвием
в глубокой сердцевине сна.
"Приветствую тебя, бог Смерти,
всемогущий и победоносный,
Ты — грандиозная
Тьма Бесконечности.
О Пустота, что создала пространство
для всего, что может появиться,
О голод, что терзает
всю вселенную
И поглощает внутрь себя
холодные останки солнц,
А после — пожирает целый мир
своими огненными челюстями,
О расточитель той энергии,
что сотворила звёзды,
О несознанье, что приносит
семя мысли,
Неведенье, в котором,
похороненный,
спит сам Все-Знающий,
И постепенно проявляется
в его пустой груди,
На ум натягивая
маску яркого Невежества.
Ты моя тень,
и ты — мой инструмент.
Я некогда дала тебе
кошмарный образ страха,

And thy sharp sword of terror and grief and pain
To force the soul of man to struggle for light
On the brevity of his half-conscious days.
Thou art his spur to greatness in his works,
The whip to his yearning for eternal bliss,
His poignant need of immortality.

Live, Death, awhile, be still my instrument.
One day man too shall know thy fathomless heart
Of silence and the brooding peace of Night
And grave obedience to eternal Law
And the calm inflexible pity in thy gaze.
But now, O timeless Mightiness, stand aside

And leave the path of my incarnate Force.
Relieve the radiant God from thy black mask:
Release the soul of the world called Satyavan
Freed from thy clutch of pain and ignorance
That he may stand master of life and fate,
Man's representative in the house of God,
The mate of Wisdom and the spouse of Light,
The eternal bridegroom of the eternal bride."

И острый меч мученья,
ужаса и боли,
Чтобы заставить душу человека
пробиваться к свету
В летящей быстротечности
его наполовину сознающих дней.
Ты — шпоры для его
величия в трудах,
Ты — хлыст его стремленья
к вечному блаженству,
Ты — острая его нужда
в бессмертии.
Живи, пока, Бог Смерти,
послужи ещё моим орудием.
Однажды человек узнает
о твоем бездонном сердце тишины,
Узнает твой задумчивый
покой Ночи,
И строгую покорность
вечному Закону,
Спокойное и несгибаемое
сострадание в твоих глазах.
Однако же, сейчас,
о вечное Могущество,
посторонись,
Освободи путь для моей
особой, воплощённой Силы.
Избавь сияющего Бога
от твоей ужасной чёрной маски:
Освободи же душу мира,
что зовётся Сатьяваном,
И выпусти его
из хватки боли и невежества,
Чтоб он мог стать
хозяином судьбы и жизни,
И представителем людей
в жилище Бога,
Товарищем для Мудрости,
супругом Света,
И вечным женихом,
что обручился с вечною невестой."

She spoke; Death unconvinced resisted still,

Although he knew refusing still to know,
Although he saw refusing still to see.
Unshakable he stood claiming his right.
His spirit bowed; his will obeyed the law
Of its own nature binding even on Gods.
The Two opposed each other face to face.
His being like a huge fort of darkness towered;
Around it her light grew, an ocean's siege.

Awhile the Shade survived defying heaven:
Assailing in front, oppressing from above,
A concrete mass of conscious power, he bore
The tyranny of her divine desire.

A pressure of intolerable force

Weighed on his unbowed head and stubborn breast;

Light like a burning tongue licked up his thoughts,
Light was a luminous torture in his heart,
Light coursed, a splendid agony, through his nerves;
His darkness muttered perishing in her blaze.
Her mastering Word commanded every limb

Она сказала; но Бог Смерти,
до конца неубеждённый
всё ещё сопротивлялся,
Хотя он понял,
он отказывался понимать,
Хотя он видел,
он отказывался видеть.
Неколебимо он стоял,
отстаивая собственное право.
Склонился дух его;
и воля стала подчиняться
Закону собственной его природы,
обязательному даже для Богов.
Так эти Двое противостояли,
встретившись лицом к лицу.
Бог Смерти высился
огромным бастионом тьмы;
Вокруг же разгорался свет её,
и осаждал ту крепость
словно океан.
Пока что Мрак выдерживал,
бросая вызов небесам:
Его атаковала в лоб,
придавливая сверху
Своею плотной массою
энергия сознания,
Но он выдерживал, пока что, тиранию
её небесного желания.
Давление невыносимой силы
навалилось
На неподатливую грудь,
и на его упрямую
и не склонившуюся голову;
Свет, словно языками пламени,
лизал его идеи, мысли,
Свет превратился в яркую,
сверкающую пытку в сердце,
Свет разливался как
роскошная агония по нервам;
Его тьма бормотала,
исчезая в том сиянии.
Её повелевающее Слово управляло
каждой частью тела у него,

And left no room for his enormous will
That seemed pushed out into some helpless space

And could no more re-enter but left him void.
He called to Night but she fell shuddering back,
He called to Hell but sullenly it retired:
He turned to the Inconscient for support,
From which he was born, his vast sustaining self;
It drew him back towards boundless vacancy

As if by himself to swallow up himself:
He called to his strength, but it refused his call.
His body was eaten by light, his spirit devoured.
At last he knew defeat inevitable

And left crumbling the shape that he had worn,
Abandoning hope to make man's soul his prey

And force to be mortal the immortal spirit.

Afar he fled shunning her dreaded touch
And refuge took in the retreating Night.
In the dream twilight of that symbol world
The dire universal Shadow disappeared

Не оставляя места
для его огромной воли,
Которая была, казалось,
вытолкнута в некое беспомощное,
бесполезное пространство
И не могла войти назад,
ему оставив только пустоту.
Он стал звать Ночь,
но та упала, содрогаясь, навзничь,
Он стал звать Ад,
но тот угрюмо отступил:
Он повернулся за поддержкой
к Несознанию,
Где был рождён, к его широкому,
поддерживающему "я";
Но Несознанье стало
вдруг тянуть его назад,
к бездонной пустоте,
Как будто бы хотело
поглотить себя самим собой:
Он стал звать собственную силу,
но она отвергла зов.
Свет пожирал всё тело у него,
уничтожая дух.
И, наконец, признал он
неизбежность поражения,
Оставил распадавшуюся форму,
что одел,
И отказался от надежды
душу человека
превратить в добычу,
Бессмертный дух
заставить поступать
подобно смертному.
Он улетел куда-то вдаль,
сбегая от её ужасного касания,
И в отступающей Ночи
нашёл себе убежище.
Так в грёзах сумрака
об этом символичном мире
Исчезла страшная
космическая Тень,

Vanishing into the Void from
which it came.
As if deprived of its original
cause,
The twilight realm passed fading
from their souls,

And Satyavan and Savitri were
alone.
But neither stirred: between those
figures rose
A mute invisible and translucent
wall.
In the long blank moment's pause
nothing could move:

All waited on the unknown
inscrutable Will.

End of Canto Four
End of Book Ten

И растворилась в Пустоте,
откуда некогда пришла.
И словно потеряв
первоначальную причину,
То царство сумерек
неторопливо исчезало,
уходя из душ,
И Сатьяван с Савитри
оказались здесь одни.
Но ничего не шевельнулось:
между их фигурами поднялась
Безмолвная, незримая,
прозрачная стена.
В той незаполненной и долгой паузе
никто не мог ни двинуться,
ни шевельнуться.
Всё ожидало неизвестной,
неисповедимой Воли.

Конец четвёртой песни
Конец десятой книги

Book Eleven
THE BOOK
OF EVERLASTING DAY

Canto I
THE ETERNAL DAY:
THE SOUL'S CHOICE
AND THE SUPREME
CONSUMMATION

A marvellous sun looked down
from ecstasy's skies
On worlds of deathless bliss,
perfection's home,
Magical unfoldings of the
Eternal's smile
Capturing his secret heart-beats of
delight.
God's everlasting day surrounded
her,
Domains appeared of sempiternal
light
Invading all Nature with the
Absolute's joy.
Her body quivered with eternity's
touch,
Her soul stood close to the founts
of the infinite.
Infinity's finite fronts she lived in,
new
For ever to an everliving sight.

Eternity multiplied its vast
self-look
Translating its endless mightiness
and joy
Into delight souls playing with
Time could share

Книга Одиннадцатая
КНИГА
ВЕЧНО ДЛЯЩЕГОСЯ ДНЯ

Песня I
ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ:
ВЫБОР ДУШИ
И ВЫСШЕЕ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

С небес экстаза вниз смотрело
удивительное солнце
На дом, где обитает совершенство,
и на миры бессмертного блаженства,
И на волшебное раскрытие
улыбки Вечного,
Хранящей тайное своё
сердцебиение восторга.
Сиявший, вечно длящийся День Бога
окружал её,
Открылись сферы
вечно существующего света,
Захватывая всю Природу
наслажденьем Абсолюта.
Всё тело у Савитри трепетало
от касанья вечности,
Душа её стояла рядом
с родниками бесконечности.
Конечные фасады Бесконечного,
в которых до сих пор жила она,
Казались вечно новыми
всегда живому взору.
Здесь Вечность множила
обширный взгляд свой на себя
И превращала нескончаемую
радость и могущество
В восторг души,
играющей со Временем,
способной погрузиться

In grandeurs ever new-born from
the unknown depths,

In powers that leaped immortal
from unknown heights,
In passionate heart-beats of an
undying love,
In scenes of a sweetness that can
never fade.
Immortal to the rapturous heart
and eyes,
In serene arches of translucent
calm
From Wonder's dream-vasts
cloudless skies slid down
An abyss of sapphire; sunlight
visited eyes
Which suffered without pain the
absolute ray
And saw immortal clarities of
form.
Twilight and mist were exiles
from that air,
Night was impossible to such
radiant heavens.
Firm in the bosom of immensity

Spiritual breadths were seen,
sublimely born
From a still beauty of creative joy;

Embodied thoughts to sweet
dimensions held
To please some carelessness of
divine peace,
Answered the deep demand of an
infinite sense
And its need of forms to house its
bodiless thrill.

A march of universal powers in
Time,

В ту грандиозность
вечно нового рожденья
из неведомых глубин,
И в силы, что, бессмертные,
выпрыгивали из неведомых высот,
И в страстные сердцебиения
неумирающей любви,
И в сцены сладости,
что никогда не блекнет.
Бессмертная для восхищённых глаз
и радостного сердца,
Под безмятежным сводом
ясного спокойствия
Из грёз-пространств
безоблачного неба Чуда
Скользнула вниз громада синевы;
свет солнца падал ей в глаза,
Что выносили без страдания
луч абсолюта
И видели бессмертную
прозрачность формы.
Туман и сумерки из этой атмосферы
были изгнаны совсем,
И Ночь была бы невозможна
при таких сиявших небесах.
Она увидела
в глубинах той безмерности
Надёжные духовные просторы,
их великое рождение
Из тихой красоты
творящей радости;
И мысли, воплощённые для пониманья
радующей многомерности
Для наслажденья некой беззаботностью
божественного мира и покоя
Несли ответ глубоким требованиям
чувства бесконечности,
Его необходимости
свой бестелесный трепет
поселить в конкретных формах.
Движенье, марш вселенских сил
во Времени,

The harmonic order of self's vastitudes
In cyclic symmetries and metric planes
Harboured a cosmic rapture's revelry,
An endless figuring of the spirit in things
Planned by the artist who has dreamed the worlds;
Of all the beauty and the marvel here,
Of all Time's intricate variety

Eternity was the substance and the source;
Not from a plastic mist of Matter made,
They offered the suggestion of their depths
And opened the great series of their powers.
Arisen beneath a triple mystic heaven
The seven immortal earths were seen, sublime:
Homes of the blest released from death and sleep
Where grief can never come nor any pang
Arriving from self-lost and seeking worlds
Alter Heaven-nature's changeless quietude
And mighty posture of eternal calm,
Its pose of ecstasy immutable.
Plains lay that seemed the expanse of God's wide sleep,

Thought's wings climbed up towards heaven's vast repose

Наполненный гармонией порядок просторов внутреннего "я"
В циклических симметриях, метрических проекциях
Дал место для космического кутежа восторга
И нескончаемого проявленья духа в множестве вещей,
Намеченное мастером, задумавшим все эти планы и миры;
Для всех чудес, всего прекрасного, что существует здесь,
И для всего замысловатого разнообразия, богатства Времени,
Субстанцией для них, источником всегда являлась Вечность;
И сотворённые не из пластичной мглы Материи,
Они выслушивали указания своих глубин
И, подчиняясь, открывали необъятные ряды своих могуществ.
Она увидела, как поднимались под мистичными тройными небесами
Семь гордых и возвышенных земель бессмертных:
Дома блаженства, ставшего свободным и от смерти, и от сна,
Места, куда ни боль, ни горе никогда не доберутся,
Явившись из миров, утративших себя и ищущих себя,
Сменяли неизменное спокойствие Божественной природы,
Наполненное силой состоянье вечной тишины,
Их позу нерушимого экстаза.
Пред нею расстилались вдаль равнины, похожие на продолжение обширного сна Бога,
И мысли воспаряли вверх, на крыльях, к широте отдохновения небес,

Lost in blue deeps of immortality.

A changed earth-nature felt the
breath of peace.
Air seemed an ocean of felicity

Or the couch of the unknown
spiritual rest,
A vast quiescence swallowing up
all sound
Into a voicelessness of utter bliss;
Even Matter brought a close
spiritual touch,
All thrilled with the immanence of
one divine.
The lowest of these earths was
still a heaven
Translating into the splendour of
things divine
The beauty and brightness of
terrestrial scenes.
Eternal mountains ridge on
gleaming ridge
Whose lines were graved as on a
sapphire plate
And etched the borders of
heaven's lustrous noon
Climbed like piled temple stairs
and from their heads

Of topless meditation heard below

The approach of a blue pilgrim
multitude
And listened to a great arriving
voice
Of the wide travel hymn of
timeless seas.
A chanting crowd from mountain
bosoms slipped
Past branches fragrant with a sigh
of flowers

Терявшемуся в синей
глубине бессмертия.
Земная изменённая природа
ощущала неизменное дыхание покоя.
Сам воздух здесь казался
океаном счастья
Иль ложем для духовного
неведомого отдыха,
Обширной неподвижностью,
что поглощала всякий звук
В безмолвии предельного блаженства;
И даже от Материи
шло близкое духовное касание,
Всё трепетало от единой
неотъемлемой божественности.
В тех землях даже низший уровень
всё ж оставался небесами,
Что делали божественным
великолепием
И красоту, и яркость
наших сцен земли.
Здесь вечные вершины громоздились
на мерцающих других вершинах,
Чьи очертанья были словно вырезаны
на сапфировом листе
С гравюрой постепенных уровней
сияния небесного зенита,
И, поднимаясь, словно лестница
к какому-то огромному
неведомому храму,
С вершин предельной медитации
они могли услышать далеко внизу
Как приближались многочисленные,
верные им пилигримы,
И вслушаться в великий,
нараставший голос
Широкого блуждающего гимна
вечных океанов.
Поющая толпа
легко спустилась с гор
Сквозь аромат ветвей
со вздохами цветов,

Hurrying through sweetnesses
with revel leaps;
The murmurous rivers of felicity
Divinely rippled honey-voiced
desires,
Mingling their sister eddies of
delight,
Then, widening to a pace of
calm-lipped muse,
Down many-glimmered estuaries
of dream
Went whispering into lakes of
liquid peace.
On a brink held of senseless
ecstasy
And guarding an eternal poise of
thought
Sat sculptured souls dreaming by
rivers of sound
In changeless attitudes of marble
bliss.
Around her lived the children of
God's day
In an unspeakable felicity,

A happiness never lost, the
immortal's ease,
A glad eternity's blissful
multitude.
Around, the deathless nations
moved and spoke,
Souls of a luminous celestial joy,

Faces of stark beauty, limbs of the
moulded Ray;
In cities cut like gems of
conscious stone

And wonderful pastures and on
gleaming coasts
Bright forms were seen, eternity's
luminous tribes.

Спеша по этой сладости
весёлыми прыжками;
Слегка рокочущие реки счастья
Журча божественно-медовым
голосом желаний
Сливались со своими сёстрами —
водоворотами восторга,
Затем, расширившись до поступи
спокойного гудящего раздумья,
До устья грёз со множеством
блестящих бликов,
Входили, с шёпотом,
в озёра плавного, тягучего покоя.
Там, на краю, попав во власть
неощутимого экстаза,
И охраняя вечно существующее
равновесье мысли,
Сидели души, словно изваянья,
грезившие реками из звука,
В их неизменных положениях
застывшего блаженства.
Вокруг Савитри жили
дети дня Всевышнего,
В неописуемом словами
празднике и счастье,
Что не проходит никогда,
с их лёгкостью бессмертных,
И в сладостном разнообразии
весёлой вечности.
Вокруг гуляли, говорили меж собой
бессмертные народы,
С их душами небесной светлой радости,
с их совершенной красотой на лицах,
И с телом, сформированным
Божественным Лучом;
В их городах, что вырезаны,
словно самоцветы,
из сознательного камня,
И на чудесных пастбищах,
и на сверкавших побережьях,
Глаз видел яркие фигуры,
светлые народы вечности.

Above her rhythming godheads
whirled the spheres,
Rapt mobile fixities here blindly
sought
By the huge erring orbits of our
stars.
Ecstatic voices smote at hearing's
chords,
Each movement found a music all
its own;
Songs thrilled of birds upon
unfading boughs
The colours of whose plumage
had been caught
From the rainbow of imagination's
wings.
Immortal fragrance packed the
quivering breeze.
In groves that seemed moved
bosoms and trembling depths

The million children of the
undying spring
Bloomed, pure unnumbered stars
of hued delight
Nestling for shelter in their
emerald sky:
Faery flower-masses looked with
laughing eyes.
A dancing chaos, an iridescent sea

Eternised to Heaven's
ever-wakeful sight
The crowding petal-glow of
marvel's tints
Which float across the curtained
lids of dream.
Immortal harmonies filled her
listening ear;
A great spontaneous utterance of
the heights
On Titan wings of rhythmic
grandeur borne

Над нею боги ритма
раскручивали сферы,
Пытаясь отыскать вслепую
текучую устойчивость восторга
Гигантскими блуждавшими
орбитами сиявших звёзд.
Все голоса экстаза
распадались на аккорды слуха
И каждое движенье находило для себя
во всём особенную музыку;
С неувядающих ветвей
неслись волнующие трели птиц,
Украшенных цветастым оперением,
которое он смогли поймать
Из крыльев радуги
воображения и фантазии.
Бессмертный аромат струился
по волнующему бризу.
И в рощах, что казались
трепетанием глубин,
вздымающейся грудью,
Цвели несметные количества
детей неумирающей весны,
Бесчисленные, целомудренные звёзды
разноцветного восторга
Гнездились под укрытием
из изумрудной зелени своих небес:
То феерическое множество цветов
смотрело в мир весёлыми глазами.
Танцующий и кружащийся хаос,
радужное море
Увековечивали каждый
пробуждённый взгляд на Небеса,
Переполняющую яркость лепестков,
с чудесными оттенками,
Что проплывали сквозь видения
с закрытыми глазами.
Бессмертные гармонии наполнили
её внимательное ухо;
Великие спонтанные слова,
пришедшие с высот
К ней на крылах
ритмичного великолепия Титана

Poured from some deep spiritual
heart of sound,
Strains trembling with the secrets
of the gods.
A spirit wandered happily in the
wind,
A spirit brooded in the leaf and
stone;
The voices of thought-conscious
instruments
Along a living verge of silence
strayed,
And from some deep, a wordless
tongue of things
Unfathomed, inexpressible,
chantings rose
Translating into a voice the
Unknown.
A climber on the invisible stair of
sound,
Music not with these few and
striving steps

Aspired that wander upon
transient strings,
But changed its ever new
uncounted notes
In a passion of unforeseeing
discovery,
And kept its old unforgotten
ecstasies
A growing treasure in the mystic
heart.
A consciousness that yearned
through every cry
Of unexplored attraction and
desire,
It found and searched again the
unsatisfied deeps
Hunting as if in some deep secret
heart
To find some lost or missed
felicity.

Пролившись из глубокого
божественного сердца звука,
Несли черты,
трепещущие тайнами богов.
Один дух, полный счастья,
проносился в ветерке,
Другой дух размышлял о чём-то
в камнях и листве;
Там голоса осознающих мысли
инструментов
Блуждали вдоль живого
края тишины,
И бессловесным языком вещей,
из некой глубины
Вставало пенье,
необъятное, невыразимое,
Передавая в голосе своём
Неведомое.
Взбираясь по незримой
лестнице звучания,
Совсем другими, чем нечастые
и полные борьбы
шаги у человека,
Вверх устремлялась музыка,
блуждавшая по бренным струнам,
Но вечно изменяющая новые,
бесчисленные ноты
В высокой страстности
непредсказуемых открытий,
И сохраняя прежние
незабываемые ощущения экстаза,
Сокровища, растущего в мистическом,
сокрытом сердце.
Сознание, что устремлялось
в каждом зове
Желания и притяжения
от неисследованного,
То находило, то искало заново
неутолённые глубины,
Стараясь в глубине
какой-то тайной сердцевины
Найти какое-то потерянное
иль упущенное счастье.

In those far-lapsing symphonies
she could hear,
Breaking through enchantments of
the ravished sense,
The lyric voyage of a divine soul

Mid spume and laughter tempting
with its prow
The charm of innocent Circean
isles,
Adventures without danger
beautiful
In lands where siren Wonder sings
its lures

From rhythmic rocks in
ever-foaming seas.
In the harmony of an original sight

Delivered from our limiting ray of
thought,
And the reluctance of our blinded
hearts
To embrace the Godhead in
whatever guise,
She saw all Nature marvellous
without fault.
Invaded by beauty's universal
revel
Her being's fibre reached out
vibrating
And claimed deep union with its
outer selves,
And on the heart's chords made
pure to seize all tones
Heaven's subtleties of touch
unwearying forced

More vivid raptures than earth's
life can bear.

В тех затухающих вдали симфониях
она могла услышать,
Прорвавшись сквозь очарование
восторженного чувства
Лирическое путешествие
божественной души,
Средь хохота и пены,
искушающей своим челном,
Очарование невинных
островов Цирцеи,
И приключенье красоты,
не знавшее опасности,
На тех далёких островах,
куда влекут своими песнями
сирены Чуда,
Из ритма скал
средь вечно пузырящихся морей.
В гармонии с первоначальным
виденьем,
Освобождённая от ограниченного
света нашей мысли,
И от сопротивления
слепых людских сердец,
Стремясь обнять собою Божество
под каждой маской,
Она[1] увидела, что вся Природа —
удивительна, и без изъянов.
Захваченные тем
вселенским буйством красоты,
Все фибры существа её
отбросили сомнения
И жаждали глубокого единства
со своими "я" во внешнем,
И на аккордах сердца,
ставшего кристально чистым,
Они теперь охватывали все тона
небесной утончённости
неутомимого касания,
И делали восторги ярче и живее,
чем способна вынести
земная жизнь.

[1] Савитри, *прим. пер.*

What would be suffering here,
was fiery bliss.

All here but passionate hint and
mystic shade
Divined by the inner prophet who
perceives
The spirit of delight in sensuous
things,
Turned to more sweetness than
can now be dreamed.
The mighty signs of which earth
fears the stress,
Trembling because she cannot
understand,
And must keep obscure in forms
strange and sublime,
Were here the first lexicon of an
infinite mind
Translating the language of eternal
bliss.
Here rapture was a common
incident;
The lovelinesses of whose
captured thrill

Our human pleasure is a fallen
thread,
Lay, symbol shapes, a careless
ornament,
Sewn on the rich brocade of
Godhead's dress.
Things fashioned were the imaged
homes where mind

Arrived to fathom a deep physical
joy;
The heart was a torch lit from
infinity,
The limbs were trembling
densities of soul.
These were the first domains, the
outer courts

Что было бы страданьем здесь,
там становилось
сказочным блаженством.
Здесь всё — лишь страстные намёки
и мистическая тень,
Догадки внутреннего существа,
провидца, что воспринимает
Дух наслаждения в вещах,
доступных чувствам,
И обращённый к сладости, что больше,
чем способны мы вообразить.
Наполненные силой знаки,
чьих ударов опасается земля,
И от чего она дрожит,
не в силах их понять,
И вынуждена затемнять их
странными, утонченными формами,
Здесь были азбукой
для бесконечного ума,
Переводящим это
на язык блаженства вечности.
Здесь восхищенье
заурядное событие;
Очарование, чей трепет,
мы воспринимаем в виде
человеческого наслаждения
Там было лишь
оброненною нитью,
Которая ложится символом,
небрежного орнамента
На красочном парчовом
одеяньи Божества.
Здесь всё, что получило форму,
становилось созданным
воображеньем домом,
Где ум стремился испытать
глубокую физическую радость;
Здесь сердце было факелом,
зажжённым бесконечностью,
А члены тела —
трепетными сгустками души.
Здесь расстилались сферы,
что возникли с самого начала,

Immense but least in range and
least in price,

The slightest ecstasies of the
undying gods.
Higher her swing of vision swept
and knew,

Admitted through large sapphire
opening gates

Into the wideness of a light
beyond,
These were but sumptuous
decorated doors
To worlds nobler, more
felicitously fair.
Endless aspired the climbing of
those heavens;
Realm upon realm received her
soaring view.
Then on what seemed one crown
of the ascent

Where finite and the infinite are
one,
Immune she beheld the strong
immortals' seats
Who live for a celestial joy and
rule,
The middle regions of the
unfading Ray.
Great forms of deities sat in
deathless tiers,
Eyes of an unborn gaze towards
her leaned
Through a transparency of crystal
fire.
In the beauty of bodies wrought
from rapture's lines,
Shapes of entrancing sweetness
spilling bliss,

И области для внешнего,
хотя и необъятные,
Но всё же меньшие
по уровню и своему значению,
С легчайшими экстазами
неумирающих богов.
Размах того,
что видела она и понимала,
становился всё объемнее,
Она смогла пройти
сквозь широко открытые
сапфирные врата
В просторы света
за пределами всего,
Где были лишь роскошно
изукрашенные двери
К мирам ещё возвышенней,
счастливей и прекрасней.
Так бесконечно устремлялись
дальше, в высь, те небеса;
Один план за другим
вбирал её парящий взгляд.
Затем на том, что виделось
единственным венцом
всего подъёма,
Там, где конечное и бесконечное
сливаются в одно,
Освобождённая, она увидела места,
где обитали сильные бессмертные,
Живущие, чтоб управлять
и чувствовать божественную радость,
Срединные районы
негасимого Луча.
Возвышенные облики богов
сидели там бессмертными рядами,
И направляли взгляд свой,
нерождённый, на неё
Через прозрачную субстанцию
кристального огня.
И в красоте своих чудесных тел,
написанных чертами радости,
И формах, наполняющих блаженством
и чарующих своею сладостью,

Feet glimmering upon the
sunstone courts of mind,

Heaven's cupbearers bore round
the Eternal's wine.
A tangle of bright bodies, of
moved souls
Tracing the close and intertwined
delight,
The harmonious tread of lives for
ever joined
In the passionate oneness of a
mystic joy
As if sunbeams made living and
divine,
The golden-bosomed Apsara
goddesses,
In groves flooded from an argent
disk of bliss
That floated through a luminous
sapphire dream,
In a cloud of raiment lit with
golden limbs
And gleaming footfalls treading
faery swards,
Virgin motions of bacchant
innocences
Who know their riot for a dance of
God,
Whirled linked in moonlit revels
of the heart.

Impeccable artists of unerring
forms,
Magician builders of sound and
rhythmic words,
Wind-haired Gandharvas chanted
to the ear
The odes that shape the universal
thought,

The lines that tear the veil from
Deity's face,

Сверкая быстрыми стопами
по мощёным солнцем
площадям ума,
Те виночерпии небес
всем разносили кубки Вечного.
Переплетенье ярких тел,
вздымающихся душ,
Очерчивало близкий
и закрученный в клубок восторг,
И гармоничное теченье жизней,
что соединились меж собой навеки
В горячем, страстном единении
мистического наслаждения,
Как если бы лучи от солнца
ожили и стали божествами,
Богинями, Апсарами,
с их золотыми грудями;
В лесах, что заливает
серебристый диск блаженства,
Плывущий через озарённое
сапфирное видение,
Богини эти, в облаке своих одежд,
светились золотистыми телами,
Мерцавшими стопами
проходили по волшебным травам,
Невинною походкой
девственных вакханок,
Что видели в своём разгуле
танец Бога,
И там, сплетёнными телами,
под луной, они кружились
в пиршестве сердец.
Творцы непогрешимых форм
и безупречные художники,
Волшебники, творящие звучание
и ритмы слов,
Гандхарвы, с гривою волос,
подобной ветру,
Поющие для уха оды,
наделяющие формой
мысль вселенной
Со строками, срывающими пелену
с лица Божественного,

The rhythms that bring the sounds
of wisdom's sea.
Immortal figures and illumined
brows,
Our great forefathers in those
splendours moved;
Termless in power and satisfied of
light,
They enjoyed the sense of all for
which we strive.

High seers, moved poets saw the
eternal thoughts

That, travellers from on high,
arrive to us
Deformed by our search, tricked
by costuming mind,
Like gods disfigured by the pangs
of birth,
Seized the great words which now
are frail sounds caught
By difficult rapture on a mortal
tongue.
The strong who stumble and sin
were calm proud gods.

There lightning-filled with glory
and with flame,
Melting in waves of sympathy and
sight,
Smitten like a lyre that throbs to
others' bliss,

Drawn by the cords of ecstasies
unknown,
Her human nature faint with
heaven's delight,
She beheld the clasp to earth
denied and bore

И с ритмами, которые приносят
звуки океана мудрости.
Бессмертные фигуры,
озаряемые лики,
Возвышенные наши праотцы
гуляли в тех великолепиях;
Наполненные светом,
безграничные по силе,
Они там наслаждались
ощущением всего,
ради чего мы боремся.
Высокие провидцы,
движимые импульсом поэты
Способны были видеть
мысли вечности,
Которые, как путники,
приходят к нам с высот,
Хотя и искажённые от наших поисков,
обманутые одеяньями ума,
Как боги, что обезображены
мучением рождения,
Улавливая те великие слова,
что ныне стали хрупким звуком,
С трудами и восторгом
пойманные смертным языком.
Те сильные, что оступаются, грешат,
предстали гордыми
спокойными богами.
Наполнившись сверканием
великолепия и пламени,
И растворяясь в волнах
видения и симпатии,
Охватывая звуком, словно лира,
которая пульсирует
для радости других,
Притянутая нитями
неведомых экстазов,
Её[1] природа человека
таяла от наслаждения небес,
Попав в объятия,
которые запретны для земли,

[1] Савитри, *прим. пер.*

The imperishable eyes of veilless
love.

More climbed above, level to level
reached,
Beyond what tongue can utter or
mind dream:
Worlds of an infinite reach
crowned Nature's stir.
There was a greater tranquil
sweetness there,
A subtler and profounder ether's
field
And mightier scheme than
heavenliest sense can give.
There breath carried a stream of
seeing mind,
Form was a tenuous raiment of the
soul:
Colour was a visible tone of
ecstasy;
Shapes seen half immaterial by
the gaze

And yet voluptuously palpable
Made sensible to touch the
indwelling spirit.
The high perfected sense
illumined lived
A happy vassal of the inner ray,

Each feeling was the Eternal's
mighty child
And every thought was a sweet
burning god.
Air was a luminous feeling, sound
a voice,
Sunlight the soul's vision and
moonlight its dream.

On a wide living base of wordless
calm

Она испытывала на себе
непреходящий взгляд любви,
свободной от покровов.
Она всё выше поднималась,
уровень за уровнем,
За грань того, что может
выразить язык и ум вообразить:
Миры неограниченных богатств
венчали всё движение Природы.
Была там и спокойная
возвышенная сладость,
И более глубокие
и тонкие поля эфира,
И замысел, способный одарить сильней,
чем самое божественное чувство.
Дыхание несло
потоки виденья ума,
И форма становилась
тонким одеянием души:
Цвет становился
зримыми оттенками экстаза;
И нематериальные тела,
доступные для глаза
лишь наполовину,
Но всё же страстно осязаемые,
Там становились ощутимыми
для пониманья внутреннего духа.
И чувство совершенства,
озарённое, высокое,
Там жило полным счастья
подчинённым внутреннего света,
Любое ощущенье становилось там
могучим сыном Вечного,
Любая мысль была
пылающим и нежным богом.
Вся атмосфера стала
озарённым чувством,
Звучанье стало голосом,
свет солнца — виденьем души,
а лунный свет — её мечтою.
На той широкой и живой основе
бессловесного спокойствия

All was a potent and a lucid joy.

Всё превращалось в сильную,
светящуюся радость.

Into those heights her spirit went floating up
Like an upsoaring bird who mounts unseen
Voicing to the ascent his throbbing heart
Of melody till a pause of closing wings
Comes quivering in his last contented cry

И в те высоты дух её вошёл,
всплывая вверх,
Как воспаряющая птица,
что незримо поднимается,
И в паузах смыкающихся крыльев
поёт мелодию,
Чтоб поддержать
своё забившееся сердце,
И входит, трепеща,
в последний свой
победоносный клич,

And he is silent with his soul discharged,
Delivered of his heart's burden of delight.
Experience mounted on joy's coloured breast
To inaccessible spheres in spiral flight.

И замолкает, наконец,
изливши душу,
Освобождённая от бремени
сердечного восторга.
По красочной груди
веселья, радости
Переживанье поднималось,
восходя спиралью,
к недоступным сферам.

There Time dwelt with eternity as one;

Там Время вместе с вечностью
существовали заодно,
единым целым,

Immense felicity joined rapt repose.

Безмерность счастья сочеталась
с наслаждением покоя.

As one drowned in a sea of splendour and bliss,
Mute in the maze of these surprising worlds,
Turning she saw their living knot and source,
Key to their charm and fount of their delight,
And knew him for the same who snares our lives
Captured in his terrifying pitiless net,
And makes the universe his prison camp

Почти что утопая
в море блеска и блаженства,
Немея в лабиринтах
этих поразительных миров,
Она, увидела, вдруг повернувшись,
их живой источник, центр,
Ключ к их очарованию,
родник их наслаждения;
Она его узнала — он был тот,
кто ловит наши жизни,
Пленённые в его ужасные,
безжалостные сети,
И делает вселенную
своим тюремным лагерем,

And makes in his immense and vacant vasts
The labour of the stars a circuit vain
And death the end of every human road
And grief and pain the wages of man's toil.
One whom her soul had faced as Death and Night
A sum of all sweetness gathered into his limbs
And blinded her heart to the beauty of the suns.
Transfigured was the formidable shape.
His darkness and his sad destroying might
Abolishing for ever and disclosing

The mystery of his high and violent deeds,
A secret splendour rose revealed to sight
Where once the vast embodied Void had stood.
Night the dim mask had grown a wonderful face.
The vague infinity was slain whose gloom
Had outlined from the terrible unknown
The obscure disastrous figure of a god,
Fled was the error that arms the hands of grief,
And lighted the ignorant gulf whose hollow deeps

Had given to nothingness a dreadful voice.
As when before the eye that wakes in sleep

И превращает на своих огромных
и пустых просторах
Труд звёзд —
в напрасное кружение,
Смерть делает концом
любой дороги человека,
А боль и горе —
платой за его тяжёлый труд.
И тот, кого её душа встречала
в виде бога Смерти, в виде Ночи,
Вобрал в своё огромнейшее тело
всё, что было сладостно на свете
И сердце ослепил в ней
красотою солнц.
Теперь его ужасный облик
стал другим.
Его унылая всё-разрушающая сила,
темнота,
Всегда уничтожавшая,
разоблачавшая
Мистерию своих неистовых,
высоких дел,
Явила взгляду
тайное великолепье розы,
Где ранее стояло
воплощённое обширное Ничто.
И Ночь, неясная личина,
стала удивительным лицом.
Была убита неопределённость
бесконечности,
Чей мрак очерчивал
из страшной неизвестности
Неясную, губительную,
тёмную фигуру бога,
Ушла ошибка, что
протягивает руки горя,
И осветила всю
невежественную пучину,
чья пустота и глубина
Давали этому ничто
пугающий, ужасный голос.
Как будто пред её глазами,
после пробуждения,

Is opened the sombre binding of a
book,
Illumined letterings are seen
which kept
A golden blaze of thought
inscribed within,
A marvellous form responded to
her gaze
Whose sweetness justified life's
blindest pain;
All Nature's struggle was its easy
price,
The universe and its agony
seemed worth while.
As if the choric calyx of a flower

Aerial, visible on music's waves,
A lotus of light-petalled ecstasy

Took shape out of the tremulous
heart of things.
There was no more the torment
under the stars,
The evil sheltered behind Nature's
mask;
There was no more the dark
pretence of hate,
The cruel rictus on Love's altered
face.
Hate was the grip of a dreadful
amour's strife;
A ruthless love intent only to
possess
Has here replaced the sweet
original god.
Forgetting the Will-to-love that
gave it birth,
The passion to lock itself in and to
unite,

It would swallow all into one
lonely self,

Открылись тёмные и мрачные
страницы книги
И можно было видеть
озарённые слова,
Которые внутри хранили
золотой свет мысли,
Чудесный облик открывался
перед взглядом,
Чья сладость извиняла
безысходные страданья жизни;
Вся долгая борьба Природы
стала маленькой ценой,
И вся вселенная и вся её агония,
казалось, стоили того.
Как будто хор
поющих чашечек цветков,
Увиденный на музыкальных волнах,
Воздушный лотос
ярких лепестков экстаза
Предстал как трепетное сердце
для всего.
Здесь больше не было
мучения под звёздами
И зла, укрытого
под маскою Природы;
И не было здесь
чёрного притворства ненависти,
Безжалостной ухмылки губ
на перекошенном лице Любви.
Здесь ненависть была объятьем
грозного возлюбленного в ссоре;
Жестокая, немилосердная любовь,
нацеленная только обладать,
Сменилась нежным,
изначальным божеством.
Забыв Стремление любить,
которое её и породило,
Её азарт и страсть
замкнуться у себя внутри
и присоединять,
Она хотела бы весь мир вобрать
в одно единственное "я",

Devouring the soul that it had
made its own,
By suffering and annihilation's
pain
Punishing the unwillingness to be
one,
Angry with the refusals of the world,
Passionate to take but knowing
not how to give.
Death's sombre cowl was cast
from Nature's brow;
There lightened on her the
godhead's lurking laugh.
All grace and glory and all
divinity
Were here collected in a single
form;
All worshipped eyes looked
through his from one face;

He bore all godheads in his
grandiose limbs.
An oceanic spirit dwelt within;

Intolerant and invincible in joy

A flood of freedom and
transcendent bliss
Into immortal lines of beauty rose.

In him the fourfold Being bore its
crown
That wears the mystery of a
nameless Name,
The universe writing its
tremendous sense
In the inexhaustible meaning of a
word.
In him the architect of the visible
world,
At once the art and artist of his
works,

Терзая душу,
что присвоила себе,
При помощи страдания
и боли разрушения,
Наказывая нежеланье
быть с ней заодно,
Разгневанная на отказы мира,
Желая страстно брать,
не зная, как давать.
Со лба Природы был отброшен
смерти мрачный капюшон,
И на её лице сверкнула
затаённая улыбка божества.
Вся милость, слава,
вся божественность её
Отныне были собраны
в единый образ;
Все обожающие взгляды
устремились сквозь него
с единого лица;
Он нёс все божества
в своём огромном теле.
Подобный океану дух
жил у него внутри;
Непобедимое в своей особой радости,
нетерпящее ничего другого,
Течение свободы,
трансцендентного блаженства
Вставало в тех бессмертных
очертаньях красоты.
В нём Существо из четырёх частей
несло свою корону,
Одевшись в таинство
неописуемого Имени,
Вселенную, что вписывает
свой огромный смысл
В неисчерпаемое и неистощимое
значенье слова.
В нём архитектор
видимого мира
Одновременно — и искусство,
и художник собственных творений,

Spirit and seer and thinker of things seen,
Virat, who lights his camp-fires in the suns

And the star-entangled ether is his hold,
Expressed himself with Matter for his speech:
Objects are his letters, forces are his words,

Events are the crowded history of his life,
And sea and land are the pages for his tale.
Matter is his means and his spiritual sign;
He hangs the thought upon a lash's lift,
In the current of the blood makes flow the soul.
His is the dumb will of atom and of clod;
A Will that without sense or motive acts,
An Intelligence needing not to think or plan,
The world creates itself invincibly;
For its body is the body of the Lord
And in its heart stands Virat, King of Kings.
In him shadows his form the Golden Child
Who in the Sun-capped Vast cradles his birth:
Hiranyagarbha, author of thoughts and dreams,
Who sees the invisible and hears the sounds

Дух, и провидец,
и мыслитель зримого,
Вират, кто зажигает для себя
походные костры
под видом солнц,
Его владения — эфир,
с переплетеньем звёзд,
Он выражал себя Материей
как речью:
Объекты выступали
в роли букв его,
а силы — в роли слов,
Поток событий был историей
его богатой жизни,
Моря и страны становились в ней
страницами его рассказа.
Материя — и средство для него,
и символ духа;
Он поднимает плеть
и к ней цепляет мысль,
И в токе крови
создаёт течение души.
Он — та немая воля,
что и в атоме, и в облаке,
Та Воля, что работает без чувств
и побуждений,
Тот Интеллект, которому
не нужно думать и планировать,
Тот мир, что непреодолимо
создает себя;
Ведь тело у него —
есть тело Господина,
А в сердце у него — Вират,
Царь всех Царей.
Внутри него его обличье
затеняет Золотой Ребёнок,
Который, с Солнцем в виде колпака,
баюкает своё рождение в Просторе,
Хираньягарбха,
автор мыслей и видений;
Который видит то,
что нам незримо,

That never visited a mortal ear,

Discoverer of unthought realities

Truer to Truth than all we have
ever known,
He is the leader on the inner
roads;
A seer, he has entered the
forbidden realms;
A magician with the omnipotent
wand of thought,
He builds the secret uncreated
worlds.
Armed with the golden speech, the
diamond eye,
His is the vision and the prophecy:

Imagist casting the formless into
shape,
Traveller and hewer of the unseen
paths,
He is the carrier of the hidden fire,
He is the voice of the Ineffable,

He is the invisible hunter of the
light,
The Angel of mysterious
ecstasies,
The conqueror of the kingdoms of
the soul.
A third spirit stood behind, their
hidden cause,
A mass of superconscience closed
in light,
Creator of things in his
all-knowing sleep.
All from his stillness came as
grows a tree;

He is our seed and core, our head
and base.

И слышит звуки,
что не посещают ухо смертного;
Он первооткрыватель
тех немыслимых реальностей,
Которые для Истины верней всего,
что мы когда-то знали;
Он — предводитель
внутренних путей;
Провидец, он проник
в запретную страну;
Волшебник с всемогущим
жезлом мысли,
Он строит тайные,
ещё не сотворённые миры.
Вооружённый золотою речью
и алмазным взглядом,
Он — и способность видеть,
и пророчество:
Создатель образов,
бросающий бесформенное в форму,
Первопроходец, прорубающий
незримые пути,
Он — переносчик скрытого огня,
Он — голос, что принадлежит
Невыразимому,
Он — никому не видимый охотник
за лучами света,
Он — Ангел тайных и
загадочных экстазов,
Завоеватель, покоритель
царств души.
За ними третий дух стоял,
их скрытая причина,
Громада сверхсознанья,
запертая в свете,
Творец всего в своём
осознающем всё на свете сне.
Как дерево растёт,
к нам всё приходит
из его спокойствия;
Он наше семя, сердцевина,
вершина наша и основа,

All light is but a flash from his closed eyes:
An all-wise Truth is mystic in his heart,

The omniscient Ray is shut behind his lids:
He is the Wisdom that comes not by thought,
His wordless silence brings the immortal word.
He sleeps in the atom and the burning star,
He sleeps in man and god and beast and stone:
Because he is there the Inconscient does its work,
Because he is there the world forgets to die.
He is the centre of the circle of God,
He the circumference of Nature's run.
His slumber is an Almightiness in things,
Awake, he is the Eternal and Supreme.
Above was the brooding bliss of the Infinite,

Its omniscient and omnipotent repose,
Its immobile silence absolute and alone.
All powers were woven in countless concords here.
The bliss that made the world in his body lived,
Love and delight were the head of the sweet form.
In the alluring meshes of their snare

Весь свет — всего лишь отблеск
из его закрытых глаз:
Всезнающая Истина —
мистическая тайна
в сердце у него,
Всеведающий Луч
скрывается под веками его:
Он — это Мудрость,
что приходит не от мысли,
Его беззвучное молчание
несёт бессмертные слова.
Он дремлет в атоме
и в полыхающей звезде,
Он дремлет в человеке,
в боге, в звере, в камне:
Благодаря его существованию
свою работу выполняет Несознание,
Благодаря его существованию
мир забывает умирать.
Он — самый центр
круговорота Бога,
Он — та окружность,
по которой бегает Природа.
Его сон — это Всемогущество
внутри вещей,
Проснувшись, он становится
Всевышним, Вечным.
А далее, над нею
расстилается размышлявшее
блаженство Бесконечного,
Его покой,
всезнающий и всемогущий,
И неподвижное молчанье,
абсолютное, уединённое.
Все силы там сплелись
в бесчисленные соглашения.
Блаженство, сотворившее весь мир,
живёт в его огромном теле,
Любовь и наслаждение
венчали эту сладостную форму.
Пленённые чарующею сетью
их силков,

Recaptured, the proud blissful members held
All joys outrunners of the panting heart
And fugitive from life's outstripped desire.
Whatever vision has escaped the eye,
Whatever happiness comes in dream and trance,
The nectar spilled by love with trembling hands,
The joy the cup of Nature cannot hold,

Had crowded to the beauty of his face,
Were waiting in the honey of his laugh.
Things hidden by the silence of the hours,
The ideas that find no voice on living lips,
The soul's pregnant meeting with infinity
Had come to birth in him and taken fire:
The secret whisper of the flower and star
Revealed its meaning in his fathomless look.
His lips curved eloquent like a rose of dawn;
His smile that played with the wonder of the mind
And stayed in the heart when it had left his mouth
Glimmered with the radiance of the morning star
Gemming the wide discovery of heaven.
His gaze was the regard of eternity;

Блаженные и гордые тела
вкушали все на свете радости
Предвестниками
жаждущего сердца
И что-то еле уловимое
в опережающих желаньях жизни.
Любое видение,
ускользнувшее от глаза,
Любое счастье,
приходящее в мечтах и трансе,
Нектар, любовно пролитый
из трепетных ладоней,
И радость, что не может
поместиться в кубок,
созданный Природой,
Всё было сконцентрировано
в красоте его лица
И ожидало в мёде
смеха и веселья.
Всё то, что скрыто
за безмолвием часов,
Идеи, что не удаётся
выразить устами смертных,
Наполненная смыслом
встреча бесконечности с душой,
Пришли родиться в нём
и взять его огонь:
Секретное шептанье меж собой
цветов и звёзд
В его бездонном взгляде
открывали весь свой смысл.
Как роза расцветающей зари —
его струились губы,
Его улыбка поражала ум
своей игрой,
И с уст его сойдя,
надолго оставалась в сердце,
Лучась своим сияньем
утренней звезды,
Как драгоценный камень
средь широкого раскрытия небес.
Его взгляд был
вниманьем вечности;

The spirit of its sweet and calm intent
Was a wise home of gladness and divulged
The light of the ages in the mirth of the hours,
A sun of wisdom in a miracled grove.
In the orchestral largeness of his mind
All contrary seekings their close kinship knew,
Rich-hearted, wonderful to each other met

In the mutual marvelling of their myriad notes
And dwelt like brothers of one family
Who had found their common and mysterious home.
As from the harp of some ecstatic god
There springs a harmony of lyric bliss
Striving to leave no heavenly joy unsung,
Such was the life in that embodied Light.
He seemed the wideness of a boundless sky,
He seemed the passion of a sorrowless earth,
He seemed the burning of a world-wide sun.
Two looked upon each other, Soul saw Soul.

Дух сладостного,
тихого намеренья
В нём становился
понимавшим домом радости
И свет эпох переводил
в весёлый ход часов,
Как солнце мудрости в лесу,
наполненному чудесами.
В той оркестровой широте
его ума
Все противоположные исканья
находили близкое родство,
Богатые сердцами,
удивляясь друг на друга,
все они встречались,
Взаимно восхищаясь
мириадами своих звучащих нот,
И жили словно братья
из одной семьи,
Что наконец нашли свой
общий и непостижимый дом.
И словно с арфы
экстатического бога
Лилась гармония
лиричного блаженства,
Стараясь не оставить невоспетой
ни одной небесной радости,
Такой была жизнь
в этом воплощённом Свете.
Он виделся простором
нескончаемого неба,
Он виделся как страсть
безгорестной земли,
Он виделся как полыханье солнца,
широкого как мир.
Друг в друга вглядывались эти двое,
и Душа смотрела на другую Душу.

Then like an anthem from the heart's lucent cave
A voice soared up whose magic sound could turn

Затем, подобно гимну,
из сиявшего сердечного укрытия
Поднялся, воспаряя, голос,
чей волшебный звук мог обратить

The poignant weeping of the earth to sobs
Of rapture and her cry to spirit song.
"O human image of the deathless word,
How hast thou seen beyond the topaz walls
The gleaming sisters of the divine gate,
Summoned the genii of their wakeful sleep,
And under revelation's arches forced
The carved thought-shrouded doors to swing apart,
Unlocked the avenues of spiritual sight
And taught the entries of a heavenlier state
To thy rapt soul that bore the golden key?
In thee the secret sight man's blindness missed
Has opened its view past Time, my chariot-course,

And death, my tunnel which I drive through life
To reach my unseen distances of bliss.
I am the hushed search of the jealous gods
Pursuing my wisdom's vast mysterious work
Seized in the thousand meeting ways of heaven.

I am the beauty of the unveiled ray
Drawing through the deep roads of the infinite night

Все горькие рыдания земли —
в плач радости,
А крик её —
в возвышенную песню духа.
"О вечное, неумирающее слово
в человеческом обличии,
Как ты сумела видеть
за пределами топазных стен,
Мерцающих сестёр
божественных ворот,
И вызвать гения их пробуждённого,
осознанного сна,
Под аркой откровения
заставить распахнуться,
Резные, защищённые
от мысли двери,
Открыть широкую аллею
взгляда духа,
И научиться проникать в небесное,
особенное состояние
Своей души восторга,
что дарует золотой, секретный ключ?
Тот тайный взгляд в тебе,
минуя слепоту людей,
Открыл и виденье того,
что было в прошлом Времени,
и путь моей повозки,
И смерть, тот мой туннель,
который я веду сквозь жизнь,
Чтобы достичь моих
незримых перспектив блаженства.
Я — молчаливый поиск
ревностных богов,
Которые преследуют широкую,
наполненную тайнами,
Работу мудрости моей,
пытаются найти её
во встрече тысячи путей небес.
Я — красота луча,
сорвавшего с себя вуаль,
За кем, глубокими путями
бесконечной ночи,

The unconquerable pilgrim soul of earth
Beneath the flaring torches of the stars.
I am the inviolable Ecstasy;

They who have looked on me, shall grieve no more.
The eyes that live in night shall see my form.
On the pale shores of foaming steely straits
That flow beneath a grey tormented sky,
Two powers from one original ecstasy born
Pace near but parted in the life of man;
One leans to earth, the other yearns to the skies:
Heaven in its rapture dreams of perfect earth,
Earth in its sorrow dreams of perfect heaven.
The two longing to join, yet walk apart,

Idly divided by their vain conceits;
They are kept from their oneness by enchanted fears;
Sundered mysteriously by miles of thought,
They gaze across the silent gulfs of sleep.
Or side by side reclined upon my vasts
Like bride and bridegroom magically divorced
They wake to yearn, but never can they clasp

Идёт душа земли —
непобедимый путник
Под полыхающими
факелами звёзд.
Я — нерушимый,
вечно-существующий Экстаз;
Те, кто взглянули на меня,
не знают больше горя.
Глаза, живущие в ночи,
ещё увидят облик мой.
На бледных берегах
холодных пенистых проливов,
Текущих под измученным
унылым небом,
Две силы, что родились
из единого первоначального экстаза,
Шагают рядом, в жизни человека,
но разделены;
Одна склоняется к земле,
другая же стремится в поднебесье:
Есть Небеса, с восторженной мечтой
о совершенстве на земле,
И есть Земля, с мучительной мечтой
о совершенных небесах.
Те двое, страстно думая о том,
как им объединиться,
всё ж идут поврозь,
Напрасно разделённые
своим пустым тщеславием;
Они удерживаются от своего единства
колдовскими страхами;
Непостижимо разлучаемые
милями пространства мысли,
Они глядят сквозь
молчаливые пучины сна.
Бывает, что они лежат,
бок о бок, на моих просторах,
Подобно жениху с невестой,
разлучённые какой-то магией,
В них просыпается стремление,
но никогда они не смогут
радостно обняться,

While thinly flickering hesitates uncrossed
Between the lovers on their nuptial couch
The shadowy eidolon of a sword.

But when the phantom flame-edge fails undone,
Then never more can space or time divide

The lover from the loved; Space shall draw back
Her great translucent curtain, Time shall be
The quivering of the spirit's endless bliss.
Attend that moment of celestial fate.
Meanwhile you two shall serve the dual law

Which only now the scouts of vision glimpse
Who pressing through the forest of their thoughts
Have found the narrow bridges of the gods.
Wait patient of the brittle bars of form
Making division your delightful means

Of happy oneness rapturously enhanced
By attraction in the throbbing air between.
Yet if thou wouldst abandon the vexed world,
Careless of the dark moan of things below,

Пока не перейдут границу
трепетного тонкого стеснения
Между влюблёнными
на брачном ложе,
Пока не смогут обойти
неясное видение меча.
Когда же призрак с огненным клинком
исчезнет, побеждённый,
То больше никогда
ни время, ни пространство
не сумеют разделять
Влюблённого с любимой;
Пространство уберёт назад
Свою великую
полупрозрачную завесу,
А Время станет трепетаньем
бесконечного блаженства духа.
Дождись того мгновения
божественной судьбы.
А до тех пор, вы двое
будете служить
двойному моему закону,
Через который ныне лишь
разведчики намёков виденья,
Что продираются,
как будто через лес,
Сквозь собственные мысли,
находят узкие мосты богов.
Вам надо терпеливо ждать,
пока непрочные преграды формы,
Что создают из разделенья
замечательные способы
счастливого единства,
Расширятся в восторге
вашего влечения
В волнующейся атмосфере
между вами.
Но если ты захочешь распроститься
с этим мучающим миром,
Не думая, и не заботясь
о печальных стонах
остающихся внизу,

Tread down the isthmus, overleap the flood,
Cancel thy contract with the labouring Force;
Renounce the tie that joins thee to earth-kind,
Cast off thy sympathy with mortal hearts.
Arise, vindicate thy spirit's conquered right:
Relinquishing thy charge of transient breath,
Under the cold gaze of the indifferent stars
Leaving thy borrowed body on the sod,
Ascend, O soul, into thy blissful home.
Here in the playground of the eternal Child
Or in domains the wise Immortals tread
Roam with thy comrade splendour under skies
Spiritual lit by an unsetting sun,
As godheads live who care not for the world
And share not in the toil of Nature's powers:
Absorbed in their self-ecstasy they dwell.
Cast off the ambiguous myth of earth's desire,
O immortal, to felicity arise."

Шагни по перешейку вниз,
перескачи через поток,
И отмени контракт
с работающей Силой,
Оставь те узы, что тебя соединяют
с расою земли,
Отбрось симпатию
к сердцам у смертных,
Встань, подтверди
тобою завоёванное право духа:
Отбросив бремя
своего недолговечного дыхания,
Под безучастным взглядом
равнодушных звёзд,
Оставив взятое на время
тело на траве,
И поднимайся, о, душа, в свой дом,
наполненный блаженством.
Здесь, на площадке,
где играет вечное Дитя,
Иль в сферах, где ступают
мудрые Бессмертные,
Броди с твоим прекрасным другом
под небесами духа,
Под никогда не заходящим солнцем,
Живите, словно боги, что не думают
и не заботятся о мире,
И не вовлечены в тяжёлую работу
сил Природы:
Они захвачены экстазом
собственного внутреннего "я".
Отбрось неясный миф
желания земли,
И поднимайся к счастью,
о бессмертная."

On Savitri listening in her tranquil heart
To the harmony of the ensnaring voice
A joy exceeding earth's and heaven's poured down,

И на Савитри, слушавшую
тихим и спокойным сердцем
Гармонию влекущего
и обольстительного голоса,
Потоком проливалась радость,
превышающая и земное, и небесное,

The bliss of an unknown eternity,
A rapture from some waiting Infinite.
A smile came rippling out in her wide eyes,
Its confident felicity's messenger
As if the first beam of the morning sun
Rippled along two wakened lotus-pools.
"O besetter of man's soul with life and death
And the world's pleasure and pain and Day and Night,
Tempting his heart with the far lure of heaven,
Testing his strength with the close touch of hell,

I climb not to thy everlasting Day,

Even as I have shunned thy eternal Night.
To me who turn not from thy terrestrial Way,
Give back the other self my nature asks.
Thy spaces need him not to help their joy;
Earth needs his beautiful spirit made by thee
To fling delight down like a net of gold.
Earth is the chosen place of mightiest souls;
Earth is the heroic spirit's battlefield,
The forge where the Archmason shapes his works.

Thy servitudes on earth are greater, King,

И неведанное ранее
блаженство вечности,
Восторг какой-то
ожидающей их Бесконечности.
Пришла улыбка, что светилась
из её распахнутых очей,
Посланницей уверенного счастья,
Как если б первый лучик
утреннего солнца
Струился вдоль двух
просыпающихся лотосовых заводей.
"О, окруживший душу человека
жизнью, и одновременно, смертью,
То наслаждением, то болью мира,
Днём, и Ночью,
О искушающий сердца
далёкими соблазнами небес,
И проверяющий,
насколько человек силён,
касаньем близким ада,
Я не войду, не поднимусь
в твой вечно продолжающийся День,
Как ранее сумела избежать
твоей извечной Ночи.
Прошу я — мне, что не свернула
с твоего земного трудного Пути
Отдай назад другое "я",
которого моя природа просит.
Твоим пространствам он не нужен
в помощи для наслажденья;
Земле же нужен этот превосходный дух,
тобою сотворённый,
Чтоб вниз спустить восторг,
подобный золотой сети.
Земля — особенное, избранное место
самых сильных душ;
Земля есть поле битвы
героического духа,
Та кузница, в которой
Главный каменщик
творит свои шедевры.
Твоё порабощенье на земле
величественнее, Владыка,

Than all the glorious liberties of heaven.
The heavens were once to me my natural home,
I too have wandered in star-jewelled groves,

Paced sun-gold pastures and moon-silver swards
And heard the harping laughter of their streams
And lingered under branches dropping myrrh;
I too have revelled in the fields of light
Touched by the ethereal raiment of the winds,
Thy wonder-rounds of music I have trod,
Lived in the rhyme of bright unlabouring thoughts,
I have beat swift harmonies of rapture vast,

Danced in spontaneous measures of the soul
The great and easy dances of the gods.
O fragrant are the lanes thy children walk
And lovely is the memory of their feet
Amid the wonder-flowers of Paradise:
A heavier tread is mine, a mightier touch.
There where the gods and demons battle in night
Or wrestle on the borders of the Sun,
Taught by the sweetness and the pain of life

Чем все роскошные свободы
в небесах.
Да, небеса когда-то были
для меня родимым домом,
И я бродила тоже в рощах,
что сверкали звёздами,
как бриллианты,
Шагала в золотисто-солнечных угодьях,
по серебристо-лунным травам,
И слышала похожий на звучанье арфы
смех их ручейков,
И трепетала под ветвями
капающей мирры;
Я тоже пировала
средь полей из света,
Меня касались ветры,
с их эфирными одеждами,
Я поднималась по твоим чудесным,
удивительным ступеням музыки,
Жила средь рифм из
ярких, беззаботных мыслей,
И пульсом ощущала
быстрые гармонии
широкого восторга,
И танцевала под
спонтанный ритм души
Затянутая лёгкими,
возвышенными танцами богов.
О, как благоухают тропы,
где твои гуляют дети,
Как восхитительны воспоминания
об их стопах
Среди того чудесного
цветенья Рая:
Моё касание становится сильнее,
шаг мой —тяжелее.
И там, где демоны и боги
бьются средь ночи,
Или воюют где-то,
на границах с Солнцем,
Касаясь сладостью
и болью жизни,

To bear the uneven strenuous beat
that throbs
Against the edge of some divinest
hope,

To dare the impossible with these
pangs of search,
In me the spirit of immortal love

Stretches its arms out to embrace
mankind.
Too far thy heavens for me from
suffering men.

Imperfect is the joy not shared by
all.
O to spread forth, O to encircle
and seize
More hearts till love in us has
filled thy world!

O life, the life beneath the
wheeling stars!
For victory in the tournament with
death,
For bending of the fierce and
difficult bow,
For flashing of the splendid sword
of God!
O thou who soundst the trumpet in
the lists,
Part not the handle from the
untried steel,
Take not the warrior with his blow
unstruck.
Are there not still a million fights
to wage?
O king-smith, clang on still thy
toil begun,

Weld us to one in thy strong
smithy of life.

Чтоб вынести неровный
напряжённый ритм,
Пульсирующий на краю
какой-то лучшей
из божественных надежд,
Чтобы осмелиться на невозможное
в тех муках поиска,
Во мне дух
вечно существующей любви
Протягивает руки,
обнимая человечество.
Но для меня — уж слишком
отдалённы небеса твои
от бед людей.
Несовершенны радости,
неразделяемые всеми.
Прошу, распространяйся дальше,
окружай, захватывай,
Всё больше человеческих сердец,
пока любовь в нас
не заполнит весь твой мир!
О жизнь, о эта жизнь,
под каруселью звёзд!
Чтоб победить в жестоком состязании
со смертью,
Чтоб натянуть безжалостный,
тяжёлый лук,
Чтоб засверкал
роскошный меч Всевышнего!
О ты, звучащий,
как труба перед турниром,
Не убирай руки с клинка,
не испытав его,
Не забирай бойца, что не успел
свой нанести удар.
И разве впереди не ждут нас
миллионы битв?
О царь-кузнец,
гремящий звон твоих трудов
лишь начался,
Объедини нас всех в одно
твоей могучей кузницею жизни.

Thy fine-curved jewelled hilt call
Savitri,

Thy blade's exultant smile name
Satyavan.
Fashion to beauty, point us
through the world.
Break not the lyre before the song
is found;
Are there not still unnumbered
chants to weave?
O subtle-souled musician of the
years,
Play out what thou hast fluted on
my stops;

Arise from the strain their first
wild plaint divined

And that discover which is yet
unsung.
I know that I can lift man's soul to
God,
I know that he can bring the
Immortal down.
Our will labours permitted by thy
will

And without thee an empty roar of
storm,
A senseless whirlwind is the
Titan's force
And without thee a snare the
strength of gods.
Let not the inconscient gulf
swallow man's race
That through earth's ignorance
struggles towards thy Light.

O Thunderer with the lightnings
of the soul,
Give not to darkness and to death
thy sun,

Твой изукрашенный алмазами
и тонкою резьбой эфес
зовут Савитри,
Восторг улыбки твоего клинка
назвали Сатьяваном.
Ты создал нас для красоты,
так прострели же нами этот мир.
Не разбивай на части лиру
до того, как спета песня;
И разве нам не предстоит ещё сложить
бесчисленные гимны?
Душевный тонкий музыкант
всех этих лет,
Сыграй мне то,
что выводил на флейте
на моих привалах;
Встань выше напряженья
первых необдуманных
и предсказуемых стенаний,
Чтоб обнаружить то,
что не воспето.
Я знаю, что способна душу человека
вознести до Бога,
Я знаю, он способен вниз спустить
и принести Бессмертное.
Но наша воля трудится
лишь с разрешения
твой высокой воли,
И без тебя становится
пустым рычанием штормов,
Энергия Титана превращается
в бессмысленные ураганы,
И без тебя становится
ловушкою могущества богов.
Не дай пучине несознанья
поглотить людскую расу,
Что сквозь невежество земли
стремится прорубить
путь к Свету твоему.
О Громовержец
с молниями душ,
Не отдавай же твоё солнце
темноте и смерти,

Achieve thy wisdom's hidden firm decree
And the mandate of thy secret world-wide love."
Her words failed lost in thought's immensities
Which seized them at the limits of their cry
And hid their meaning in the distances
That stir to more than ever speech has won
From the Unthinkable, end of all our thought,
And the Ineffable from whom all words come.

Так воплоти же
скрытое и непреложное решенье
мудрости твоей,
Мандат твоей таинственной,
широкой словно мир, любви."
Её слова упали вниз,
и затерялись в необъятностях
ему принадлежащей мысли,
Что обняла их на границах
зова этих слов
И спрятала их смысл
в своих просторах,
Распространяющихся дальше,
чем любая речь
способна покорить,
От Невообразимого,
конца всех наших мыслей,
И до Невыразимого,
откуда к нам приходят все слова.

Then with a smile august as noonday heavens
The godhead of the vision wonderful:
"How shall earth-nature and man's nature rise
To the celestial levels, yet earth abide?
Heaven and earth towards each other gaze
Across a gulf that few can cross, none touch,
Arriving through a vague ethereal mist
Out of which all things form that move in space,
The shore that all can see but never reach.
Heaven's light visits sometimes the mind of earth;

Затем, с улыбкою,
наполненной величием,
как небо в полдень,
То божество чудесного видения
ответило Савитри:
"Но как поднимется природа человека
и вообще, земная,
До уровня небес,
при этом оставаясь на земле?
Земля и небо смотрят друг на друга
через пропасть,
Которую немногие способны пересечь,
так ничего и не коснувшись,
Пройдя по смутному
эфирному туману,
Который формирует всё,
что движется в пространстве,
На берег, что все могут видеть,
но никто не может до него дойти.
Небесный свет, бывает,
посещает ум земли,

Its thoughts burn in her sky like
lonely stars;

In her heart there move celestial
seekings soft
And beautiful like fluttering wings
of birds,
Visions of joy that she can never
win
Traverse the fading mirror of her
dreams.
Faint seeds of light and bliss bear
sorrowful flowers,
Faint harmonies caught from a
half-heard song
Fall swooning mid the wandering
voices' jar,

Foam from the tossing luminous
seas where dwells
The beautiful and far delight of
gods,
Raptures unknown, a miracled
happiness
Thrill her and pass half-shaped to
mind and sense.

Above her little finite steps she
feels,
Careless of knot or pause, worlds
which weave out
A strange perfection beyond law
and rule,
A universe of self-found felicity,

An inexpressible rhythm of
timeless beats,
The many-movemented
heart-beats of the One,

Magic of the boundless harmonies
of self,

И мысли света
посреди земного неба
Горят как одинокие
сияющие звёзды,
А в сердце у неё блуждают
мягкие небесные искания,
И восхитительные, словно
трепетанье птичьих крыл,
Виденья радости, которые она
не сможет никогда завоевать,
Проходят по тускнеющему
отражению её мечтаний.
Из слабых зёрен света и блаженства
вырастают жалкие цветы,
Неясные гармонии улавливаются
в почти неслышной песне,
И, замирая, падают
средь дребезжания
гуляющих повсюду голосов,
Средь пены и волненья
светлых океанов, где живёт
Восторг богов,
далёкий и прекрасный,
Неведомые наслаждения
и удивительное счастье,
Что заставляют трепетать её
и переходят в ум и чувство
в виде полу-образов.
А выше тех конечных небольших шагов
она способна ощутить,
Не думая о промежутках и узлах —
миры, которые свивают
Неведомое совершенство
за пределом правил и законов,
Вселенную само собою
обретаемого счастья,
Невыразимый ритм
вневременных биений,
Сердечный пульс Единого,
что проявляется
во множестве движений,
И магию неограниченных гармоний
внутреннего "я",

Order of the freedom of the infinite,
The wonder-plastics of the Absolute.
There is the All-Truth and there the timeless bliss.

But hers are fragments of a star-lost gleam,
Hers are but careless visits of the gods.
They are a Light that fails, a Word soon hushed
And nothing they mean can stay for long on earth.
There are high glimpses, not the lasting sight.
A few can climb to an unperishing sun,
Or live on the edges of the mystic moon
And channel to earth-mind the wizard ray.
The heroes and the demigods are few
To whom the close immortal voices speak
And to their acts the heavenly clan are near.
Few are the silences in which Truth is heard,
Unveiling the timeless utterance in her deeps;
Few are the splendid moments of the seers.
Heaven's call is rare, rarer the heart that heeds;

The doors of light are sealed to common mind

And earth's needs nail to earth the human mass,

И строй свободы бесконечности,
И полную чудес
пластичность Абсолюта.
Есть Всеобъемлющая Истина,
и есть блаженство
за пределом времени.
Но у неё[1] — лишь некие осколки
от растерянного звёздами сияния,
Но у неё — лишь посещенья
беззаботных, легкомысленных богов.
Они — тот Свет, что гаснет,
Слово что стихает,
И ничего из их намерений не может
долго оставаться на земле.
Они — высокие намёки,
но не виденье, что остаётся.
Немногие способны подниматься
до негаснущего солнца,
Иль жить на самом краешке
мистического утра,
Пронзая ум земли
магическим лучом.
Героев и полубогов — немного,
Немного тех, с кем говорит
бессмертный близкий голос,
Кто по делам своим приблизились
до клана небожителей.
Немного тех безмолвий,
где можно слышать Истину,
Приоткрывающую проявления
вневременья в своих глубинах;
Немного замечательных мгновений
у провидцев.
И редко возникает зов Небес,
а ещё реже — сердце,
что его услышит;
Так двери света
закрываются печатью
для обычного ума,
И множество людей
пригвождены к земле
земными нуждами,

[1] земли, *прим. пер.*

Only in an uplifting hour of stress
Men answer to the touch of
greater things:
Or, raised by some strong hand to
breathe heaven-air,
They slide back to the mud from
which they climbed;
In the mud of which they are
made, whose law they know
They joy in safe return to a
friendly base,

And, though something in them
weeps for glory lost
And greatness murdered, they
accept their fall.
To be the common man they think
the best,
To live as others live is their
delight.
For most are built on Nature's
early plan

And owe small debt to a superior
plane;
The human average is their level
pitch,
A thinking animal's material
range.
In the long ever-mounting
hierarchy,
In the stark economy of cosmic
life
Each creature to its appointed task
and place

Is bound by his nature's form, his
spirit's force.
If this were easily disturbed, it
would break
The settled balance of created
things;

И только в поднимающие их
часы особенного напряжения
Способны люди отвечать
касанью более великого:
Иль, поднятые некой сильною рукою,
вдохнуть небесной атмосферы,
Они соскальзывают снова в грязь,
откуда поднимались;
А в той грязи, в которой созданы они,
и чьи законы знают,
Они вновь рады безопасности,
вернувшись к дружеской,
понятной им основе,
И хоть в них что-то плачет
по утраченным великолепиям,
И по загубленным величиям,
они всё ж соглашаются с падением.
Быть как обычный человек —
они считают лучшим,
Жить, как живут другие —
наслаждение для них.
Ведь в большинстве своём
они сотворены по самым
первым замыслам Природы,
И мало чем обязаны другим,
высоким планам;
Их планка —
средний уровень людей,
Быть мыслящим животным —
их материальные пределы.
Средь длинной,
постоянно восходящей иерархии,
И в строгой экономии
космического бытия
Любое существо привязано
к своим определённым
месту и задаче
И силой собственного духа,
и формой собственной природы.
И если б это можно было
так легко сломать,
Нарушилось бы установленное
равновесие творения;

The perpetual order of the universe
Would tremble, and a gap yawn in woven Fate.
If men were not and all were brilliant gods,

The mediating stair would then be lost
By which the spirit awake in Matter winds

Accepting the circuits of the middle Way,
By heavy toil and slow aeonic steps
Reaching the bright miraculous fringe of God,
Into the glory of the Oversoul.
My will, my call is there in men and things;
But the Inconscient lies at the world's grey back
And draws to its breast of Night and Death and Sleep.
Imprisoned in its dark and dumb abyss
A little consciousness it lets escape
But jealous of the growing light holds back

Close to the obscure edges of its cave
As if a fond ignorant mother kept her child

Tied to her apron strings of Nescience.
The Inconscient could not read without man's mind

И зашатался б вечный распорядок
во вселенной,
И пропасть бы разверзлась
в сотканной Судьбе.
И если б не было людей,
а были б все сверкающими,
как алмаз, богами,
Была б утеряна
та промежуточная стадия,
При помощи которой
дух стремится пробудить
крыла в Материи,
Сам соглашаясь
на витки срединного Пути,
Стремясь тяжёлыми трудами,
медленными эпохальными шагами
Достичь чудесной ослепительной
границы Бога,
Входя в великолепье Сверхдуши.
Моё намеренье, мой зов,
есть в людях и вещах,
Но Несознание ложится рядом
с серою спиною мира
И тянет этот мир к своей груди
Сна, Смерти и Ночи.
И заточив в свою немую,
чёрную пучину,
Лишь малой порции сознанья
разрешает убежать,
Но в ревности к всё время
возрастающему свету,
тянет снова, прочь, назад,
Поближе к неотчётливым краям
своей пещеры,
Как если б любящая,
но невежественная мать,
держала бы дитя,
К халату привязав его
верёвками Незнания.
Но Несознание не может
прочитать без человека,
без его ума

The mystery of the world its sleep
has made:
Man is its key to unlock a
conscious door.

But still it holds him dangled in its
grasp:

It draws its giant circle round his
thoughts,
It shuts his heart to the supernal
Light.
A high and dazzling limit shines
above,
A black and blinding border rules
below:
His mind is closed between two
firmaments.
He seeks through words and
images the Truth,
And, poring on surfaces and brute
outsides
Or dipping cautious feet in
shallow seas,
Even his Knowledge is an
Ignorance.
He is barred out from his own
inner depths;
He cannot look on the face of the
Unknown.
How shall he see with the
Omniscient's eyes,
How shall he will with the
Omnipotent's force?
O too compassionate and eager
Dawn,
Leave to the circling aeons' tardy
pace

And to the working of the
inconscient Will,
Leave to its imperfect light the
earthly race:

Мистерию, загадку мира,
сотворённого его огромным сном:
Для Несознанья человек —
тот ключ, что открывает
дверь сознания.
Но до сих пор оно лишь
дразнит человека,
не пуская из своих тисков:
Оно очерчивает свой гигантский круг,
рисует для него границу мыслей,
Оно захлопывает сердце у него
перед небесным Светом.
Высокий, ослепительный предел
сияет наверху,
И черный, ослепляющий рубеж
всем управляет ниже:
Его ум стиснут между
этой парой небосводов.
Через слова и образы
он ищет Истину,
То досконально изучая грубую
поверхностную сторону вещей,
То осторожно погружая ноги
в мелкие моря,
Но всё же Знание его —
всегда Невежество.
Он отделён от
внутренних своих глубин;
Не может он взглянуть
в лицо Неведомого.
И как же будет он смотреть
глазами Всеосознающего
И как же будет действовать он
с силой Всемогущего?
О, слишком сострадательная,
страстная Заря,
Оставь земную расу
для неторопливой поступи
циклических эпох,
И для работы
неосознающей Воли,
Оставь её на тот несовершенный свет,
который уже есть:

All shall be done by the long act
of Time.
Although the race is bound by its
own kind,
The soul in man is greater than his
fate:
Above the wash and surge of
Time and Space,
Disengaging from the cosmic
commonalty
By which all life is kin in grief
and joy,
Delivered from the universal Law

The sunlike single and
transcendent spirit
Can blaze its way through the
mind's barrier wall
And burn alone in the eternal sky,

Inhabitant of a wide and endless
calm.
O flame, withdraw into thy
luminous self.
Or else return to thy original
might
On a seer-summit above thought
and world;
Partner of my unhoured eternity,

Be one with the infinity of my
power:
For thou art the World-Mother
and the Bride.
Out of the fruitless yearning of
earth's life,
Out of her feeble unconvincing
dream,
Recovering wings that cross
infinity
Pass back into the Power from
which thou cam'st.

Всё будет совершаться через
длительное действо Времени.
Хоть эта раса ограничена
особенностью вида,
Душа у человека выше,
чем его судьба:
Поднявшись выше волн, прибоев
Времени, Пространства,
И отделившись
от космической общины,
Из-за чего вся жизнь
сродни то радости, то горю,
Освободившись
от вселенского Закона,
Отдельный, трансцендентный дух,
подобный солнцу,
Способен проложить свой путь
сквозь стену, сквозь барьер ума
И в одиночку засиять
в эфирном небе,
Став обитателем широкого
и бесконечного покоя.
О пламя, уходи назад,
в своё светящееся "я".
Иль возвращайся
к изначальному могуществу
На запредельной высоте провидцев,
выше мысли, выше мира;
Партнёром вечности моей,
не знающей часов,
Объединяйся с бесконечностью
моей энергии и силы,
Ведь ты Мать Мира,
ты — Невеста.
Из бесполезного стремленья
жизни на земле,
Из немощных её,
неубедительных мечтаний,
Расправив крылья,
что расходятся до бесконечности,
Вернись назад, в ту Силу,
из которой ты пришла.

To that thou canst uplift thy formless flight,
Thy heart can rise from its unsatisfied beats
And feel the immortal and spiritual joy
Of a soul that never lost felicity.

Lift up the fallen heart of love which flutters
Cast down desire's abyss into the gulfs.
For ever rescued out of Nature's shapes
Discover what the aimless cycles want,
There intertwined with all thy life has meant,
Here vainly sought in a terrestrial form.
Break into eternity thy mortal mould;
Melt, lightning, into thy invisible flame!
Clasp, Ocean, deep into thyself thy wave,
Happy for ever in the embosoming surge.
Grow one with the still passion of the depths.
Then shalt thou know the Lover and the Loved,
Leaving the limits dividing him and thee.
Receive him into boundless Savitri,
Lose thyself into infinite Satyavan.
O miracle, where thou beganst, there cease!"

But Savitri answered to the radiant God:

До этой Силы можешь ты возвысить
свой бесформенный полёт,
А сердце может у тебя подняться
над неудовлетворённым пульсом
И ощутить духовную,
не знающую смерти радость
Души, что никогда
и не теряла счастья.
Так поднимись же над своим
влюблённым беспокойным сердцем,
И брось пучину своего желанья
в бездну.
Освободись же навсегда
от форм Природы,
Узнай — чего хотят
бессмысленные циклы,
И для чего предназначалась
жизнь твоя, переплетённая со всем,
И что напрасно здесь искать
в земном обличии.
Швырни же в вечность
ты свой смертный прах;
И влейся, молния,
в своё невидимое пламя!
Пусть Океан в твоих глубинах
обнимет, наконец, свою волну,
Стань навсегда счастливой
в прижимающем к груди валу.
О, слейся воедино
с тихой страстностью глубин.
Тогда узнаешь ты
и Любящего, и Любимого,
Оставив все пределы,
разделяющие вас.
Прими его
в бескрайнюю Савитри,
И потеряй себя
в том бесконечном Сатьяване.
О чудо, так остановись же там,
где началось!"

Но отвечала так Савитри
этому сияющему Богу:

"In vain thou temptst with solitary bliss
Two spirits saved out of a suffering world;
My soul and his indissolubly linked
In the one task for which our lives were born,
To raise the world to God in deathless Light,
To bring God down to the world on earth we came,
To change the earthly life to life divine.
I keep my will to save the world and man;
Even the charm of thy alluring voice,
O blissful Godhead, cannot seize and snare.
I sacrifice not earth to happier worlds.
Because there dwelt the Eternal's vast Idea
And his dynamic will in men and things,
So only could the enormous scene begin.
Whence came this profitless wilderness of stars,
This mighty barren wheeling of the suns?
Who made the soul of futile life in Time,

Planted a purpose and a hope in the heart,
Set Nature to a huge and meaningless task
Or planned her million-aeoned effort's waste?
What force condemned to birth and death and tears

"Напрасно искушаешь
одиноким ты блаженством
Два духа, отделяя
от страдающего мира;
Моя душа с его душою
неразрывно связаны
В одной задаче, для которой
наши жизни рождены,
Поднять мир к Богу,
и в бессмертный Свет,
И Бога принести на землю,
в мир, куда мы с ним пришли,
Чтоб переделать жизнь земную
в жизнь божественную.
Моё намеренье спасти людей и мир
не изменилось;
И даже чары твоего
пленяющего голоса,
О полное блаженства Божество,
не могут ни поймать, ни зацепить.
Я не пожертвую землёй
для более счастливых царств.
Ведь широта, простор
Идеи Вечного
И динамичное его намеренье
живут и в людях, и в вещах,
И только так могла начаться
эта грандиозного размера сцена.
Откуда же пришла
вся эта масса бесполезных звёзд,
Могучее бесплодное
вращенье солнц?
Кто создал душу для
поверхностного бытия
во Времени,
Посеял в сердце семена
надежд и цели,
Кто дал Природе необъятную задачу,
не имеющую смысла,
И запланировал пустую трату
миллионо-вековых усилий?
Какая сила осудила
на рожденье, смерть и слёзы

These conscious creatures
crawling on the globe?
If earth can look up to the light of heaven
And hear an answer to her lonely cry,
Not vain their meeting, nor heaven's touch a snare.
If thou and I are true, the world is true;
Although thou hide thyself behind thy works,
To be is not a senseless paradox;

Since God has made earth, earth must make in her God;

What hides within her breast she must reveal.

I claim thee for the world that thou hast made.
If man lives bound by his humanity,
If he is tied for ever to his pain,

Let a greater being then arise from man,

The superhuman with the Eternal mate
And the Immortal shine through earthly forms.
Else were creation vain and this great world
A nothing that in Time's moments seems to be.
But I have seen through the insentient mask;
I have felt a secret spirit stir in things
Carrying the body of the growing God:

Все эти сознающие создания,
которыми кишит планета?
И хоть земля не может
взгляд поднять свой в свет небес,
Услышать там ответ
на одинокий свой призыв,
То всё же не напрасна эта встреча,
и касанье неба — не ловушка.
И если ты и я есть истина,
мир — тоже истина;
Хоть ты себя скрываешь
за своим творением,
Быть — не бессмысленный,
абсурдный парадокс;
И так же, как Бог создал землю,
земля должна создать
в своих глубинах Бога;
Она должна открыть всё то,
что до сих пор
скрывается в её груди.
Я требую — тебя —
для мира, что ты создал.
И если человек живёт
в цепях своей природы,
И если навсегда привязан
к собственному горю,
То пусть другое существо
поднимется из человека,
более великое,
Пусть обручится с Вечностью
сверхчеловек,
И сквозь земные формы
засияет сам Бессмертный.
Иначе будет всё творение напрасным,
а великий этот мир — ничем,
Хотя в какие-то мгновенья Времени,
и кажется, что мир наш существует.
Однако же я научилась видеть
сквозь бесчувственную маску;
Я ощутила тайный дух,
что движется во всём,
Поддерживая тело
постепенно вырастающего Бога:

It looks through veiling forms at veilless truth;
It pushes back the curtain of the gods;
It climbs towards its own eternity."
But the god answered to the woman's heart:
"O living power of the incarnate Word,
All that the Spirit has dreamed thou canst create:
Thou art the force by which I made the worlds,
Thou art my vision and my will and voice.
But knowledge too is thine, the world-plan thou knowest
And the tardy process of the pace of Time.
In the impetuous drive of thy heart of flame,
In thy passion to deliver man and earth,
Indignant at the impediments of Time
And the slow evolution's sluggard steps,
Lead not the spirit in an ignorant world
To dare too soon the adventure of the Light,
Pushing the bound and slumbering god in man
Awakened mid the ineffable silences
Into endless vistas of the unknown and unseen,
Across the last confines of the limiting Mind
And the Superconscient's perilous border line

Он через прикрывающие формы
видит неприкрытый облик истины,
И в сторону отодвигает
занавес богов;
Он поднимается всё выше,
до ему принадлежащей вечности."
Однако сердцу женщины
бог дал такой ответ:
"О ты, живая сила
воплотившегося Слова,
Ты можешь сотворить всё то,
о чём мечтает Дух:
Ты — то могущество,
которым я творил миры,
Ты — моё виденье,
моё намеренье, мой голос.
Но у тебя есть знанье тоже,
ты знаешь план вселенной,
И ведомо тебе неторопливое движенье
шага Времени.
В стремительном твоём движеньи
сердца пламени,
И в страстном устремлении твоём
освободить людей и землю,
Не принимая во вниманье
затрудненья Времени,
Ленивые шаги
неторопливой эволюции,
Не заставляй же дух
в невежественном мире
Отважиться на чересчур поспешное
рискованное приключенье Света,
Подталкивая связанного,
дремлющего бога в человеке
Проснуться средь
неописуемых безмолвий,
Войти в те нескончаемые перспективы
неизвестного, незримого,
И пересечь последние заставы
рубежей Ума,
Рискованную линию
границы Сверхсознания,

Into the danger of the Infinite.

But if thou wilt not wait for Time
and God,
Do then thy work and force thy
will on Fate.
As I have taken from thee my load
of night
And taken from thee my twilight's
doubts and dreams,
So now I take my light of utter
Day.
These are my symbol kingdoms
but not here
Can the great choice be made that
fixes fate
Or uttered the sanction of the
Voice supreme.
Arise upon a ladder of greater
worlds
To the infinity where no world can
be.
But not in the wide air where a
greater Life
Uplifts its mystery and its miracle,

And not on the luminous peaks of
summit Mind,
Or in the hold where subtle
Matter's spirit
Hides in its light of shimmering
secrecies,
Can there be heard the Eternal's
firm command
That joins the head of destiny to
its base.

These only are the mediating
links;
Not theirs is the originating sight

Nor the fulfilling act or last
support

И вторгнуться
в опасность Бесконечности.
Но если ты не хочешь ждать
ни Времени, ни Бога,
То выполняй свою работу,
волю примени к Судьбе.
Как я тебя освободил
от бремени моей ночи
И сбросил прочь с тебя
сомнения и грёзы сумерек,
Так я сейчас возьму назад
свет совершенства Дня.
Всё это символические царства,
и не здесь
Возможен тот великий выбор,
что определит судьбу,
Иль выразит согласие
божественного Голоса.
Иди же вверх, по лестнице
великих планов и миров
До бесконечности, где никакой мир
больше невозможен.
Но не в широкой атмосфере,
где великая, возвышенная Жизнь
Возносит к небесам
свою мистерию и чудо,
И не на светлых пиках
высочайших гор Ума,
Не там, где тонкая Материя,
где дух её
Скрывается в лучах
её мерцающих укрытий,
Услышать можно
твёрдую команду Вечного,
Которая соединяет
направление судьбы
с её основой.
Всё это только
промежуточные связи;
Не им принадлежит
дающее начало виденье,
И наполняющее действие,
последняя опора,

That bears perpetually the cosmic pile.
Two are the Powers that hold the ends of Time;
Spirit foresees, Matter unfolds its thought,
The dumb executor of God's decrees,
Omitting no iota and no dot,

Agent unquestioning, inconscient, stark,
Evolving inevitably a charged content,
Intention of his force in Time and Space,
In animate beings and inanimate things;
Immutably it fulfils its ordered task,
It cancels not a tittle of things done;
Unswerving from the oracular command
It alters not the steps of the Unseen.
If thou must indeed deliver man and earth
On the spiritual heights look down on life,
Discover the truth of God and man and world;
Then do thy task knowing and seeing all.
Ascend, O soul, into thy timeless self;
Choose destiny's curve and stamp thy will on Time."

He ended and upon the falling sound
A power went forth that shook the founded spheres

Что вечно держат и несут
космическое здание.
Есть только два Могущества,
что держат Время за его края;
Дух, что предвидит, и Материя,
что раскрывает мысли Духа,
Немая исполнительница
указаний Бога,
Не отступающая
ни на йоту, ни на шаг,
Посредница, не задающая вопросов,
непреклонная, не сознающая,
Неотвратимо разворачивает
эволюцию того, что поручили ей,
Намерение сил его
в Пространстве и во Времени,
В одушевлённых существах,
и в неодушевлённом;
Она всё время, неизменно,
выполняет заданный ей план,
Не отменяя ни малейшей капли
из того, что сделано;
Не отклоняясь
от предвидящего указания,
Не спотыкаясь
в поступи Незримого.
И если ты действительно должна
освободить людей и землю,
То посмотри на жизнь
с духовной высоты,
Открой же истину о Боге,
человеке, мире;
И после выполняй свою задачу,
зная всё и наблюдая всё.
Так поднимись же, о душа,
в своё вневременное "я";
Там выбери вираж судьбы,
поставь на Времени
печать своих намерений."
Он смолк,
и на волне стихающего звука
Возникла сила, что тряхнула
созданные сферы,

And loosed the stakes that hold
the tents of form.
Absolved from vision's grip and
the folds of thought,
Rapt from her sense like
disappearing scenes
In the stupendous theatre of Space
The heaven-worlds vanished in
spiritual light.
A movement was abroad, a cry, a
word,
Beginningless in its vast
discovery,
Momentless in its unthinkable
return:
Choired in calm seas she heard the
eternal Thought
Rhythming itself abroad
unutterably
In spaceless orbits and on timeless
roads.
In an ineffable world she lived
fulfilled.
An energy of the triune Infinite,

In a measureless Reality she
dwelt,
A rapture and a being and a force,

A linked and myriad-motioned
plenitude,
A virgin unity, a luminous spouse,

Housing a multitudinous embrace

To marry all in God's immense
delight,
Bearing the eternity of every
spirit,
Bearing the burden of universal
love,

Ослабила опоры,
что держали перекрытья форм.
Освобождённые от хватки виденья,
от складок мысли,
Из чувств её похищенные,
словно исчезающие сцены,
Огромного театра — Космоса,
Небесные миры
терялись в свете духа.
Везде распространялось слово,
зов, движение,
Не знавшее начала
в том широком проявлении,
Не разделяемое на мгновения в своём
невообразимом возвращении:
Она услышала хор вечной Мысли
в океанах тишины,
Которая безмолвно задавала ритм
себе везде —
И на орбитах вне пространства,
и на дорогах, что вне времени.
Она[1] жила, исполнившая всё,
в невыразимом мире.
Энергия той триединой
Бесконечности,
Она существовала в той
неизмеримости Реальности,
В восторге, силе
и существовании,
В том изобилье, тесно связанном,
с бесчисленным движением,
В том девственном единстве,
в светлом браке,
И в многочисленных объятиях,
которые пришли
Чтоб всё на свете обручить
в безмерном наслажденьи Бога,
Несущем вечность
в каждом духе,
Несущем ношу
всеобъемлющей любви,

[1] Савитри, *прим. пер.*

A wonderful mother of
unnumbered souls.
All things she knew, all things
imagined or willed:
Her ear was opened to ideal
sound,
Shape the convention bound no
more her sight,
A thousand doors of oneness was
her heart.
A crypt and sanctuary of brooding
light
Appeared, the last recess of things
beyond.

Чудесной матерью
неисчислимых душ.
Она познала всё,
всё, что придумано или задумано:
Её слух стал открыт
для звуков идеального,
Условные ограниченья облика
не связывали больше взгляд,
И сердце у Савитри стало
тысячью дверей единства.
Святилище и потайное место
погружённого в раздумья света,
Возникли перед ней,
последнее убежище
для запредельного.

Then in its rounds the enormous
fiat paused,
Silence gave back to the
Unknowable

Затем огромное намеренье
остановило собственные циклы,
Безмолвие вернуло всё,
что было у него,
Непознаваемому.

All it had given. Still was her
listening thought.
The form of things had ceased
within her soul.
Invisible that perfect godhead
now.
Around her some tremendous
spirit lived,
Mysterious flame around a
melting pearl,
And in the phantom of abolished
Space
There was a voice unheard by ears
that cried:
"Choose, spirit, thy supreme
choice not given again;
For now from my highest being
looks at thee
The nameless formless peace
where all things rest.
In a happy vast sublime cessation
know, -

Затихшей стала
слушавшая мысль Савитри.
И облик всех вещей
погас внутри её души.
Незримым стал
тот совершенный бог.
Вокруг неё теперь жил
некий необъятный дух,
Загадочное пламя окружало
плавящийся жемчуг,
И в призраке исчезнувшего на глазах
Пространства,
Явился голос, не доступный для ушей,
что закричал:
"Решайся, дух, твой высший выбор
я разрешаю только раз;
Ведь на тебя сейчас
из высшего существованья смотрит
Неописуемый бесформенный покой,
где отдыхает всё.
В, счастливой широте
возвышенного прекращения

An immense extinction in eternity,
A point that disappears in the infinite, -
Felicity of the extinguished flame,
Last sinking of a wave in a boundless sea,
End of the trouble of thy wandering thoughts,
Close of the journeying of thy pilgrim soul.
Accept, O music, weariness of thy notes,
O stream, wide breaking of thy channel banks."

The moments fell into eternity.

But someone yearned within a bosom unknown
And silently the woman's heart replied:
"Thy peace, O Lord, a boon within to keep
Amid the roar and ruin of wild Time
For the magnificent soul of man on earth.
Thy calm, O Lord, that bears thy hands of joy."
Limitless like ocean round a lonely isle
A second time the eternal cry arose:
"Wide open are the ineffable gates in front.
My spirit leans down to break the knot of earth,
Amorous of oneness without thought or sign
To cast down wall and fence, to strip heaven bare,

Познай безмерность
угасанья в вечности,
И точку, исчезающую
в этой бесконечности,
И счастье затухающего пламени,
Последней, опадающей волны
в безбрежном море,
Конец тревог твоих
скитающихся мыслей,
И завершенье путешествия
паломника — твоей души.
Прими, о музыка,
усталость нот твоих,
Река, раздайся вширь,
и вырвись, наконец,
из берегов своих."
Мгновенья эти
потонули в вечности.
Но всё же кто-то устремился
из неведомой груди
И тихо сердце женщины
ответило ему:
"Покой твой, о Господь —
то благо, что хранят внутри,
Средь рёва и руин
неистового Времени
Для изумительной души
земного человека.
Твой спокойствие, Господь,
несут твои ладони радости."
И беспредельный, словно океан,
что окружает одинокий остров,
Второй раз зазвучал
зов вечного:
"Перед тобой распахнуты
врата невыразимого.
Мой дух склонился
узел разрубить земли,
Что очарована единством
без каких-то символов и мыслей,
Желая опрокинуть стены и ограды,
обнажить божественные небеса,

See with the large eye of infinity,

Unweave the stars and into silence pass."
In an immense and world-destroying pause
She heard a million creatures cry to her.
Through the tremendous stillness of her thoughts
Immeasurably the woman's nature spoke:
"Thy oneness, Lord, in many approaching hearts,
My sweet infinity of thy numberless souls."
Mightily retreating like a sea in ebb
A third time swelled the great admonishing call:
"I spread abroad the refuge of my wings.
Out of its incommunicable deeps
My power looks forth of mightiest splendour, stilled
Into its majesty of sleep, withdrawn
Above the dreadful whirlings of the world."
A sob of things was answer to the voice,
And passionately the woman's heart replied:
"Thy energy, Lord, to seize on woman and man,
To take all things and creatures in their grief
And gather them into a mother's arms."
Solemn and distant like a seraph's lyre
A last great time the warning sound was heard:

Смотреть на всё
широким взглядом бесконечности,
Распутать эти звёзды
и попасть в безмолвие."
В безмерной паузе,
способной разрушать миры,
Она услышала, как к ней взывают
миллион созданий.
Сквозь потрясающую
тишину в её уме
Безмерным был ответ
природы этой женщины:
"Твоё единство, о Господь,
во многих устремившихся сердцах
Моя любимая и сладостная бесконечность
твоих неисчислимых душ."
В могучем отступлении,
как море при отливе,
Поднялся в третий раз
великий убеждающий призыв:
"Убежище из крыл моих
я распростёр повсюду.
Из этих непередаваемых глубин
Моя энергия и сила видят дальше
самого могучего великолепия,
То успокоившись
в величественном сне,
То поднимаясь выше
самых страшных вихрей мира."
Рыдание всего на свете
стало откликом на этот голос,
И страстно сердце женщины
ему ответило:
"Так пусть твоя энергия, Господь,
охватит женщину с мужчиной,
Пусть примет все творенья
и создания в их горе,
И соберёт их всех
в объятьях матери."
Торжественно, издалека,
как лира серафима,
В последний раз послышался
предупреждавший голос:

"I open the wide eye of solitude
To uncover the voiceless rapture of my bliss,
Where in a pure and exquisite hush it lies
Motionless in its slumber of ecstasy,
Resting from the sweet madness of the dance
Out of whose beat the throb of hearts was born."
Breaking the Silence with appeal and cry
A hymn of adoration tireless climbed,
A music beat of winged uniting souls,
Then all the woman yearningly replied:
"Thy embrace which rends the living knot of pain,
Thy joy, O Lord, in which all creatures breathe,
Thy magic flowing waters of deep love,
Thy sweetness give to me for earth and men."

"Я открываю для тебя
широкий взгляд уединения
Чтобы явить беззвучные восторги
моего блаженства,
Где в утончённой,
чистой тишине
Лежит оно бездвижно,
в дремоте экстаза,
На отдыхе от сладкого безумия
мистического танца,
Откуда и рождается
пульс всех сердец на свете."
Нарушив то Безмолвие
призывами и криком
Неутомимо начал подниматься
гимн любви
И мелодичное биение
объединяющихся окрылённых душ,
Затем, желая и стремясь,
всё в этой женщине ответило:
"Твоё объятие, что рассечёт
животрепещущий комок страдания,
И радость, о Господь, твою,
которой дышит всякое творение,
И магию твою, которая течёт
как океан глубин любви,
Твою особенную сладость —
дай мне для земли и для людей."

Then after silence a still blissful cry
Began, such as arose from the Infinite
When the first whisperings of a strange delight
Imagined in its deep the joy to seek,
The passion to discover and to touch,
The enamoured laugh which rhymed the chanting worlds:

Затем, после минутной тишины,
блаженный тихий голос,
Возник из Бесконечности,
как будто поднимался он
Когда лишь первое шептанье
странного восторга
Там, в глубине своей,
вообразило радость поиска
И страстное стремленье
открывать и прикасаться,
Чарующий, прекрасный смех,
что рифмовал поющие миры:

"O beautiful body of the incarnate Word,
Thy thoughts are mine, I have spoken with thy voice.
My will is thine, what thou hast chosen I choose:

All thou hast asked I give to earth and men.
All shall be written out in destiny's book
By my trustee of thought and plan and act,
The executor of my will, eternal Time.
But since thou hast refused my maimless Calm

And turned from my termless peace in which is expunged
The visage of Space and the shape of Time is lost,

And from happy extinction of thy separate self
In my uncompanioned lone eternity, -
For not for thee the nameless worldless Nought,
Annihilation of thy living soul

And the end of thought and hope and life and love
In the blank measureless Unknowable, -
I lay my hands upon thy soul of flame,
I lay my hands upon thy heart of love,
I yoke thee to my power of work in Time.
Because thou hast obeyed my timeless will,

"О восхитительное тело
воплотившегося Слова,
Все мысли у тебя — мои,
и голосом твоим — я говорил.
И воля у меня — твоя,
что выбирала ты —
то сам я выбирал:
Всё что просила ты —
я дам земле и людям.
Всё в книгу судеб
будет внесено
Моим поверенным всех мыслей,
планов, действий
И исполнителем моей высокой воли —
вечным Временем.
Но раз ты отказалось от
непотревоженного
моего Спокойствия
И отвернулась прочь от
беспредельного покоя моего,
Там, где стирается
лик самого Пространства,
и утерян облик Времени,
От счастья угасанья
твоего самостоятельного "я"
В моей ни с кем не говорящей
одинокой вечности, —
Не для тебя моё неописуемое
бессловесное Ничто
И растворение
твоей живой души,
Конец надежды, жизни,
мысли и любви
В неизмеримом
и пустом Непознаваемом, —
Я руки положу свои
на душу пламени твою,
Я руки положу свои
на сердце полное любви,
И вовлеку тебя в моё могущество
работ во Времени.
И раз ты подчинилась
моему намеренью вне времени,

Because thou hast chosen to share
earth's struggle and fate
And leaned in pity over
earth-bound men
And turned aside to help and
yearned to save,
I bind by thy heart's passion thy
heart to mine
And lay my splendid yoke upon
thy soul.
Now will I do in thee my
marvellous works.
I will fasten thy nature with my
cords of strength,
Subdue to my delight thy spirit's
limbs
And make thee a vivid knot of all
my bliss
And build in thee my proud and
crystal home.
Thy days shall be my shafts of
power and light,
Thy nights my starry mysteries of
joy
And all my clouds lie tangled in
thy hair
And all my springtides marry in
thy mouth.
O Sun-Word, thou shalt raise the
earth-soul to Light
And bring down God into the lives
of men;
Earth shall be my work-chamber
and my house,

My garden of life to plant a seed
divine.

When all thy work in human time
is done
The mind of earth shall be a home
of light,

Решила разделить
и битву, и судьбу земли,
Склонилась, сострадая над людьми,
что связаны землёю,
И обернулась им помочь,
и захотела их спасти,
Соединяю я страсть сердца твоего
с моим,
Впрягаю душу я твою
в моё роскошное ярмо.
Отныне буду я творить в тебе
свои чудесные дела.
Я укреплю твою природу
струнами моих могуществ, сил,
И подчиню восторгу своему
все элементы духа твоего,
И сделаю тебя живым узлом
всего блаженства моего,
И выстрою в тебе
моё хрустальное и гордое жилище.
Твои дни станут копьями
моей энергии и света,
А ночи — звёздными
мистериями радости,
Все облака мои повиснут,
путаясь в копне твоих волос,
И все мои весенние ручьи
сольются на твоих губах.
О Солнце-Слово, ты земную душу
к Свету вознесёшь
И спустишь Бога
в жизнь людей;
И станет вся Земля
моею мастерскою
и домом для меня,
И превратится в мой сад жизни,
чтобы прорастить
божественные семена.
Когда во времени людей
весь труд твой завершится,
То станет ум земли —
жилищем света,

The life of earth a tree growing towards heaven,

The body of earth a tabernacle of God.
Awakened from the mortal's ignorance
Men shall be lit with the Eternal's ray
And the glory of my sun-lift in their thoughts
And feel in their hearts the sweetness of my love
And in their acts my Power's miraculous drive.
My will shall be the meaning of their days;
Living for me, by me, in me they shall live.
In the heart of my creation's mystery
I will enact the drama of thy soul,

Inscribe the long romance of Thee and Me.
I will pursue thee across the centuries;
Thou shalt be hunted through the world by love,
Naked of ignorance' protecting veil
And without covert from my radiant gods.
No shape shall screen thee from my divine desire,

Nowhere shalt thou escape my living eyes.
In the nudity of thy discovered self,
In a bare identity with all that is,

И жизнь земли —
высоким деревом,
растущим к небесам,
А тело у земли —
священным храмом Бога.
От смертного незнания,
невежества проснувшись,
Все люди будут залиты
лучами Вечного,
Моею славой солнечных подъёмов
в их смертных мыслях,
Они почувствуют в своих сердцах
всю сладостность моей любви
В своих делах — чудесное движение
моей Энергии.
Моё намерение, воля
станут смыслом для их дней;
Тогда они начнут жить для меня,
жить мною, жить во мне.
И в самом центре
тайны моего творения
Я разыграю драматическое действие
твоей души,
И посвященье долгому роману
меж Тобой и Мной —
И буду я преследовать тебя
сквозь все столетия;
Моей любовью будешь ты гонима
через всю вселенную,
С тебя слетит
защитная вуаль невежества,
И у тебя не будет никаких укрытий
от моих сияющих богов.
И никакому облику
не скрыть тебя
от моего небесного желания,
И никуда тебе не убежать
от моего живого взгляда.
Так, в наготе
раскрывшегося внутреннего "я",
И в оголённом тождестве со всем,
что существует,

Disrobed of thy covering of humanity,
Divested of the dense veil of human thought,
Made one with every mind and body and heart,
Made one with all Nature and with Self and God,
Summing in thy single soul my mystic world
I will possess in thee my universe,

The universe find all I am in thee.

Thou shalt bear all things that all things may change,
Thou shalt fill all with my splendour and my bliss,
Thou shalt meet all with thy transmuting soul.
Assailed by my infinitudes above,

And quivering in immensities below,
Pursued by me through my mind's wall-less vast,
Oceanic with the surges of my life,
A swimmer lost between two leaping seas
By my outer pains and inner sweetnesses
Finding my joy in my opposite mysteries
Thou shalt respond to me from every nerve.
A vision shall compel thy coursing breath,

Thy heart shall drive thee on the wheel of works,
Thy mind shall urge thee through the flames of thought,

Отбросив от себя
покровы человечества,
И скинув плотную завесу
мысли человека,
Единой став со всяким
сердцем, телом и умом,
Единой став со всей Природой,
с Высшим "Я" и Богом,
Объединив в твоей одной душе
мистический мой мир,
Я буду обладать в тебе
моей вселенной,
Вселенная найдёт в тебе
всё, чем являюсь я.
И всё на свете будешь ты переносить,
чтоб это всё смогло бы измениться,
Ты всё наполнишь роскошью моей,
моим блаженством,
И встретишь всё
своей преобразующей душой.
Моими бесконечностями
атакованная свыше,
И трепеща в моих
безмерностях внизу,
И мной преследуемая
в просторах моего ума без стен,
Похожему на океан, с валами
мне принадлежащей жизни,
Пловцом, потерянным
среди двух прыгнувших морей,
Моих страданий внешнего
и сладостей внутри,
Ты будешь радость находить мою
среди мистерии моих противоречий,
И станешь каждым нервом
откликаться мне.
Иное видение подчинит
твою, идущую иным маршрутом
жизнь,
И сердце поведёт тебя
по колесу работ,
Твой ум начнёт проталкивать тебя
сквозь пламя мыслей,

To meet me in the abyss and on
the heights,
To feel me in the tempest and the
calm,
And love me in the noble and the
vile,
In beautiful things and terrible
desire.
The pains of hell shall be to thee
my kiss,
The flowers of heaven persuade
thee with my touch.
My fiercest masks shall my
attractions bring.

Music shall find thee in the voice
of swords,
Beauty pursue thee through the
core of flame.
Thou shalt know me in the rolling
of the spheres
And cross me in the atoms of the
whirl.

The wheeling forces of my
universe
Shall cry to thee the summons of
my name.
Delight shall drop down from my
nectarous moon,
My fragrance seize thee in the
jasmine's snare,
My eye shall look upon thee from
the sun.
Mirror of Nature's secret spirit
made,
Thou shalt reflect my hidden heart
of joy,
Thou shalt drink down my
sweetness unalloyed
In my pure lotus-cup of starry
brim.

Чтоб повстречать меня
и в бездне, и на высших пиках,
Чтоб ощутить меня
и в потрясении, и в тишине,
Любить меня
и в благородном, и в дурном,
В прекраснейших вещах,
и в ужасающем желании.
И муки ада станут для тебя
моими поцелуями,
Цветы небес начнут упрашивать
тебя моим прикосновением.
И самые мои свирепые,
безжалостные маски
будут лишь тянуть тебя ко мне.
И даже в грохоте мечей
ты повстречаешь музыку,
И в сердце пламени
тебя догонит красота.
Ты станешь узнавать меня
в круженьи сфер,
И проходить через меня
в мельчайших атомах
того круговорота.
Огромное вращенье
сил моей вселенной
Тебя оглушит гимнами,
где будут воспевать меня.
С моей, похожей на нектар, луны,
вниз будет капать наслаждение,
Мой аромат тебя поймает
в западне жасмина,
Мой глаз посмотрит на тебя
из солнца.
Дух превратится в зеркало
секретов, тайн Природы,
Ты станешь отраженьем
моего скрываемого сердца радости,
Ты будешь пить до дна мою
ничем не разбавляемую сладость,
Из кубков чистых лотосов моих
со звёздами по краю.

My dreadful hands laid on thy bosom shall force
Thy being bathed in fiercest longing's streams.
Thou shalt discover the one and quivering note,
And cry, the harp of all my melodies,
And roll, my foaming wave in seas of love.
Even my disasters' clutch shall be to thee
The ordeal of my rapture's contrary shape:
In pain's self shall smile on thee my secret face:

Thou shalt bear my ruthless beauty unabridged
Amid the world's intolerable wrongs,
Trampled by the violent misdeeds of Time
Cry out to the ecstasy of my rapture's touch.
All beings shall be to thy life my emissaries;

Drawn to me on the bosom of thy friend,
Compelled to meet me in thy enemy's eyes,
My creatures shall demand me from thy heart.

Thou shalt not shrink from any brother soul.
Thou shalt be attracted helplessly to all.
Men seeing thee shall feel my hands of joy,
In sorrow's pangs feel steps of the world's delight,

Мои ужасные ладони,
лёгшие тебе на грудь, заставят
Всё существо твоё купаться
в струях жесточайшего желания.
И ты откроешь для себя
единую, трепещущую ноту,
И зов, и звуки арфы
всех моих мелодий,
И качку, и мою бурлящую волну
в морях любви.
И даже хватка бед моих, несчастий,
станет для тебя
Лишь испытанием
моей обратной стороны восторга,
И в самой сердцевине боли
улыбнётся для тебя
мой тайный лик:
Ты вынесешь мою
безжалостную красоту сполна
Средь нестерпимых
заблуждений мира
Растоптанная яростным
злодейством Времени,
Взывая об экстазе
моего касания восторга.
Все существа отныне станут
в жизни у тебя
моими эмиссарами;
Ко мне притянутые
на груди твоих друзей,
И вынужденные встречать меня
в глазах твоих врагов,
Мои создания отныне
будут требовать меня
из сердца твоего.
Ни от одной из этих братских душ
не уклонишься ты.
Тебя беспомощно начнёт
притягивать ко всем.
И люди, глядя на тебя,
почувствуют мои ладони радости,
И в муках боли смогут ощутить
шаги восторга мира,

Their life experience its
tumultuous shock
In the mutual craving of two
opposites.
Hearts touched by thy love shall
answer to my call,
Discover the ancient music of the
spheres
In the revealing accents of thy
voice
And nearer draw to me because
thou art:
Enamoured of thy spirit's
loveliness
They shall embrace my body in
thy soul,
Hear in thy life the beauty of my
laugh,
Know the thrilled bliss with which
I made the worlds.
All that thou hast, shall be for
others' bliss,
All that thou art, shall to my hands
belong.
I will pour delight from thee as
from a jar,
I will whirl thee as my chariot
through the ways,
I will use thee as my sword and as
my lyre,

I will play on thee my minstrelsies
of thought.

And when thou art vibrant with all
ecstasy,
And when thou liv'st one spirit
with all things,

Then will I spare thee not my
living fires,
But make thee a channel for my
timeless force.

И жизни испытают
беспорядочные шумные удары
Взаимного стремления
двух противоположностей.
Сердца, задетые касанием твоей любви,
ответят на мой зов,
Они откроют древнее звучанье
музыки тех сфер
В оттенках твоего
разоблачающего голоса,
И будет ближе их тянуть ко мне,
из-за того, что есть на свете ты:
Влюблённые в очарованье
духа твоего,
Они в твоей душе
моё обнимут тело,
Услышат через жизнь твою
мой удивительно прекрасный смех,
Узнают то вибрирующее блаженство,
с которым я творил миры.
Всё, чем ты обладаешь,
будет лишь для радости других,
Всё то, что есть в тебе,
я положу в мои ладони.
Я буду из тебя, как из кувшина,
лить восторг
Я буду мчать тебя
своею колесницей по дорогам,
Я буду действовать тобою
как своим мечом,
и как своею лирой,
Я буду на тебе играть
моими менестрелями
идей и мысли.
Когда ты станешь резонировать
с любым экстазом,
Когда ты станешь жить
со всем на свете, заодно,
в едином духе
Тогда не стану я щадить тебя,
спасая от моих живых огней,
А сделаю тебя каналом силы,
что вне времени.

My hidden presence led thee unknowing on
From thy beginning in earth's voiceless bosom
Through life and pain and time and will and death,
Through outer shocks and inner silences
Along the mystic roads of Space and Time
To the experience which all Nature hides.
Who hunts and seizes me, my captive grows:

This shalt thou henceforth learn from thy heart-beats.
For ever love, O beautiful slave of God!
O lasso of my rapture's widening noose,
Become my cord of universal love.
The spirit ensnared by thee force to delight
Of creation's oneness sweet and fathomless,
Compelled to embrace my myriad unities
And all my endless forms and divine souls.
O Mind, grow full of the eternal peace;
O Word, cry out the immortal litany:
Built is the golden tower, the flame-child born.

"Descend to life with him thy heart desires.
O Satyavan, O luminous Savitri,

Ведь скрытое присутствие моё
вело тебя, не знавшую об этом,
От самого начала,
в не имевшей голоса груди земли,
И через жизнь, и через боль,
и через время, и желание, и смерть,
И через внешние удары,
и по безмолвиям внутри,
И по мистическим дорогам
Времени-Пространства,
К тому переживанию,
которое скрывает вся Природа.
Те, кто преследуют меня,
и кто схватил меня —
становятся моими пленниками:
Отныне будешь ты учиться
у биенья собственного сердца.
Люби ж всегда, о ты,
прекрасная рабыня Бога!
О лассо для моей, летящий вширь,
петли восторга,
Пусть станешь ты моей струной
космической любви.
Дух, пойманный тобой,
заставит наслаждаться
Бездонным сладостным единством
моего творения,
Он вынудит обнять
мои неисчислимые объединения,
Мои все нескончаемые формы
и божественные души.
О Ум, стань полон до краёв
покоем вечности;
О Слово, зазвучи
бессмертной литанией:
Пусть будет выстроена золотая башня,
и родится сын огня.

"Спускайся к жизни вместе с тем,
кого твоё желает сердце.
О Сатьяван, о светлая Савитри,

I sent you forth of old beneath the stars,

A dual power of God in an ignorant world,
In a hedged creation shut from limitless self,

Bringing down God to the insentient globe,
Lifting earth-beings to immortality.
In the world of my knowledge and my ignorance
Where God is unseen and only is heard a Name
And knowledge is trapped in the boundaries of mind
And life is hauled in the drag-net of desire
And Matter hides the soul from its own sight,
You are my Force at work to uplift earth's fate,
My self that moves up the immense incline
Between the extremes of the spirit's night and day.
He is my soul that climbs from nescient Night

Through life and mind and supernature's Vast
To the supernal light of Timelessness
And my eternity hid in moving Time
And my boundlessness cut by the curve of Space.
It climbs to the greatness it has left behind

Вас посылаю дальше я
всего существовавшего
под звёздами,
Двойную силу Бога —
в мой невежественный мир,
В ограничение творения,
закрытого от беспредельного,
неограниченного "я",
Ту силу, что несёт вниз Бога
на бесчувственную землю,
И будет поднимать земные существа
к бессмертию.
И в мире знанья моего,
и в мире моего невежества,
Где Бог незрим
и только слышно Имя,
И знанье попадает в западню
ограничений мысли и ума,
А жизнь утаскивают
неводом желания,
И где Материя скрывает душу
от своих очей,
Вы будете моею действующей Силой,
поднимающей судьбу земли,
Тем "я", что движется
по необъятным склонам
Средь крайних проявлений
дня и ночи духа.
Он, Сатьяван — моя душа,
которая восходит
из незнания Ночи,
И через жизнь, и через ум,
и через Необъятность сверхприроды
Всё выше поднимается
в небесный свет Вневременья,
Восходит к вечности моей,
скрываемой в движеньи Времени,
И к безграничности моей,
урезанной кривой Пространства.
Она[1] взбирается к величию,
которое осталось позади,

[1] душа, *прим. пер.*

And to the beauty and joy from which it fell,

To the closeness and sweetness of all things divine,
To light without bounds and life illimitable,
Taste of the depths of the Ineffable's bliss,
Touch of the immortal and the infinite.
He is my soul that gropes out of the beast

To reach humanity's heights of lucent thought

And the vicinity of Truth's sublime.
He is the godhead growing in human lives
And in the body of earth-being's forms:
He is the soul of man climbing to God
In Nature's surge out of earth's ignorance.
O Savitri, thou art my spirit's Power,
The revealing voice of my immortal Word,
The face of Truth upon the roads of Time
Pointing to the souls of men the routes to God.
While the dim light from the veiled Spirit's peak
Falls upon Matter's stark inconscient sleep
As if a pale moonbeam on a dense glade,
And Mind in a half-light moves amid half-truths

И к красоте, и к радости,
и к наслажденью,
из которых пала,
И к близости, и к сладости
всего божественного,
И к свету без границ,
и к беспредельной жизни,
И к вкусу глубины
блаженств Невыразимого,
К касанию бессмертного
и бесконечного.
Он — та моя душа,
что ищет выход, ощупью,
из зверя,
Чтобы достичь высот
прозрачной, ясной
мысли человека,
И тесной близости
к величью Истины.
Он — божество, что прорастает
в жизнях у людей,
И через формы тел
земных существ:
Он — та душа,
которая восходит к Богу
Выходит из невежества земли
средь волн Природы.
А ты, Савитри —
Сила духа моего,
Ты голос моего бессмертного,
разоблачающего Слова
Лик Истины на многочисленных
дорогах Времени,
Что человеческой душе
указывает на маршруты к Богу.
Пока неясный свет с вершин
покрытого завесой Духа
Спускается на бессознательный,
окоченевший сон Материи,
Как бледный лунный луч
в густые заросли,
Пока Ум в полусвете
движется средь полуистин,

And the human heart knows only
human love
And life is a stumbling and
imperfect force
And the body counts out its
precarious days,
You shall be born into man's
dubious hours
In forms that hide the soul's
divinity
And show through veils of the
earth's doubting air
My glory breaking as through
clouds a sun,
Or burning like a rare and inward
fire,
And with my nameless influence
fill men's lives.
Yet shall they look up as to peaks
of God

And feel God like a
circumambient air
And rest on God as on a
motionless base.
Yet shall there glow on mind like
a horned moon
The Spirit's crescent splendour in
pale skies

And light man's life upon his
Godward road.
But more there is concealed in
God's Beyond
That shall one day reveal its
hidden face.
Now mind is all and its uncertain
ray,

Mind is the leader of the body and
life,
Mind the thought-driven chariot of
the soul

И человеческое сердце
знает лишь о человеческой любви,
И жизнь — несовершенная
и ковыляющая сила,
И тело не осознаёт
насколько ненадёжны дни,
Ты будешь продолжать рождаться
в колеблющемся времени людей,
В обличиях, скрывающих
божественность души,
Показывать через вуаль
земного воздуха сомнения
Моё великолепие, что пробивается
как солнце через облака,
Или горит, как редкий
внутренний огонь,
И всем моим неописуемым влияньем
будешь наполнять людские жизни,
Пока они, в конце концов,
не взглянут вверх,
на горные вершины Бога,
И не почувствуют Его
как окружающую атмосферу,
Не отдохнут на Боге
как на неподвижном основании.
Наступит час, когда ум засияет
как новорождённый месяц,
Как полумесяц роскоши,
великолепья духа
в бледных небесах,
И озарит жизнь человека
на его пути, ведущем к Богу.
Но большая часть этого сокрыта
в Запредельности Всевышнего
Чтобы однажды проявить
его незримый, тайный лик.
Сейчас же ум
и ненадёжный луч его —
для человека всё,
Сейчас ум главный
и для тела, и для жизни,
Ум — управляемая мыслью
колесница для души,

Carrying the luminous wanderer
in the night
To vistas of a far uncertain dawn,

To the end of the Spirit's
fathomless desire,
To its dream of absolute truth and
utter bliss.
There are greater destinies mind
cannot surmise
Fixed on the summit of the
evolving Path
The Traveller now treads in the
Ignorance,
Unaware of his next step, not
knowing his goal.
Mind is not all his tireless climb
can reach,

There is a fire on the apex of the
worlds,
There is a house of the Eternal's
light,
There is an infinite truth, an
absolute power.
The Spirit's mightiness shall cast
off its mask;
Its greatness shall be felt shaping
the world's course:
It shall be seen in its own veilless
beams,
A star rising from the
Inconscient's night,

A sun climbing to Supernature's
peak.
Abandoning the dubious middle
Way,
A few shall glimpse the
miraculous Origin
And some shall feel in you the
secret Force

Несущая светящегося странника
сквозь ночь
К широкому простору
зыбкого далёкого рассвета,
И к воплощению
бездонного желанья Духа,
К его мечте об абсолютной истине,
и к высшему блаженству.
Есть более великие предназначенья
у ума, о чём он не подозревает
На высшей точке
медленно идущего Пути,
Они ждут Путника,
идущего сейчас в Невежестве,
Не зная ни очередного шага,
ни своей конечной цели.
Ум — далеко не всё,
к чему, неутомимо поднимаясь,
может он добраться,
Там, на вершине всех миров,
горит огонь,
Там — дом
для света Вечного,
Там — бесконечность истины
и абсолютное могущество.
И там мощь Духа
сбросит маску, наконец;
Его величье станет ощутимым,
направляя курс вселенной:
И сам он станет видимым в своих лучах,
открывшихся для взгляда,
Как некая звезда,
что поднимается
из ночи Несознания,
Как солнце, что восходит
к пику Сверхприроды.
Покинув свой сомнительный
срединный Путь,
Немногие мельком увидят
чудодейственный Источник,
И кто-то ощутит в тебе
таинственную Силу,

And they shall turn to meet a nameless tread,
Adventurers into a mightier Day.

Ascending out of the limiting breadths of mind,
They shall discover the world's huge design
And step into the Truth, the Right, the Vast.
You shall reveal to them the hidden eternities,
The breath of infinitudes not yet revealed,
Some rapture of the bliss that made the world,
Some rush of the force of God's omnipotence,
Some beam of the omniscient Mystery.
But when the hour of the Divine draws near
The Mighty Mother shall take birth in Time
And God be born into the human clay
In forms made ready by your human lives.
Then shall the Truth supreme be given to men:
There is a being beyond the being of mind,
An Immeasurable cast into many forms,
A miracle of the multitudinous One,
There is a consciousness mind cannot touch,
Its speech cannot utter nor its thought reveal.
It has no home on earth, no centre in man,

И повернётся, чтобы встретиться
с неописуемою поступью
Рискованных искателей
в ином, могущественном Дне.
Они поднимутся
из ограниченного виденья ума,
Откроют для себя
гигантский замысел вселенной,
И сделают шаг в Истину,
Простор и Справедливость.
Ты приоткроешь им невидимые,
спрятанные вечности,
Дыхание ещё пока что неоткрытых
бесконечностей,
И ощущение восторга от блаженства,
сотворившего вселенную,
Какой-то натиск силы
всемогущества Всевышнего,
Какой-то луч
всезнающей Мистерии.
Когда же час Божественного
станет ближе,
Могучая Божественная Мать
пройдёт через рождение во Времени,
И Бог родится
в прахе человека,
В обличьях, подготовленных
твоими человеческими жизнями.
Тогда получит человек
дар наивысшей Истины:
Возникнет существо,
превосходящее любое существо ума,
То будет сам Неизмеримый,
брошенный во множество обличий,
И чудо многогранного,
неисчислимого Единого,
Появится сознанье
недоступное касанию ума,
Его словами не опишешь,
не раскроешь мыслью,
Нет у него ни дома на земле,
ни центра в человеке,

Yet is the source of all things
thought and done,

The fount of the creation and its
works,
It is the origin of all truth here,

The sun-orb of mind's fragmentary
rays,
Infinity's heaven that spills the
rain of God,

The Immense that calls to man to
expand the Spirit,

The wide Aim that justifies his
narrow attempts,

A channel for the little he tastes of
bliss.
Some shall be made the glory's
receptacles
And vehicles of the Eternal's
luminous power.
These are the high forerunners, the
heads of Time,

The great deliverers of
earth-bound mind,
The high transfigurers of human
clay,
The first-born of a new supernal
race.
The incarnate dual Power shall
open God's door,
Eternal supermind touch earthly
Time.
The superman shall wake in
mortal man
And manifest the hidden demigod

Or grow into the God-Light and
God-Force

И всё ж оно — начало для всего
что существует в мыслях
или сделано,
Источник этого творенья
и его работ,
Первопричина для всех истин
в этом мире,
Оно подобно солнечной орбите
для разрозненных лучей ума,
И небу Бесконечности,
что проливается
дождём Божественного,
Оно и та Безмерность,
что зовёт людей
раскинуть крылья Духа,
И та большая Цель,
которая оправдывает
узкие его попытки,
Канал той малости, что он
отведал от блаженства.
Кому-то надо стать
сосудами великолепия,
Проводниками озарённой
силы Вечного.
И будут для людей они
высокими предвестниками,
лидерами Времени,
Великими освободителями
связанных землёй умов,
Возвышенными преобразователями
праха человека,
И первенцами
новой высшей расы.
Двойная воплотившаяся Сила
отворит дверь Бога,
Сверхразум Вечного коснётся
нашего, земного Времени.
Сверхчеловек проснётся
в смертном человеке,
И явит миру
спрятанного полубога,
Или поднимется до Бога-Света
и до Бога-Силы,

Revealing the secret deity in the cave.
Then shall the earth be touched by the Supreme,
His bright unveiled Transcendence shall illumine
The mind and heart and force the life and act
To interpret his inexpressible mystery
In a heavenly alphabet of Divinity's signs.
His living cosmic spirit shall enring,
Annulling the decree of death and pain,
Erasing the formulas of the Ignorance,
With the deep meaning of beauty and life's hid sense,
The being ready for immortality,

His regard crossing infinity's mystic waves
Bring back to Nature her early joy to live,
The metred heart-beats of a lost delight,
The cry of a forgotten ecstasy,
The dance of the first world-creating Bliss.
The Immanent shall be the witness God
Watching on his many-petalled lotus-throne

His actionless being and his silent might
Ruling earth-nature by eternity's law,
A thinker waking the Inconscient's world,

Разоблачая тайное,
невидимое божество в укрытии.
Тогда земля почувствует
касанье Высшего,
Его открытая живая Трансцендентность
озарит
И ум, и сердце,
и дела, и силу жизни,
Стремясь перевести
его невыразимую мистерию
В небесный алфавит
из символов Божественности.
Его живой вселенский дух
со всех сторон окружит,
Своё распоряжение
о смерти и страданьи отменяя,
Стирая напрочь
формулы Невежества,
Глубоким пониманьем красоты
и скрытых смыслов жизни
То существо,
готовое к бессмертию,
И взгляд его пронзит
мистические волны бесконечности,
И заново вернёт Природе
радость жизни, что была в начале,
Размеренный сердечный пульс
утраченного наслаждения,
Зов позабытого экстаза,
И танец первого,
творящего миры Блаженства.
Сам Имманентный станет
наблюдающим всё Богом,
Взирающим со своего
возвышенного трона-лотоса
из многих лепестков,
Из своего безмолвного могущества
и бытия, не вовлекаемого в действие,
Земной природой управляя
с помощью закона вечности,
Мыслителем, что пробуждает
весь мир Несознания,

An immobile centre of many infinitudes
In his thousand-pillared temple by Time's sea.

Then shall the embodied being live as one
Who is a thought, a will of the Divine,
A mask or robe of his divinity,

An instrument and partner of his Force,
A point or line drawn in the infinite,
A manifest of the Imperishable.
The supermind shall be his nature's fount,
The Eternal's truth shall mould his thoughts and acts,

The Eternal's truth shall be his light and guide.

All then shall change, a magic order come
Overtopping this mechanical universe.
A mightier race shall inhabit the mortal's world.

On Nature's luminous tops, on the Spirit's ground,
The superman shall reign as king of life,
Make earth almost the mate and peer of heaven,

And lead towards God and truth man's ignorant heart
And lift towards godhead his mortality.

И неподвижным центром
многих бесконечностей,
В своём небесном храме
с тысячью колонн
у моря Времени.
Тогда-то, воплотившееся существо
начнёт жить в мире,
И станет мыслью
и намереньем Божественного,
Как маска или одеяние
его божественности,
Как инструмент
и как партнёр его Могущества,
Как точка или линия,
прочерченная в бесконечности,
Как проявление Непреходящего.
Сверхразум станет для него
источником его природы,
И истиною Вечного
начнут формироваться
мысли и дела его,
И правда Вечного
отныне станет для него
проводником и светом.
Всё переменится тогда,
придёт магический порядок,
Превосходящий эту
механичную вселенную.
И будет в смертном мире
жить другая раса,
более могучая.
На светлых пиках гор Природы,
и на почве Духа
Появится сверхчеловек,
и будет править как царь жизни,
Он землю сделает
почти своим товарищем
и ровней небесам,
Направит к истине и Богу
не знающее сердце человека,
До божества поднимет
смертное его существование.

A power released from
circumscribing bounds,
Its height pushed up beyond
death's hungry reach,
Life's tops shall flame with the
Immortal's thoughts,
Light shall invade the darkness of
its base.
Then in the process of evolving
Time
All shall be drawn into a single
plan,
A divine harmony shall be earth's
law,
Beauty and joy remould her way
to live:
Even the body shall remember
God,
Nature shall draw back from
mortality
And Spirit's fires shall guide the
earth's blind force;
Knowledge shall bring into the
aspirant Thought
A high proximity to Truth and
God.
The supermind shall claim the
world for Light
And thrill with love of God the
enamoured heart
And place Light's crown on
Nature's lifted head
And found Light's reign on her
unshaking base.

A greater truth than earth's shall
roof-in earth
And shed its sunlight on the roads
of mind;
A power infallible shall lead the
thought,
A seeing Puissance govern life
and act,

Из ограничивавших уз
освободится сила,
Её высоты вытолкнут
пространство жадной смерти прочь,
Вершины жизни вспыхнут
мыслями Бессмертного,
И свет охватит темноту
своей основы.
Затем, в процессе
разворачиванья Времени,
Всё будет втянуто
в единый план,
Гармония божественного
станет для земли законом,
А красота и радость перестроят
образ жизни на земле:
Отныне даже тело
будет помнить Бога,
Природа отодвинется назад
из смертных человеческих существ,
И пламя Духа будет направлять
земли слепую силу;
В стремленье Мысли
знание внесёт
Высокое соседство
с Истиной и Богом.
Сверхразум станет требовать
весь мир для Света
И затрепещет очарованное сердце
от любви к Всевышнему,
И водрузит корону Света
на поднявшуюся голову Природы,
И обоснует царство Света
на её надёжном,
непоколебимом основании.
Другая, более возвышенная истина
накроет землю, словно крышей,
И светом солнечным своим
зальёт пути ума,
И безошибочная сила
поведёт мышленье за собой,
И видящее всё Могущество
начнёт влиять на действие и жизнь,

In earthly hearts kindle the
Immortal's fire.
A soul shall wake in the
Inconscient's house;
The mind shall be God-vision's
tabernacle,
The body intuition's instrument,

And life a channel for God's
visible power.
All earth shall be the Spirit's
manifest home,
Hidden no more by the body and
the life,
Hidden no more by the mind's
ignorance;
An unerring Hand shall shape
event and act.
The Spirit's eyes shall look
through Nature's eyes,
The Spirit's force shall occupy
Nature's force.
This world shall be God's visible
garden-house,
The earth shall be a field and
camp of God,
Man shall forget consent to
mortality

And his embodied frail
impermanence.
This universe shall unseal its
occult sense,
Creation's process change its
antique front,
An ignorant evolution's hierarchy

Release the Wisdom chained
below its base.

The Spirit shall be the master of
his world

И зажигать в земных сердцах
огонь Бессмертного.
Душа проснётся
в доме Несознания;
Шатром Божественного видения
станет ум,
И тело обернётся
инструментом интуиции,
А жизнь — каналом
зримой силы Бога.
Так станет вся земля
проявленным жилищем Духа,
Что больше не скрывается
за телом или жизнью
Что больше не скрывается
невежеством ума;
И будет безошибочная, верная Рука
формировать событие и действие.
Взгляд Духа будет видеть
через взгляд Природы,
И сила Духа завладеет
силою Природы.
Мир этот станет зримым
домом-садом Бога,
Земля вся — полем действия
и лагерем для Бога,
И человек забудет
про своё согласие
со смертным состоянием,
Про воплощенье
хрупкой мимолётности.
Вселенная ему раскроет
свой оккультный смысл,
Развитие творенья переделает её,
оставшийся от древности, фасад,
Иерархичность
эволюции невежества
Освободит ту Мудрость,
что в цепях лежала
под её основой.
Дух станет господином
собственного мира,

Lurking no more in form's obscurity
And Nature shall reverse her action's rule,
The outward world disclose the Truth it veils;
All things shall manifest the covert God,
All shall reveal the Spirit's light and might
And move to its destiny of felicity.
Even should a hostile force cling to its reign
And claim its right's perpetual sovereignty
And man refuse his high spiritual fate,
Yet shall the secret Truth in things prevail.

For in the march of all-fulfilling Time
The hour must come of the Transcendent's will:
All turns and winds towards his predestined ends
In Nature's fixed inevitable course

Decreed since the beginning of the worlds
In the deep essence of created things:
Even there shall come as a high crown of all

The end of Death, the death of Ignorance.
But first high Truth must set her feet on earth
And man aspire to the Eternal's light

Не прячась больше
за неясной темнотою формы,
Природа, наконец, отменит
царство собственного действия,
И внешний мир раскроет Истину,
которую скрывал;
Все вещи станут проявленьем
скрытого в них Бога,
Всё будет обнаруживать в себе
и свет, и силу Духа,
Шагая к счастью —
своему предназначению.
И даже злые силы захотят
соединиться с этим царством,
И станут предъявлять претензии
на право вечной независимости,
И чтобы людям отказали в их
высокой и божественной судьбе,
Но всё же тайная,
невидимая Истина во всём
восторжествует.
И в марше всё на свете
исполняющего Времени
Когда-нибудь придёт
час воли Трансцендентного:
Всё повернётся и откроется
к своим предназначениям
В предустановленном и неизменном
направлении Природы,
Что было задано
с начала всех миров
В глубокой сути
сотворённого,
И более того —
придёт возвышенный венец
для всех вещей на свете —
Конец для Смерти,
смерть Невежества.
Но поначалу, та возвышенная Истина
должна поставить ноги на земле,
А человек — начать стремиться
к свету Вечного,

And all his members feel the Spirit's touch
And all his life obey an inner Force.

This too shall be; for a new life shall come,

A body of the Superconscient's truth,
A native field of Supernature's mights:
It shall make earth's nescient ground Truth's colony,
Make even the Ignorance a transparent robe

Through which shall shine the brilliant limbs of Truth
And Truth shall be a sun on Nature's head

And Truth shall be the guide of Nature's steps
And Truth shall gaze out of her nether deeps.
When superman is born as Nature's king

His presence shall transfigure Matter's world:
He shall light up Truth's fire in Nature's night,
He shall lay upon the earth Truth's greater law;
Man too shall turn towards the Spirit's call.
Awake to his hidden possibility,

Awake to all that slept within his heart

Все части в нём —
почувствовать касанье Духа,
И вся жизнь человека —
подчиниться внутренней
незримой Силе.
Всё это тоже будет;
потому что новая,
иная жизнь придёт,
Основа правды
Сверхсознания,
Родное поле для
могуществ Сверхприроды,
И превратит незнающую почву на земле
в колонию небесной Истины,
И даже из Невежества
она сумеет сотворить
прозрачные одежды,
Через которое начнёт сиять
сверкающее тело Истины,
И станет Истина светить
с вершин Природы,
словно солнце,
И станет Истина руководителем
шагов Природы,
И станет Истина смотреть
из самой низшей глубины.
Когда сверхчеловек
родится на земле
царём Природы,
Его присутствие преобразит
весь мир Материи:
Он Истины огонь
зажжёт в ночи Природы,
Он установит на земле иные,
более высокие законы Истины;
Обычный человек сумеет
тоже повернуться к зову Духа.
Проснувшись к скрытым
собственным возможностям,
Проснувшись ко всему,
что спало в сердце у него,

And all that Nature meant when earth was formed

And the Spirit made this ignorant world his home,

He shall aspire to Truth and God and Bliss.
Interpreter of a diviner law

And instrument of a supreme design,
The higher kind shall lean to lift up man.
Man shall desire to climb to his own heights.
The truth above shall wake a nether truth,
Even the dumb earth become a sentient force.
The Spirit's tops and Nature's base shall draw
Near to the secret of their separate truth
And know each other as one deity.

The Spirit shall look out through Matter's gaze
And Matter shall reveal the Spirit's face.
Then man and superman shall be at one

And all the earth become a single life.
Even the multitude shall hear the Voice
And turn to commune with the Spirit within
And strive to obey the high spiritual law:
This earth shall stir with impulses sublime,

Ко всем вещам, которые Природа
наметила ещё во времена
творения земли,
Когда Дух превращал
невежественный мир
в свой дом,
Он устремится к Истине,
к Блаженству, к Богу.
Как толкователь
более божественных законов,
Как инструмент
высокого намеренья,
Другой, высокий вид склонится,
чтобы поднимать вверх человека.
Тогда захочет человек
добраться до своих высот.
Та истина, что выше,
разбудит истину, что ниже,
И даже молчаливая земля
отныне станет чувствующей силой.
Так основание Природы
и вершины Духа
Притянутся и станут ближе
к их тайне разделённой истины,
И, наконец, узнают, что они —
одно и тоже божество.
И Дух начнёт смотреть
сквозь взгляд Материи,
Материя начнёт показывать
обличье Духа.
Тогда сверхчеловек
с обычным человеком
станут заодно,
И станет вся земля
единой жизнью.
И множество людей
услышат Голос,
И повернутся к разговору с Духом
у себя внутри,
И пожелают подчинить себя
высокому духовному закону:
Тогда планета эта станет двигаться
высоким побуждением,

Humanity awake to deepest self,
Nature the hidden godhead recognise.
Even the many shall some answer make
And bear the splendour of the Divine's rush
And his impetuous knock at unseen doors.
A heavenlier passion shall upheave men's lives,
Their mind shall share in the ineffable gleam,
Their heart shall feel the ecstasy and the fire.
Earth's bodies shall be conscious of a soul;
Mortality's bondslaves shall unloose their bonds,
Mere men into spiritual beings grow
And see awake the dumb divinity.
Intuitive beams shall touch the nature's peaks,
A revelation stir the nature's depths;
The Truth shall be the leader of their lives,
Truth shall dictate their thought and speech and act,
They shall feel themselves lifted nearer to the sky,
As if a little lower than the gods.
For knowledge shall pour down in radiant streams
And even darkened mind quiver with new life

И человечество начнёт осознавать
своё "я" в самой глубине,
И распознает доселе скрываемое
божество Природа.
И многие на это всё
дадут какой-то свой ответ,
Выдерживая роскошь
натиска Божественного,
И пылкий стук его
в невидимые двери.
Страсть устремленья к небесам
поднимет жизнь людей,
Их ум вберёт в себя
сверкание невыразимого,
Их сердце сможет ощутить
экстаз и пламя.
Тела людей начнут осознавать
в глубинах собственную душу,
Раб смерти, наконец,
развяжет собственные узы,
Обычный человек
поднимется и станет
одухотворённым существом,
И сможет видеть пробуждение
немой божественности.
Свет интуиции коснётся
высших уровней природы,
А в глубине её
встряхнётся откровение;
Так Истина начнёт
вести их жизни,
И станет диктовать
их мысли, речи и дела,
Они почувствуют себя
приподнятыми,
ближе к небесам,
И лишь немного ниже
уровнем богов.
И знание польётся вниз
лучистыми потоками,
И даже затемнённые умы
начнут вибрировать
синхронно с новой жизнью,

And kindle and burn with the Ideal's fire
And turn to escape from mortal ignorance.
The frontiers of the Ignorance shall recede,
More and more souls shall enter into light,
Minds lit, inspired, the occult summoner hear

Воспламенятся и начнут гореть
огнями Идеала,
И повернутся чтоб уйти
из смертного незнания.
Всё дальше будут отступать
границы их Невежества,
Всё больше, больше душ
войдёт в тот свет,
Умы их станут
озарёнными и вдохновлёнными,
Они услышат скрытого,
оккультного глашатая,

And lives blaze with a sudden inner flame
And hearts grow enamoured of divine delight
And human wills tune to the divine will,
These separate selves the Spirit's oneness feel,
These senses of heavenly sense grow capable,
The flesh and nerves of a strange ethereal joy
And mortal bodies of immortality.
A divine force shall flow through tissue and cell
And take the charge of breath and speech and act
And all the thoughts shall be a glow of suns
And every feeling a celestial thrill.

Их жизни засверкают
внутреннем огнём,
Сердца их будут очарованы
божественным восторгом,
И воля в людях станет сонастроена
с божественною волей.
Те "я", которые сейчас разделены,
почувствуют единство Духа,
И чувства их откроются
божественному чувству,
Плоть с нервами —
неведомой эфирной радости,
А смертные тела — бессмертию.
Божественная сила потечёт
по клеткам и по тканям,
И на себя возьмёт всю ношу
речи, действия, дыхания,
Все мысли превратятся
в яркое сверканье солнц,
Любое ощущение —
в небесную вибрацию.

Often a lustrous inner dawn shall come
Lighting the chambers of the slumbering mind;
A sudden bliss shall run through every limb
And Nature with a mightier Presence fill.
Thus shall the earth open to divinity

Всё чаще станет приходить
сверканье внутренней зари
И освещать палаты
дремлющих умов;
Внезапное блаженство
побежит по каждой части тела,
Могучее Присутствие
наполнит всю Природу.
Вот так земля откроется
божественной природе,

And common natures feel the wide uplift,
Illumine common acts with the Spirit's ray
And meet the deity in common things.
Nature shall live to manifest secret God,

The Spirit shall take up the human play,
This earthly life become the life divine."

И существа с обычною природой
почувствуют широкую поддержку,
Обычные дела их
озарятся светом Духа,
И встретят божество
среди обыденных вещей.
Природа станет жить,
чтоб обнаружить
тайного Всевышнего,
Дух примет под своё начало
человеческое действо,
И жизнь земная превратится
в жизнь божественную."

The measure of that subtle music ceased.
Down with a hurried swimming floating lapse
Through unseen worlds and bottomless spaces forced

Sank like a star the soul of Savitri.

Amidst a laughter of unearthly lyres
She heard around her nameless voices cry
Triumphing, an innumerable sound.
A choir of rushing winds to meet her came.
She bore the burden of infinity
And felt the stir of all ethereal space.
Pursuing her in her fall, implacably sweet,
A face was over her which seemed a youth's,
Symbol of all the beauty eyes see not,
Crowned as with peacock plumes of gorgeous hue

Ритм этой тонкой музыки
стал замолкать и стих.
Вниз, в быстро уплывающем
и тянущем падении,
Через незримые миры,
бездонные пространства
пронесясь,
Слетела как звезда,
душа Савитри.
Средь смеха неземных,
чудесных лир
Она услышала вокруг себя
зов неизвестных голосов,
Ликующих
в неисчислимых звуках.
Хоры стремительных ветров
летели ей навстречу.
Она несла груз бесконечности
И ощущала оживление
всего эфирного пространства.
Преследуя её в падении,
неумолимо нежное
Над нею виделось лицо,
которое казалось юным ликом
И символом всей красоты,
невидимой для глаз,
С короной, словно из павлиньих перьев,
удивительных оттенков,

Framing a sapphire, whose
heart-disturbing smile
Insatiably attracted to delight,
Voluptuous to the embraces of her
soul.
Changed in its shape, yet
rapturously the same,

It grew a woman's dark and
beautiful
Like a mooned night with drifting
star-gemmed clouds,

A shadowy glory and a stormy
depth,
Turbulent in will and terrible in
love.
Eyes in which Nature's blind
ecstatic life
Sprang from some spirit's
passionate content,
Missioned her to the whirling
dance of earth.
Amidst the headlong rapture of
her fall
Held like a bird in a child's
satisfied hands,
In an enamoured grasp her spirit
strove
Admitting no release till Time
should end,
And, as the fruit of the mysterious
joy,
She kept within her strong
embosoming soul
Like a flower hidden in the heart
of spring
The soul of Satyavan drawn down
by her
Inextricably in that mighty lapse.

Invisible heavens in a thronging
flight

Пылающее как сапфир;
его улыбка волновала сердце,
Тянула к ненасытному восторгу,
И в сладострастные
объятия её души.
Переменившись в облике,
но продолжая быть
восторженным как прежде,
Оно ей виделось прекрасным,
тёмным женским ликом,
Подобным лунной ночи
средь плывущих облаков
и драгоценных звёзд,
Наполненное мрачной славой
и глубинами штормов,
Ужасное в любви,
и с непокорной волей.
И взгляд, в котором безрассудная
и экстатическая жизнь Природы
Выскакивала родником из
страстного согласья духа,
Послал её к земле,
к её кружащемуся танцу.
Среди неудержимого восторга
своего падения,
Держа, как птицу
в радостных руках ребёнка,
И во влюблённой хватке
собственного духа, что боролся,
Не соглашаясь отпустить,
пока не вышло Время,
И, словно плод
непостижимой радости,
Она держала в сильной
обнимающей душе,
Как будто это был цветок,
сокрытый в сердце у весны,
Другую душу — душу Сатьявана,
неразрывно связанную с ней,
И увлекала вниз её
в могучем собственном падении.
Невидимые небеса
в том переполненном полёте,

Soared past her as she fell. Then all the blind
And near attraction of the earth compelled
Fearful rapidities of downward bliss.
Lost in the giddy proneness of that speed,
Whirled, sinking, overcome she disappeared,
Like a leaf spinning from the tree of heaven,
In broad unconsciousness as in a pool;
A hospitable softness drew her in

Into a wonder of miraculous depths,
Above her closed a darkness of great wings
And she was buried in a mother's breast.

Then from a timeless plane that watches Time,
A Spirit gazed out upon destiny,

In its endless moment saw the ages pass.
All still was in a silence of the gods.
The prophet moment covered limitless Space
And cast into the heart of hurrying Time
A diamond light of the Eternal's peace,
A crimson seed of God's felicity;

A glance from the gaze fell of undying Love.
A wonderful face looked out with deathless eyes;

Пока она снижалась,
пролетали мимо.
Затем всё притяжение земли,
слепое, близкое,
Наполнилось ужасной быстротой
вниз устремлённого блаженства.
Теряясь в головокружительном пике
той скорости,
Кружась и падая, она,
вся обессиленная, растворилась,
Как лист, слетевший
с дерева небес,
В широком несознании
как в омуте;
И вот — гостеприимная
земная мягкость
Её втянула в чудо
удивительных глубин,
Над ней сомкнулась темнота
великих крыльев,
Она зарылась с головой
на материнской ласковой груди.

А после, из вневременного плана,
наблюдающего Время,
Дух посмотрел
на ход её судьбы,
И в это бесконечное мгновение
увидел ход веков.
Всё продолжало оставаться
средь безмолвия богов.
Мгновение пророчества накрыло
беспредельное Пространство
И бросило внутрь сердцевины
торопящегося Времени
Алмазный свет
покоя Вечного,
Малиновое семя
счастья Бога;
И блеск неумирающей Любви
сверкнул в том взоре.
Явилось чудное лицо
с бессмертным взглядом;

A hand was seen drawing the golden bars
That guard the imperishable secrecies.
A key turned in a mystic lock of Time.
But where the silence of the gods had passed,
A greater harmony from the stillness born
Surprised with joy and sweetness yearning hearts,
An ecstasy and a laughter and a cry.
A power leaned down, a happiness found its home.
Over wide earth brooded the infinite bliss.

End of Canto One
End of Book Eleven

Была видна рука,
что открывала золотой засов,
Хранящий за собой
бессмертные секреты.
Ключ повернулся и открылся
Времени мистический замок.
А там, где уходило прочь
безмолвие богов,
Из тишины рождалась
величайшая гармония,
Что поражала устремлённые сердца
и радостью, и сладостью,
Экстазом, громким смехом
и призывом.
Могущество спустилось вниз,
и счастье обрело жилище.
И над широкою землею распростёрлось
бесконечное блаженство.

Конец первой песни
Конец одинадцатой книги

Book Twelve
EPILOGUE

Epilogue
THE RETURN TO EARTH

Out of abysmal trance her spirit woke.
Lain on the earth-mother's calm inconscient breast
She saw the green-clad branches lean above
Guarding her sleep with their enchanted life,

And overhead a blue-winged ecstasy
Fluttered from bough to bough with high-pitched call.
Into the magic secrecy of the woods
Peering through an emerald lattice-window of leaves,
In indolent skies reclined, the thinning day
Turned to its slow fall into evening's peace.
She pressed the living body of Satyavan:
On her body's wordless joy to be and breathe
She bore the blissful burden of his head
Between her breasts' warm labour of delight,
The waking gladness of her members felt

Книга Двенадцатая
ЭПИЛОГ

Эпилог
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Из бездны транса
просыпался дух её[1].
И лёжа на спокойной, материнской
бессознательной груди земли
Она увидела зелёное убранство
веток над собой,
Которые, склонившись,
охраняли сон её
своей волшебной жизнью,
А над своею головой —
экстаз на синих крыльях,
Порхавший по ветвям
со звонким криком.
В магическое таинство лесов
Проглядывая через изумрудные,
завешенные листьями просветы,
Откинувшись в ленивых небесах,
редевший день
Неторопливо угасая,
шёл к вечернему покою.
Живое тело Сатьявана
слегка давило на неё:
В телесной молчаливой радости
дышать и быть
Она держала голову его
блаженным грузом
Между грудей, окутав
тёплою заботой наслажденья,
И просыпавшаяся радость
её членов ощутила

[1] Савитри, *прим. пер.*

The weight of heaven in his limbs, a touch
Summing the whole felicity of things,
And all her life was conscious of his life
And all her being rejoiced enfolding his.
The immense remoteness of her trance had passed;
Human she was once more, earth's Savitri,
Yet felt in her illimitable change.

A power dwelt in her soul too great for earth,
A bliss lived in her heart too large for heaven;
Light too intense for thought and love too boundless
For earth's emotions lit her skies of mind

And spread through her deep and happy seas of soul.
All that is sacred in the world drew near
To her divine passivity of mood.

A marvellous voice of silence breathed its thoughts.
All things in Time and Space she had taken for hers;

In her they moved, by her they lived and were,

The whole wide world clung to her for delight,
Created for her rapt embrace of love.
Now in her spaceless self released from bounds

Небесный груз во всякой части тела
и прикосновение,
Вобравшее в себя
всё окружающее счастье;
Вся жизнь её
осознавала жизнь его,
Всё существо её окутало его
и наслаждалось.
Прошла её безмерная, неописуемая
отстранённость транса;
Она опять была земною,
человеческой Савитри,
Но всё же ощущала
беспредельность перемены.
В душе её отныне обитала сила,
чересчур большая для земли,
А в сердце у неё — блаженство,
слишком необъятное для неба;
Свет, слишком сильный,
чтобы думать, и любовь,
Что слишком безгранична
для земных эмоций,
заливали небеса её ума
И проникали сквозь глубокие,
счастливые моря её души.
И всё духовное вокруг
тянулось ближе
К божественной инертности
её настроя.
Чудесный голос тишины
жил в каждой мысли.
И всё что есть во Времени,
в Пространстве,
она воспринимала как себя;
Всё это двигалось внутри неё,
и ей благодаря
существовало, жило,
Весь необъятный мир
прильнул к ней в наслаждении,
Мир, созданный для
восхищённого её объятия любви.
Отныне внепространственному "я" её,
освобождённому от уз

Unnumbered years seemed
moments long drawn out,
The brilliant time-flakes of
eternity.
Outwingings of a bird from its
bright home,
Her earthly morns were radiant
flights of joy.
Boundless she was, a form of
infinity.
Absorbed no longer by the
moment's beat
Her spirit the unending future felt

And lived with all the
unbeginning past.
Her life was a dawn's victorious
opening,
The past and unborn days had
joined their dreams,
Old vanished eves and far arriving
noons
Hinted to her a vision of prescient
hours.
Supine in musing bliss she lay
awhile
Given to the wonder of a waking
trance;
Half-risen then she sent her gaze
around,
As if to recover old sweet trivial
threads,
Old happy thoughts, small
treasured memories,

And weave them into one
immortal day.
Ever she held on the paradise of
her breast

Her lover charmed into a
fathomless sleep,

Бесчисленные годы виделись
затянутым мгновением,
Сиявшими слоями времени,
что отделяются от вечности.
Летящие на крыльях,
словно птицы из сияющего дома,
Её земные утра были
лучезарными полётами веселья.
Она была безбрежной,
формой бесконечности.
Не поглощённый более
пульсацией мгновений,
Её дух ощущал просторы
бесконечного грядущего,
И жил со всем,
не знающим начала, прошлым.
Победоносными приходами рассвета
стала жизнь её,
Прошедшие и неродившиеся дни
объединяли в ней свои мечты,
А старые, исчезнувшие вечера и полдни,
приходящие издалека,
Несли намёк на откровение
предвидящих часов.
Она немного полежала в том ленивом,
размышляющем блаженстве
Отдавшись чуду
транса пробуждения;
Затем, наполовину приподнявшись,
осмотрела всё вокруг,
Как будто восстанавливая старые,
обычные и сладостные нити
Счастливых прежних мыслей,
и маленьких,
Но драгоценных, как сокровища,
воспоминаний,
Стремясь сплести из них
один бессмертный день.
Она по-прежнему держала
на своей груди,
в тех райских кущах,
Её любимого, пленённого
бездонным сном,

Lain like an infant spirit unaware
Lulled on the verge of two consenting worlds.
But soon she leaned down over her loved to call
His mind back to her with her travelling touch

On his closed eyelids; settled was her still look
Of strong delight, not yearning now, but large

With limitless joy or sovereign last content,

Pure, passionate with the passion of the gods.
Desire stirred not its wings; for all was made
An overarching of celestial rays

Like the absorbed control of sky on plain,

Heaven's leaning down to embrace from all sides earth,

A quiet rapture, a vast security.

Then sighing to her touch the soft-winged sleep
Rose hovering from his flowerlike lids and flew
Murmurous away. Awake, he found her eyes
Waiting for his, and felt her hands, and saw
The earth his home given back to him once more
And her made his again, his passion's all.

Лежавшего, как дух ребёнка,
ни о чём не зная,
Укачиваемый на грани между двух
согласных меж собой миров.
Но вот она склонилась
к своему любимому позвать,
Его ум возвратиться к ней,
от лёгкого касания
к его закрытым векам;
И к ней пришёл
его спокойный взгляд
Осознанного, ясного восторга,
сейчас уже не устремлённый,
а широкий,
И с беспредельной радостью,
и с высшим, окончательным
согласием,
Влюблённый, чистый взгляд,
со страстностью богов.
Желание не шевельнуло
крыльями;
Всё было сделано небесными лучами
в форме свода,
Что выглядело, словно небо
увлечённо исправляло
что-то на земле,
Как будто небеса склонились вниз,
стремясь обнять
со всех сторон планету
Спокойной радостью
и необъятною защитой.
Затем, вздохнув от этого касания,
сон с мягкими крылами
Поднялся, воспарив,
от век его похожих на цветы,
И с шелестом умчался прочь.
А он, проснувшись, встретился
С её глазами, ждущими его,
и ощутил её ладони,
Увидел землю, свой родимый дом,
ему ещё раз возвращённый,
Её, вновь ставшую его
и всем в его любви.

With his arms' encircling hold
around her locked,
A living knot to make possession
close,
He murmured with hesitating lips
her name,
And vaguely recollecting wonder
cried,
"Whence hast thou brought me
captive back, love-chained,
To thee and sunlight's walls, O
golden beam

And casket of all sweetness,
Savitri,

Godhead and woman, moonlight
of my soul?
For surely I have travelled in
strange worlds
By thee companioned, a pursuing
spirit,
Together we have disdained the
gates of night.
I have turned away from the
celestials' joy
And heaven's insufficient without
thee.
Where now has passed that
formidable Shape
Which rose against us, the Spirit
of the Void,
Claiming the world for Death and
Nothingness,
Denying God and soul? Or was all
a dream
Or a vision seen in a spiritual sleep,

A symbol of the oppositions of
Time
Or a mind-lit beacon of
significance

Его руками,
что вокруг неё обвились,
Замкнулся узел жизни,
сделав обладание теснее,
Он имя прошептал её,
слегка запнувшись,
И смутно собираясь с мыслями
и поражаясь, он вскричал —
"Откуда же вернула ты меня,
назад, как пленника,
Любовью, как цепями
приковав к себе
и к стенам солнечного света,
О золотистый луч,
шкатулка всех на свете сладостей,
Савитри,
И женщина, и божество,
и лунный свет моей души?
Ведь, несомненно, я блуждал
в неведомых мирах
С тобой, как спутницей,
и нас преследовавшим духом,
И вместе мы
пренебрегли вратами ночи.
Я отвернулся прочь
от радостей небес,
Те небеса меня
не привлекали без тебя.
Куда сейчас ушла
та грозная Фигура
Которая поднялась против нас,
Дух Пустоты,
Что требовал весь мир
для Смерти и Небытия,
Что отрицал и душу,
и Всевышнего?
Иль это было только грёзой,
видением в духовном сне,
Лишь символом
сопротивленья Времени,
Иль важным маячком,
что освещается умом

In some stress of darkness lighting on the Way
Or guiding a swimmer through the straits of Death,
Or finding with the succour of its ray
In a gully mid the crowded streets of Chance

The soul that into the world-adventure came,
A scout and voyager from Eternity?"

But she replied, "Our parting was the dream;

We are together, we live, O Satyavan.
Look round thee and behold, glad and unchanged
Our home, this forest with its thousand cries
And the whisper of the wind among the leaves
And, through rifts in emerald scene, the evening sky,

God's canopy of blue sheltering our lives,
And the birds crying for heart's happiness,
Winged poets of our solitary reign,
Our friends on earth where we are king and queen.

Only our souls have left Death's night behind,
Changed by a mighty dream's reality,

В неведомом напоре тьмы,
зажжённым на Пути,
Иль лоцманом пловца
через проливы Смерти,
Иль поиском
при помощи того луча
В канаве нечистот,
средь улиц Случая,
что переполнены людьми,
Души, которая
пришла из Вечности
В мир-приключение,
как мореплаватель
и как разведчик?"
На это всё Савитри отвечала,
"Всё наше расставанье
было сном;
О Сатьяван,
мы живы, и мы вместе.
Ты оглянись вокруг,
взгляни на радостный наш дом,
Не изменившийся ничуть, на этот лес,
с его бесчисленными криками,
На шёпот ветра
средь зелёных листьев,
На вечереющее небо,
видимое сквозь просветы
в изумрудной сцене,
На синий купол Бога,
приютивший наши жизни,
На птиц, поющих
ради счастья сердца,
Крылатых маленьких поэтов
нашего уединённого чертога,
На наших всех друзей,
живущих на земле,
Где мы с тобою —
царь с царицей.
Да, наши души только что
оставили ночь Смерти позади,
И изменились от реальности
могучего видения,

Illumined by the light of symbol worlds
And the stupendous summit self of things,
And stood at Godhead's gates limitless, free."

Then filled with the glory of their happiness
They rose and with safe clinging fingers locked

Hung on each other in a silent look.
But he with a new wonder in his heart
And a new flame of worship in his eyes:
"What high change is in thee, O Savitri? Bright
Ever thou wast, a goddess still and pure,
Yet dearer to me by thy sweet human parts
Earth gave thee making thee yet more divine.

My adoration mastered, my desire

Bent down to make its subject, my daring clasped,

Claiming by body and soul my life's estate,

Rapture's possession, love's sweet property,
A statue of silence in my templed spirit,
A yearning godhead and a golden bride.

И озарились светом
символических миров,
И изумительной вершины
внутреннего "я" всего на свете,
И мы, свободные, стояли рядом
с беспредельными вратами Бога."

Затем, наполненные славой
собственного счастья,
Они поднялись,
целыми и невредимыми,
Прильнули пальцами
друг к другу
И крепко обнялись
в безмолвном взгляде.
Но с новым удивленьем в сердце,
с новым обожаньем,
И с новым пламенем в глазах,
спросил он:
"Что за высокая, неведомая перемена
в тебе произошла, Савитри?
Ты стала даже ярче, чем была,
о тихая и чистая богиня,
И мне ещё дороже
нежной человеческою частью,
Которую тебе дала земля,
хотя и сделав
ещё более божественной.
Я полон восхищения,
мне хочется
Склониться, покориться ей,
схватить сейчас же
в дерзкие мои объятия,
Потребовать, чтоб ты
душой и телом стала бы
моим поместьем в жизни,
Владением восторга,
сладким достоянием любви,
И статуей безмолвия
в моей часовне духа,
Прекрасною невестой,
устремлённым божеством.

But now thou seemst almost too
high and great

For mortal worship; Time lies
below thy feet
And the whole world seems only a
part of thee,
Thy presence the hushed heaven I
inhabit,
And thou lookst on me in the gaze
of the stars,
Yet art the earthly keeper of my
soul,
My life a whisper of thy dreaming
thoughts,
My morns a gleaming of thy
spirit's wings,

And day and night are of thy
beauty part.
Hast thou not taken my heart to
treasure it
In the secure environment of thy
breast?
Awakened from the silence and
the sleep,
I have consented for thy sake to
be.
By thee I have greatened my
mortal arc of life,
But now far heavens, unmapped
infinitudes

Thou hast brought me, thy
illimitable gift!

If to fill these thou lift thy sacred
flight,

My human earth will still demand
thy bliss.

Но в данную минуту
ты кажешься почти что
чересчур высокой и великой
Для поклоненья смертного;
ложится Время под твоей стопой,
Весь мир мне кажется
твоею малой частью,
Твоим присутствием
умолкнувшие небеса я заселяю,
И ты взираешь на меня
во взгляде звёзд,
И всё же, ты — земной хранитель
для моей души,
А жизнь моя — журчание
твоих мечтаний,
Мои рассветы поутру —
блеск крыльев твоего
возвышенного духа,
А день и ночь —
лишь части красоты твоей.
Возьмёшь ли сердце ты моё,
чтобы сберечь
В надёжном окружении
твоей груди?
Я пробудился
от безмолвия и сна,
Я согласился быть —
лишь для тебя.
Благодаря тебе возвысил я
свой смертный купол жизни,
Но ныне — небеса, далёкие,
не нанесённые
на картах бесконечности,
Ты принесла мне,
твой бесценный,
безграничный дар!
И чтоб наполниться всем тем,
что поднимает
твой божественный полёт,
Моя природа человека
продолжает звать твоё блаженство.

Make still my life through thee a
song of joy

And all my silence wide and deep
with thee."

A heavenly queen consenting to
his will,
She clasped his feet, by her
enshrining hair
Enveloped in a velvet cloak of
love,
And answered softly like a
murmuring lute:
"All now is changed, yet all is still
the same.
Lo, we have looked upon the face
of God,
Our life has opened with divinity.

We have borne identity with the
Supreme
And known his meaning in our
mortal lives.
Our love has grown greater by that
mighty touch
And learned its heavenly
significance,
Yet nothing is lost of mortal love's
delight.
Heaven's touch fulfils but cancels
not our earth:
Our bodies need each other in the
same last;
Still in our breasts repeat heavenly
secret rhythm

Our human heart-beats
passionately close.
Still am I she who came to thee
mid the murmur
Of sunlit leaves upon this forest
verge;

И пусть и дальше
жизнь моя, через тебя
звучит как песня радости,
Пусть всё моё безмолвие
останется с тобой,
широким и глубоким."
Небесная царица,
соглашаясь с этим пожеланием,
К стопам его прильнула
и святилищем своих волос
Его укутав
в бархатную мантию любви,
Негромко отвечала,
как мурлыкавшая лютня:
"Сейчас всё изменяется,
хотя пока ещё идёт как прежде.
Послушай, мы с тобою
видели лик Бога,
Отныне наша жизнь
открыта для божественного.
И мы перенесли отождествленье
со Всевышним,
Его значение узнали
в наших смертных жизнях.
Любовь в нас стала выше
от того могучего касания,
Она познала
свой небесный смысл,
Но мы не потеряли ничего
из наслажденья смертною любовью.
Небесное прикосновенье наполняет,
но не отменяет нашу землю:
И нам по-прежнему нужны
тела друг друга;
Пока в груди у нас
всё время повторяется
божественный небесный ритм,
Биенья наших человеческих сердец
останутся и страстными, и близкими.
И я ещё всё та, пришедшая к тебе
средь шелеста листвы,
Залитой солнцем,
на опушке леса;

I am the Madran, I am Savitri.

All that I was before, I am to thee still,
Close comrade of thy thoughts and hopes and toils,

All happy contraries I would join for thee.
All sweet relations marry in our life;
I am thy kingdom even as thou art mine,

The sovereign and the slave of thy desire,
Thy prone possessor, sister of thy soul
And mother of thy wants; thou art my world,
The earth I need, the heaven my thoughts desire,
The world I inhabit and the god I adore.
Thy body is my body's counterpart

Whose every limb my answering limb desires,
Whose heart is key to all my heart-beats, — this
I am and thou to me, O Satyavan.

Our wedded walk through life begins anew,
No gladness lost, no depth of mortal joy.
Let us go through this new world that is the same,

For it is given back, but it is known,
A playing-ground and dwelling-house of God

Я всё ещё принцесса Мадры,
я — Савитри.
Всё, чем была я прежде,
я останусь для тебя,
Всё тем же близким другом
для твоих трудов,
надежд и мыслей,
И все счастливые противоречия
во мне сольются воедино.
Вся сладость отношений
будет сочетаться в нашей жизни;
Ты — царь мой,
я твои владения,
и точно так же ты — мои,
Я и владыка, и рабыня
твоего желания,
Твой распростёртый обладатель,
и сестра твоей души,
И мать твоих стремлений;
ты — мой мир,
Земля, которая нужна мне,
небеса, которых так желают мысли,
Тот мир, в котором я живу
и бог, которым восхищаюсь,
И тело у тебя —
вторая половинка моего,
В нём каждая частица отвечает
на желания моих частиц,
И сердце в нём — ключ к всем
биеньями сердца моего, —
Вот что есть я, и что ты для меня,
о Сатьяван.
И вновь начнётся наше
свадебное путешествие по жизни,
Не потеряв, ни глубины,
ни счастья смертной радости.
Давай же мы пойдём
по обновившемуся миру,
который остаётся прежним,
Что отдан нам назад,
но мы теперь в нём видим
Площадку для игры,
и дом для обитанья Бога,

Who hides himself in bird and beast and man
Sweetly to find himself again by love,
By oneness. His presence leads the rhythms of life

That seek for mutual joy in spite of pain.
We have each other found, O Satyavan,
In the great light of the discovered soul.
Let us go back, for eve is in the skies.
Now grief is dead and serene bliss remains
The heart of all our days for evermore.
Lo, all these beings in this wonderful world!
Let us give joy to all, for joy is ours.
For not for ourselves alone our spirits came
Out of the veil of the Unmanifest,
Out of the deep immense Unknowable
Upon the ignorant breast of dubious earth,
Into the ways of labouring, seeking men,
Two fires that burn towards that parent Sun,
Two rays that travel to the original Light.
To lead man's soul towards truth and God we are born,

To draw the chequered scheme of mortal life
Into some semblance of the Immortal's plan,

Который прячет сам себя
и в птицах, и в зверях, и в человеке,
Чтоб сладостно
вновь обнаружить самого себя
Через единство и любовь.
Его присутствие здесь
направляет ритмы жизни,
Что, не смотря на боль,
стремятся к обоюдной радости.
О Сатьяван,
друг друга мы нашли
В великом свете
обнаруженной души.
Пойдем назад,
на небе вечереет.
Отныне горе умерло,
а ясное блаженство остаётся
Навеки, в самом сердце
всех грядущих наших дней.
Взгляни на этих всех существ
в чудесном этом мире!
Давай подарим радость всем,
ведь радость — наша.
Не для себя одних
твой дух и мой пришли
Из-под покрова Непроявленного,
Из глубины безмерности
Непознаваемого,
На грудь невежественной,
двойственной земли,
Вошли в пути работающих,
ищущих людей,
Как два огня, горящие навстречу
породившему нас Солнцу,
Как два луча, которые идут
в далёкий изначальный Свет.
Мы были рождены
вести людские души
к истине и Богу,
Вписать изменчивую схему
смертной жизни
В одно из очертаний
замысла Бессмертного,

To shape it closer to an image of God,
A little nearer to the Idea divine."

She closed her arms about his breast and head
As if to keep him on her bosom worn
For ever through the journeying of the years.
So for a while they stood entwined, their kiss
And passion-tranced embrace a meeting-point
In their commingling spirits one for ever,
Two-souled, two-bodied for the joys of Time.
Then hand in hand they left that solemn place
Full now of mute unusual memories,
To the green distance of their sylvan home
Returning slowly through the forest's heart.
Round them the afternoon to evening changed;
Light slipped down to the brightly sleeping verge,
And the birds came back winging to their nests,
And day and night leaned to each other's arms.

И дать ей форму,
лучше подходящую
под образ Бога,
Чуть ближе
для божественной Идеи."
Она руками крепко обняла его
за голову и плечи,
Как будто бы желая
сохранить его,
Закутав на своей груди
на долгие года их путешествия.
Итак они, переплетясь, стояли;
их поцелуй, и погружающее в транс
Объятье страсти
было точкой встречи,
В которой дух его
и дух её слились в одно навеки,
С двумя телами и с двойной душой,
для радостей во Времени.
Затем, рука в руке, они покинули
торжественное это место,
Отныне полное безмолвных
и особенных воспоминаний,
Шагнув к зелёным далям
их лесного дома,
Неторопливо возвращаясь
через сердцевину джунглей.
Вокруг же утро
вечером сменилось;
Свет заскользил вниз
к светлой засыпающей опушке,
Летели плавно птицы,
возвращаясь к гнёздам,
А день и ночь склонились,
пав в объятия друг друга.

Now the dusk shadowy trees stood close around
Like dreaming spirits and, delaying night,
The grey-eyed pensive evening heard their steps,

Сейчас тенистые от сумерек деревья
тесно окружили их,
Как грезящие духи
и, задерживая ночь,
Печальный сероглазый вечер
вслушивался в их шаги;

And from all points the cries and
movements came
Of the four-footed wanderers of
the night
Approaching. Then a human
rumour rose
Long alien to their solitary days,

Invading the charmed wilderness
of leaves
Once sacred to secluded loneliness

With violent breaking of its virgin
sleep.
Through the screened dusk it
deepened still and there neared

Floating of many voices and the
sound
Of many feet, till on their sight
broke in
As if a coloured wave upon the
eye
The brilliant strenuous crowded
days of man.
Topped by a flaring multitude of
lights
A great resplendent company
arrived.
Life in its ordered tumult
wavering came
Bringing its stream of unknown
faces, thronged
With gold-fringed headdresses,
gold-broidered robes,
Glittering of ornaments, fluttering
of hems,
Hundreds of hands parted the
forest-boughs,

Hundreds of eyes searched the
entangled glades.

Со всех сторон к ним
подступали крики и движения
Четвероногих странников,
гуляющих в ночи,
Всё ближе подходящих к ним.
Но вот возникли человеческие звуки,
Давно уже чужие
для их дней отшельников,
Вторгаясь в очарованную
дикость листьев,
Когда-то бывшую священной
для укромного уединения,
Неистовым прорывом
в девственную дремоту.
Сквозь укрывающие сумерки,
всё более сгущалась,
приближалась
Речь многих голосов
и громкий топот многих ног,
Пока в их взоры
не ворвались,
Цветными волнами,
заполонив их взгляд
Сверкающие, напряжённые
и переполненные дни людей.
Увенчанная ослепляющим
обилием огней,
Большая и сверкавшая компания
возникла здесь.
Явилась жизнь
в своей волнующейся суматохе,
Неся потоки незнакомых лиц,
вокруг всё заполняя
Одеждой с золотою вышивкой
и шляпами с богатою каймой,
Сверканием орнаментов
и трепетаньем бахромы,
И сотней рук,
что раздвигали в стороны
лесные ветви,
И сотней глаз, что их искали
по опутанным листвой полянам.

Calm white-clad priests their grave-eyed sweetness brought,

Strong warriors in their glorious armour shone,
The proud-hooved steeds came trampling through the wood.

In front King Dyumatsena walked, no more

Blind, faltering-limbed, but his far-questing eyes
Restored to all their confidence in light
Took seeingly this imaged outer world;
Firmly he trod with monarch step the soil.
By him that queen and mother's anxious face

Came changed from its habitual burdened look
Which in its drooping strength of tired toil
Had borne the fallen life of those she loved.

Her patient paleness wore a pensive glow
Like evening's subdued gaze of gathered light
Departing, which foresees sunrise her child.

Sinking in quiet splendours of her sky,
She lives awhile to muse upon that hope,
The brilliance of her rich receding gleam

Спокойные жрецы,
с суровым взором,
В их белых одеяниях,
держали благовония,
Могучие бойцы
сверкали славными доспехами,
И гордые подкованные кони,
тяжело ступая,
проходили через лес.
Царь Дьюматсена,
больше не слепой,
шёл первым,
И несмотря на дрожь,
его смотрящие вдаль очи,
Восстановив своё доверие
к земному свету,
В себя вбирали внешний мир,
наполненный богатством образов;
Уверенно ступал он по земле
походкою монарха.
С ним рядом было
беспокойное лицо
царицы-матери,
Что шла, на время изменив
привычному, заботливому взгляду,
Который в затупившейся когда-то силе,
утомившись от труда,
Поддерживал собою
всё больше приходящую в упадок
жизнь кого она любила.
Её болезненная бледность
обрела задумчивый румянец,
Похожий на смиренный взгляд заката,
собирающего свет,
Который, уходя, предвидит
новые восходы солнца,
своего дитя.
Поникнув в тихой роскоши
своих небес,
Она жила всё это время
в мыслях о надежде,
Сверканием её богатого,
но отдалявшегося блеска,

A thoughtful prophecy of lyric dawn.
Her eyes were first to find her children's forms.
But at the vision of the beautiful twain

The air awoke perturbed with scaling cries,
And the swift parents hurrying to their child, —
Their cause of life now who had given him breath, —
Possessed him with their arms. Then tenderly
Cried Dyumatsena chiding Satyavan:

"The fortunate gods have looked on me today,
A kingdom seeking came and heaven's rays.
But where wast thou? Thou hast tormented gladness
With fear's dull shadow, O my child, my life.
What danger kept thee for the darkening woods?

Or how could pleasure in her ways forget
That useless orbs without thee are my eyes

Which only for thy sake rejoice at light?
Not like thyself was this done, Savitri,
Who ledst not back thy husband to our arms,
Knowing with him beside me only is taste

Задумчивым предвиденьем
лирической зари.
Её взгляд первым увидал
фигуру своего дитя.
И тотчас же, при виде
той прекрасной пары
Всё взорвалось вокруг
от нарастающего крика
И быстрые родители
поторопились к сыну, —
Кто был источником их жизни,
кто дарил им новое дыхание, —
Они его схватили,
заключив в объятия.
Затем, любя,
вскричал царь Дьюматсена,
упрекая Сатьявана:
"Сегодня боги счастья и удачи
посмотрели на меня,
Пришло к нам царство поиска
и светлые лучи небес.
Но где ж ты был?
Ты мучал радость
Тупою тенью страха,
о мой сын, о жизнь моя.
Что за опасность
в тех темнеющих лесах
тебя держала?
И что за наслажденье на её путях
заставило тебя забыть
Что станут без тебя пустыми,
бесполезными глазницами
мои глаза,
Что только для тебя
я радуюсь, живу на свете?
Была ты не похожа на себя,
Савитри,
Что мужа не вела назад,
в объятия родителей,
Прекрасно зная,
что лишь рядом с ним
есть вкус у пищи,

In food and for his touch evening and morn
I live content with my remaining days."
But Satyavan replied with smiling lips,
"Lay all on her; she is the cause of all.
With her enchantments she has twined me round.
Behold, at noon leaving this house of clay
I wandered in far-off eternities,

Yet still, a captive in her golden hands,
I tread your little hillock called green earth
And in the moments of your transient sun
Live glad among the busy works of men."
Then all eyes turned their wondering looks where stood,

A deepening redder gold upon her cheeks,
With lowered lids the noble lovely child,
And one consenting thought moved every breast.
"What gleaming marvel of the earth or skies
Stands silently by human Satyavan
To mark a brilliance in the dusk of eve?
If this is she of whom the world has heard,
Wonder no more at any happy change.
Each easy miracle of felicity

Что только для его касаний
по утрам и вечерам
Я продолжаю жить
в согласии с оставшимися днями."
Но Сатьяван ответил им,
с улыбкой на устах:
"Лежало всё на ней,
она всему причина,
Своею магией
она меня кругом обвила,
И знай же, в полдень,
я оставил этот дом из плоти,
И стал скитаться
в отдалённых вечностях,
Но всё же продолжал быть пленником
её прекрасных рук,
Я обошёл ваш невысокий холмик,
называемый зелёною землёй,
И в эти краткие мгновенья
вашего недолговечного светила,
Я рад жить среди вас,
средь беспокойных дел людей."
Тогда все взоры
удивлённо повернулись
на место, где стояла,
Сгущая золотой румянец
на своих щеках,
Потупив очи,
гордое, прекрасное дитя,
И пронеслась у каждого в душе
одна единственная мысль.
"Что за сверкающее
чудо неба и земли
Стоит безмолвно
с человеком Сатьяваном
И выделяется своим сиянием
в вечернем сумраке?
И та ли это женщина,
о ком мир был наслышан,
И более не удивляется
счастливым переменам.
Ведь каждое
естественное чудо счастья

Of her transmuting heart the alchemy is."
Then one spoke there who seemed a priest and sage:
"O woman soul, what light, what power revealed,

Working the rapid marvels of this day,
Opens for us by thee a happier age?"
Her lashes fluttering upwards gathered in
To a vision which had scanned immortal things,

Rejoicing, human forms for their delight.

They claimed for their deep childlike motherhood

The life of all these souls to be her life,
Then falling veiled the light. Low she replied,
"Awakened to the meaning of my heart

That to feel love and oneness is to live
And this the magic of our golden change,
Is all the truth I know or seek, O sage."
Wondering at her and her too luminous words
Westward they turned in the fast-gathering night.

From the entangling verges freed they came

Алхимия её
преображающего сердца."
Затем сказал тот, кто казался
мудрецом или жрецом:
"О женщина, могучая душа,
так что за свет,
и что за сила появилась,
Творя стремительные чудеса
сегодняшнего дня,
Открыв для нас, благодаря тебе,
счастливую эпоху?"
Её ресницы вздрогнули
и трепетно поднялись,
И устремились к видению,
что раскрывало перед ней
бессмертное,
И наслаждаясь, открывало
человеческие формы
ради их восторга.
Они желали от неё
в своих глубинах, словно дети,
отношенья матери
И чтоб её жизнь стала
жизнью этих душ,
Затем ресницы опустились вниз,
скрывая этот свет.
Она негромко отвечала —
"Я поняла предназначенье
собственного сердца —
Жить нужно, чтобы ощущать
единство и любовь,
И эта магия
прекрасной нашей перемены
Есть вся та истина,
что я узнала и искала, о мудрец."
Дивясь и на неё,
и на её столь светлые слова,
Они направились на запад
в быстро наступающей ночи.

Из спутанных чащоб,
они, освободившись, вышли

Into a dimness of the sleeping earth
And travelled through her faint and slumbering plains.
Murmur and movement and the tread of men
Broke the night's solitude; the neigh of steeds
Rose from that indistinct and voiceful sea
Of life and all along its marchings swelled
The rhyme of hooves, the chariot's homeward voice.
Drawn by white manes upon a high-roofed car

In flare of the unsteady torches went
With linked hands Satyavan and Savitri,
Hearing a marriage march and nuptial hymn,
Where waited them the many-voiced human world.
Numberless the stars swam on their shadowy field

Describing in the gloom the ways of light.
Then while they skirted yet the southward verge,
Lost in the halo of her musing brows
Night, splendid with the moon dreaming in heaven
In silver peace, possessed her luminous reign.
She brooded through her stillness on a thought
Deep-guarded by her mystic folds of light,

В туманную неясность
засыпающей земли,
И шли по неотчётливым
и дремлющим равнинам.
Лишь шорохи, движения,
шаги людей
Рассеивали одиночество ночи;
храп лошадей
Шёл вверх от этого неразличимого
гуденья моря жизни,
И всем их строем
правил ритм копыт,
И звук повозок,
направлявшихся домой.
В карете с открывающимся верхом,
ехали, заметные на фоне
лошадиных белых грив,
В неровном свете
движущихся факелов,
Держа друг друга за руки
Савитри с Сатьяваном,
И вслушивались в брачный гимн
и свадебные марши,
Что ожидали их
в многоголосом мире человека.
Бесчисленные звёзды
плыли медленно
по призрачным своим полям,
Высвечивая в темноте
дороги света.
Потом, когда они свернули
к югу от опушки,
Затерянная в облаке
своих задумчивых бровей,
Ночь, полная великолепия,
с луной, мечтающей на небесах
В своём серебряном покое,
завладела этим светлым царством.
Она вынашивала в том безмолвии
свою особенную мысль,
Что охранялась в глубине
её мистическими впадинами света,

And in her bosom nursed a greater
dawn.

The End

И грудью вскармливала
новую, великую зарю.

Конец

Appendix.
Unused Passages
for Savitri

SA Archives and Research,
Vol 10, No1 and 2, pp 150-159

[Book II, Canto 6]
The Kingdoms and Godheads of the Greater Life

Cf. Centenary edition, pp. 189-91.
This is Sri Aurobindo's last handwritten version of the passage following the line
"And wordless mouths unrecognisable."
An earlier manuscript was used for the final dictated revision of the end of this canto and the beginning of the next.

Immortal secrecies, seer-wisdoms lost

In the descent towards our mortal fate
Spoke from the figures of her masquerade
In a familiar and forgotten tongue,

Or peered from the recondite magnificence
And subtle splendour of her draperies.
In sudden scintillations of the Unknown,
Glints from the opaque and strange translucencies,

Appearances and objects changed their powers;
Things without value heavenly values took,

Приложение.
Неиспользованные фрагменты
Савитри

Архивы и Исследования.
Том 10. номер 1 и 2, стр. 150-159

[Книга II, Песня 6]
Царства и Боги более Высокой Жизни

См. Юбилейное издание, стр. 189-191.
Это последняя рукописная версия фрагмента, который идёт после строки
"И бессловесными неузнаваемыми ртами."
Эта ранняя рукопись была использована для окончательного надиктованного пересмотра конца этой песни и начала следующей.

Утерянные некогда
бессмертные секреты и
провидческая мудрость,
Спускаясь к смертной
человеческой судьбе
С ним говорили,
словно персонажи маскарада
На близком и понятном,
но забытом языке,
Или выглядывали из
богатой сложности её великолепия
И тонкой роскоши
её прекрасных драпировок.
Среди внезапного
сверканья Неизвестного,
В мерцаньях из
полупрозрачных странных сфер
и тёмных областей,
Предметы и явленья изменялись
в силе и энергиях;
Что не имело никакой цены,
приобретало там небесное значение,

Inexpressive sounds became
veridical,
Ideas without meaning flashed
apocalypse:
Wise tokens spelled out gibberish
to the untaught;
And phrases which meant nothing
and meant all
Wrapped in defensive armoured
visored sight,
And oracles and sibylline
prophecies
Offered themselves by the
roadside for a price
Increased at each rejection by the
mind;
Voices that seemed to come from
unseen worlds
Uttered the syllables of the
Unmanifest
And clothed the body of the
mystic Word;
The wizard diagrams of an occult
Force
Fixed for the world's magic
processes the law
Of their precise unaccountable
miracle,
And hue and figure brought their
unsounded deeps
Of mindless context to
reconstitute
In the brooding hush of intuitive
stillnesses
The herald blazon of Time's secret
things[.]
Amid her symbols of reality
(For such they seemed to a vision
too remote
As we to a greater being symbols
are,)

Невыразимое звучанье
начинало отражать реальность,
Идеи, не имеющие смысла,
сверкали словно апокалипсис:
Там знаки мудрости вставали
тарабарщиной для неофита;
И фразы, не имеющие смысла,
и фразы, означающие всё на свете
Одеты были в прочные доспехи,
глядели из закрытого забрала,
А предсказанья и
пророчества Сибиллы
Себя навязывали за гроши,
как попрошайки на обочине
И разрастались с каждым новым
отрицанием ума;
Те голоса, которые, казалось,
приходили из невидимых миров,
Произносили слоги
Непроявленного,
Стремясь облечь
мистическое Слово;
Там колдовские чертежи
оккультной Силы
Магическим процессам мира
навязывали свой закон
Их точного,
бесчисленного чуда,
А образы и цвет несли
неизмеримые глубины смысла
Не связанного с мыслями,
стремясь восстановить
В вынашивавшей что-то тишине
интуитивного безмолвия
Глашатая, что выдаёт
секреты Времени.
Средь этих символах её реальности
(Которые так представлялись
взгляду слишком отдалённому,
Как видимся мы сами неким символом
для более великих
и возвышенных существ,)

His life-walk was and new
spiritual home:
He moved and lived with them as
real forms,
Their lives were as concrete as the
lives of men[,]
Their touch as vivid as our fellows
touch;
Their divine bodies make our
fancies true

And bring to us breathing and
animate
What in ourselves we only think
and feel.

A grace of scenes quivered around
him there
That were almost embodied
[sympathies];[1]
Their breath of dreams and
language without speech
Answered to the thought and
passion of the soul.
There form and feeling were
identical,
And shape and thought a single
harmony;
Nothing was there brute and
inanimate.
These scenes were signs in life's
long miracle-play.
In her green wildernesses and
lurking depths,
In her thickets of joy where
danger clasps delight,

He glimpsed the hidden wings of
her songster hopes[,]

A glimmer of blue and gold and
scarlet fire.

И шла его дорога жизни,
ожидал его духовный новый дом:
Он двигался и жил средь них,
как посреди реальных форм,
Их жизни были более реальными,
конкретными, чем жизнь людей,
Касания их были так же ощутимы,
как прикосновенья наших близких;
Божественные их тела могли
любую нашу прихоть
воплотить в реальность
И приносили нам
стремление и воодушевление,
Которые внутри себя
мы только чувствуем
и о которых только помышляем.
Вокруг него происходили сцены
полные таким изяществом,
Что были чуть
не воплощеньем понимания;
Дыхание их грёз,
язык без слов
В них отвечали каждой мысли,
каждому волнению души.
Там форма с чувством
обретали полное единство,
А мысль и облик жили
как одна гармония;
Там грубого и неживого
не было совсем.
Все эти сцены становились знаками
в чудесной, долгой пьесе жизни.
И в изумрудной дикости её,
и в затаившихся глубинах,
И в дебрях радости её,
когда опасность
обнимает наслаждение,
Он видел мельком
скрытые крыла
её певцов надежд,
Мерцанья голубого, золотого,
алого огня.

[1] MS scenes; the previous draft has "sympathies"

Along her wandering lanes and chance by-paths
And by her galloping rivulets and calm lakes
He plucked the glossy fruits of her self-ease
Or shared her rich content in browsing herds,

The light wayward flitting of her butterfly hours

And her love-callings in the voice of birds,
And felt her embodied sweetness in her vales,
Her wide hill-breasts glowing in the greatness of morn
And the lounging hips of her grasslands' large sun-sleep

And her covert raptures in her forest haunts
And the beauty of her flowers of dream and muse.
Often in the radiant slumber of her noons
He saw incarnate in a swarm of gleams
On a glamour and gladness of bright surfaces,
A smile of depths, a cry of secrecies,
Thought's dance of dragonflies on mystery's stream
That skim but dare not dip in the murmur and race;

Or the levity of her immortal mind

He heard in[1] the laughter of her rose desires,

Гуляя по её блуждающим тропинкам,
и случайным ответвлениям,
Вблизи несущихся ручьёв
и полных безмятежности озёр
Он мог срывать блестящие плоды
её непринуждённости
Иль наполнять себя
богатством удовольствий
Её неспешно размышлявших стад,
Иль чувствовал капризное
и лёгкое порхание
Её часов, подобных мотылькам,
И зов её любви
средь щебета и пенья птиц,
Как воплощенье сладости
он ощущал её долины,
Её холмы, широкие, как груди,
полыхавшие среди величья утра
И беззаботные, изнеженные бёдра
её широких пастбищ,
дремлющих на солнце,
И скрытые восторги
в глубине её лесных убежищ,
И красоту её цветов
мечты и размышлений.
И часто, средь лучащейся
дремоты полдня
Он видел, воплощённый
в рое отражений,
В очаровании и радости
её живых обличий
Улыбку из её глубин
и зов её секретов,
Стрекозий танец мыслей
по потоку тайны,
Что пролетает,
но не смеет погрузиться
в этот шум и гонку;
Иль слышал он за смехом
розы многочисленных желаний
Весёлый нрав и легкомыслие
её бессмертного ума,

[1] Or and

Running to lure the bliss of the heart's surprise
Into a world of bloom and song and light
And through the scented ways to guide pursuit
Jangling sweet anklet-bells of fantasy.
A comrade of the silence of her heights
Accepted by her mighty loneliness,
He sat with her on meditation's peaks
Where life and being are a sacrament
Offered to a Reality beyond

And stood with her upon the edge of Time
Looking into ineffable formlessness,
Or climbed a perilous stair in silent Mind
And from a watch-tower in self's solitudes
He saw her loose into infinity

Her hooded eagles of significance,
Messengers of Thought to the Unknowable.
Thus close to her in body and in spirit[,]
Identified by soul-vision and soul-sense
And made one with all she was and longed to be,

He thought with her thoughts, suited to her steps his steps,
Lived by her breath and saw things with her eyes,

Бегущего увлечь
блаженство удивленья сердца
В мир полный песен,
солнечных лучей, цветения,
И направляющий его стремление
по благоухающим дорожкам,
Позванивая мелодичными
ножными колокольцами фантазии.
Как близкий друг
безмолвия её высот
И принятый её
могучим одиночеством,
Он с ней сидел
на пиках медитации,
Где жизнь и бытие
есть таинство
И предлагаются Реальности
лежащей за пределами,
Он с ней стоял
на острой кромке Времени
И пристально смотрел
в невыразимую бесформенность,
Иль поднимался по опасной лестнице
безмолвного Ума
И из дозорной башни
одиночеств внутреннего "я"
Он видел, как она
освобождает в бесконечное,
снимая колпачки,
Своих орлов значения и смысла,
Посланников Мышления
в Непознаваемое.
Став ближе к ней,
как в теле, так и в духе,
Отождествляясь виденьем души
и ощущением души,
И становясь единым со всем тем,
чем там она была,
и чем хотела быть,
Он думал мыслями её
и вкладывал свои шаги в её шаги,
Он жил её дыханьем,
видел всё её глазами,

Fainted with her weakness, was powerful with her strength,
That so he might learn the secret of her soul.
He admired her splendid front of pomp and play
And the marvels of her rich and delicate craft
And her magic of order and her swift caprice,
And her indomitable will to be,
And thrilled with the insistence of her cry
And bore like a Mother's ardent despot clutch

Her force that admits no other way than its own,

Her hands that knead Fate in their violent grasp,
Her touch that moves, her powers that seize and drive[.]

A will was in her to exceed her forms

Impatient to transfigure the finite world,
A huge desire to marry the Infinite;
He felt in her her hope and her despair,
The trouble and rapture of her heaving breasts,
The passion that possessed her yearning limbs[,]
Her mind that toiled dissatisfied with its fruits,
Her heart that captured not the one Beloved.

Слабел от слабости её,
был сильным силами её,
И только так он мог познать
секрет её души.
Он обмирал от роскоши
её фасада блеска и игры,
И от чудес её
богатого и тонкого искусства,
От магии её порядка,
и от быстрого непостоянства,
И от её неукротимой воли быть,
И трепетал от требования
её призыва,
С трудом терпел
как пылкое и деспотичное
объятие Матери
И силу в ней, которая не оставляет
никаких других путей,
кроме её,
Её ладони, что в неистовом захвате,
судьбу замешивают, словно тесто,
Её касание, которое
всё время изменяется,
Её энергии, которые
хватают и ведут.
Была в ней воля
постоянно превышать
свои же формы,
И нетерпенье переделать
наш конечный мир,
И необъятное желанье
обручиться с Бесконечным;
Он ощущал в ней —
и её надежду, и её отчаяние,
Волненье и восторг
её вздымающихся грудей
И страсть, которая охватывала
всё её тоскующее тело,
И ум её, что тяжело трудился,
недовольный результатом,
И сердце у неё,
что не смогло пленить
Её единственного одного Любимого.

But all that he could see or she disclose
Left still the ultimate secret unrevealed;
Something she was unknown to him or her.
Always he met a veiled and seeking Force,

An exiled Goddess building mimic heavens,

A Sphinx whose eyes looked up to an unseen Sun.

Однако, всё, что мог он видеть
или же она ему являла,
По-прежнему лежало
запредельной, нераскрытой тайной,
И что-то оставалось непонятным
для него, иль для неё.
Всё время он встречал
какую-то замаскированную,
ищущую Силу,
Неведомую, изгнанную из небес
Богиню,
Что строит подражанье небесам,
И Сфинкса, чьи глаза
смотрели вверх
И видели невидимое Солнце.

[Book II, Canto 7]
The Descent Into Night

Cf. Centenary edition, pp. 212-13. This is Sri Aurobindo's last handwritten version of this passage.

There Life displayed to the spectator soul
The shadow depths of her strange miracle.
As might a harlot empress in a bouge,
Nude, unashamed, exulting she upraised
Her evil face of perilous beauty and charm
And drawing panic to a shuddering kiss

Twixt the magnificence of her fatal breasts,
Allured to their abyss the spirit's fall.
Once it had plunged, it asked not for release,

It took fierce joy in the ecstasy of its pains[,]

It found freedom's taste in a choice of delicate bonds

And reigned, sovereign of its own decadence.

A plethora of scenes besieged the gaze,

Thought-webs that reproduced themselves in life

[Книга II, Песня 7]
Спуск в Ночь

См. Юбилейное издание, стр. 212-213 Это последняя версия этого фрагмента, написанная от руки Шри Ауробиндо

Там Жизнь показывала
зрителю-душе
Лежащие в тени глубины
своего чужого чуда
Как проститутка,
как царица низкого притона,
Бесстыжая и голая,
она, ликуя, поднимала
Своё зловещее лицо
опасного очарования и красоты
И, погружая в панику
от заставляющего вздрогнуть
поцелуя
Меж роскошью
своих губительных грудей,
Заманивала в пропасти
падения духа.
Нырнув туда когда-то раз,
Жизнь больше
не просила избавления
И соглашалась
на неистовое наслаждение
в экстазе боли,
И находила вкус свободы
в выборе изысканных
и изощрённых уз,
И правила всем этим,
как императрица
собственного разложения.
Там было множество
различных сцен,
что окружали взгляд,
И паутина мыслей,
что стремились воспроизвести себя
в потоке жизни,

And taught the nature to be what it saw;
For it is mind that makes the form of the days
With the colours it absorbs from the world's hues
And thought decides the destiny of the soul.
Across the field of sight she multiplied,
As on a scenic film or moving plate,
The implacable splendour of its nightmare pomps
And her rapture vision of infernal joys:
A glory of abominable things.

On the dark background of a soulless world
She staged between a lurid light and shade
Her dramas of the sorrow of the depths
Written on the anguished nerves of living things:
Her epics of horror and grim ruthless deeds
Paralysed pity in the hardened breast,
And the spectacle of the degraded soul
Dried up the founts of natural sympathy.
In her booths of sin and night-repairs of vice
Her sordid imaginations etched in flesh,
Signed photogravures of her infamy,
Published the covered dirt of Natures guilt,

Природу приучая быть такой,
какою видела она;
Для этого был ум,
выстраивавший облик дней
В тех красках, что он впитывал
из всех оттенков мира
И мыслями решал
судьбу души.
Закрыв собою поле зрения его,
она приумножала,
Как в киноленте
иль на движущейся фотоплёнке,
Безжалостную роскошь
своего раздутого кошмара
И свой восторг от созерцания
бесчеловечных радостей:
Триумф всех этих
омерзительных вещей.
На тёмном фоне
мира без души,
Средь мрачной, грозовой игры
теней и света
Она всё время инсценировала
драмы горя из глубин
И ставила их на агонизирующих нервах
у живых существ;
И эти эпопеи ужаса,
безжалостных жестоких дел
Парализовывали состраданье
в сдавленной груди,
А сцены падшей,
опустившейся души
Высушивали родники
естественной симпатии.
В её публичных заведениях греха,
ночных пристанищах порока
Её убогие фантазии
врезались в плоть,
Подписывая фотоотпечатки
низостей её,
Распространяя скрытую нечистоту
мучения Природы,

And foul scenarios hideous and
macabre
And gargoyle masques obscene
and terrible
Came televisioned from the gulfs
of Night:

And twisted caricatures of reality

And art chef-d'oeuvres of weird
distorted lines
Trampled the torn sense into
tormented shapes[.]
A craft of ingenious monstrosities

Made vileness great and
sublimated filth

А непристойные сценарии,
отталкивавшие и жуткие,
И рыльца театральных масок,
похабные и страшные,
К ней приходили,
как по телевизору,
из бездн Ночи:
А искажённые карикатуры
на реальность,
Искусные шедевры
странных искривлённых черт
Измученное чувство втаптывали
в эти раздражающие формы.
Так мастерство
искусного уродства
Из отвратительного
делало великое
и возвышало грязь.

[Book IV, Canto 2]
The Growth of the Flame

Cf. Centenary edition, pp. 359-60.
The top and carbon copies of a typescript of this canto were differently revised on separate occasions.
This is the most significantly revised portion of the lop copy, which was not directly used for the final text.

A land of mountains and wide
sun-beat plains

And giant rivers pacing to vast
seas,

A marvellous land of reverie and
trance,
Silence swallowing life's act into
its sea
And action springing from
spiritual hush,
Of thought's transcendent climb or
heavenward leap,

Home of the mightiest works of
God and man
Where Nature seemed a dream of
the Divine
And beauty and grace and grandeur
flowered from its dream,
Harboured the childhood of the
incarnate Flame.
Over her watched millennial
influences
And the deep godheads of a
grandiose past
Looked out and saw the future's
godheads come.
Earth's brooding wisdom spoke to
her still breast;

[Книга IV, Песня 2]
Рост Пламени

См. Юбилейное издание, стр. 359-360.
Чистовая и копия под копирку печатного варианта этой песни были по-разному отредактированы при разных обстоятельствах.
Это наиболее значительно переделанная часть чистовой копии, из тех, что не были прямо использованы для окончательного текста.

Страна высоких гор,
широких, солнцем выжженых,
равнин,
Гигантских рек,
текущих медленно
к безбрежности морей,
Чудесная страна
мечтаний и экстаза,
Молчания, что поглощает жизнь,
с её заботами, в свой океан,
И действий, возникающих спонтанно
из духовной тишины,
Мир трансцендентного
подъёма мысли,
Иль мысли, что прыжком
уходит в небеса,
Родной дом для могучих дел, творений
Бога или человека,
Там, где Природа кажется
мечтою о Божественном,
А красота, изящество, величье
расцветают из своей мечты,
Стал гаванью для
детства воплощенья Пламени.
Над нею наблюдали мир
тысячелетние влияния,
А боги грандиозных
прошлых лет
Смотрели из глубин
и видели приход богов грядущего.
Земли задумчивая мудрость
говорила с тихою её душой;

Mounting from mind's last peaks
to mate with gods,

Making earth's brilliant thoughts a
springing board
To dive into the cosmic vastnesses

The knowledge of the thinker and
the seer
Saw the unseen and thought the
unthinkable,
Opened large doors upon infinity

And gave a shoreless sweep to
mortal acts.
Art and the vision of beauty called
to the eyes
Figure and hues native to higher
worlds
Till this world's images took that
greater stamp.

Nature and soul vied in nobility.

Ethics keyed earthly lives to
imitate heaven's;

The harmony of a rich culture's
tones
Exhausted and exceeded earth's
full store,
Refined the sense and magnified
its reach
To hear the unheard and glimpse
the invisible
In subtle fields that escape our
narrow ken

And taught the soul to soar
beyond the known
And steal entry into the Immortals'
worlds.

Поднявшись над
последними вершинами ума,
чтоб вместе быть с богами,
И делая трамплин
из ослепительных земных идей,
Чтобы нырнуть
в космический простор,
В ней знание
провидца и мыслителя
Смотрело на незримое
и размышляло о немыслимом,
Открыв широкие врата
на бесконечность
Оно дарило смертным действиям
безбрежность.
Искусство, видение красоты
в ней зазывали взгляд
К оттенкам и обличиям, естественным
для более возвышенных миров,
Пока и в нашем мире
эти образы не примут
более великую печать.
Душа с природой
состязались в благородстве.
Системы этики
выстраивали жизни на земле
как подражанье небесам;
Гармония тонов
разнообразия культуры
Превосходя все мерки
земной богатой памяти
Стремилась сделать тоньше ощущение,
расширить сферу чувств,
Улавливать на слух неслышимое
и воспринимать мельком незримое
Средь тонких сфер,
что за пределом
узких наших взглядов,
И душу научить парить
за рамками известного
И скрытно проникать
в миры Бессмертных.

Inspiring life to greaten beyond its bounds
Leaving earth's safety daring wings of Mind
Bore her above the trodden roads of thought
To live on eagle heights nearer the Sun
Where wisdom sits on her eternal throne.
All her life's turns led her to symbol doors
Admitting to secret Powers who were her kin;
Initiate of bliss and child of Light,

A mystic acolyte trained in Nature's school
Aware of the marvel of created things
Her soul's gifts she gave, earth-magic's miracles
Laid on the altar of the Wonderful;
Her hours were a ritual in a timeless fane;
Her acts she made gestures of sacrifice.
Invested with the rhythm of higher spheres
The word became a hieratic means

For the release of the imprisoned spirit
Into communion with its comrade gods:

Helping to new expression and new form
Some immemorial Soul in men and things,
Seeker of the Unknown and the Unborn,

Жизнь вдохновляя превзойти
свои границы,
Забыв земную безопасность,
дерзкие крыла Ума
Несли её над проторёнными
путями мысли,
Чтобы на орлиной высоте
жить ближе к Солнцу,
Где мудрость восседает
на своём небесном вечном троне.
Вся жизнь её, все повороты
подводили к символическим дверям
И пропускали к тайным Силам,
для неё родным;
Дитя божественного Света,
посвященная в блаженство,
Мистический служка,
она училась в школе Природы,
И постоянно восхищаясь
чудом сотворённого,
Дары своей души
и чудо магии земли
Она дарила,
возлагая на алтарь Чудесного;
Её часы, моменты жизни
были ритуалом в вечном храме;
Её поступки становились
жестом жертвоприношения.
И слово, наполняясь
ритмом высших сфер,
Использовалось как
священный способ
Освобожденья духа
из его темницы,
Открыв ему возможность
говорить с богами,
как с друзьями:
И помогая новым выражениям
и новой форме,
Какой-то древней, незапамятной Душе
в вещах и в людях,
Искателю Неведомого,
Нерождённого,

It drew the veil from Nature's secrecies.

Оно срывало все покровы с тайн Природы.

[Book V, Canto 3]
Satyavan and Savitri

These lines are found, written in the scribe's hand, at the end of a typed copy of this canto.

Now she travelled through many
changing lands,

Earth round her was illumined by
her joy;
Its hours were long supports for
rapture's face;

Life was an outbreak of the All-
Wonderful.
All hope and chance took on a
brighter shape:
This ordinary life of man could
change;

The seal was there of the
Ineffable.

This meeting cut across old
Nature-lines

To pen upon its bold decisive page
The foreword of her soul's
biography.
Two powers had come down from
the unknown Beyond
To play their part upon the cosmic
ground.
These spirits linked two lines of
eternity,
These bodies joined two points of
the infinite.

These lives must serve the
Timeless and Unseen

[Книга V, Песня 3]
Сатьяван и Савитри

Эти найденные строчки были записаны рукой переписчика в конце печатной копии данной песни.

Сейчас, когда она неслась
по многим изменившимся
за это время странам,
Земля вокруг неё как будто
озарялась радостью её;
И долгие идущие часы
лишь укрепляли тот восторг,
что был в её лице;
Жизнь стала всполохами
Все-Чудесного.
И всякий случай, всякая надежда
обретали яркий облик:
И даже эта, повседневная,
обычная жизнь человека,
сумела измениться;
На всём была
печать Невыразимого.

Все эти возникающие встречи
охватывали старые
черты Природы
И вписывали в биографию её души
Свою решительную смелую
страницу предисловия.
Две силы вниз спустились
из неведомого Запредельного
Сыграть им предназначенные роли
на космической арене.
Два этих духа были связаны
с двумя чертами вечности,
Два этих тела связывали
две различных точки
в бесконечности.
Их жизням здесь
предназначалось послужить
Вневременному и Незримому

For writing out in symbol human
acts
The meaning of God's mystery
play in Time.

Чтоб символическими
действиями человека
Они бы описали смысл
загадочной игры
Всевышнего во Времени.

[Book VI, Canto 2]
The Way of Fate and the Problem of Pain

Cf. Centenary edition, pp. 457-59.
This is another version, written by Sri Aurobindo in a chit-pad, of the passage following the line
"It keeps for her her privilege of pain."

But hard it is for human mind to feel
Heaven's good in life's crash and the iron grasp of Doom

Or tolerate the dreadful mystery

Of pain and grief and evil masking God.
How can it seize the thousand-sided drive,
The single act pointing a million acts,

The mystic total of the magical sum
Or swept by the world-ocean's rushing waves

Sense mid the wash and spume and loud multitude
The one all-discerning Will, the [touch, the]1 tread
Of God's indivisible reality?

Man's thought is like a diamond cutting gems[,]

Man's will is like a labourer hewing stones:

[Книга VI, Песня 2]
Путь Судьбы и Проблема Боли

См. Юбилейное издание, стр. 457-459.
Это написанная Шри Ауробиндо на карточке другая версия отрывка, который идет после строчки
"И сохраняет для неё
её особые права на боль."

Но трудно человеческим умам
бывает ощутить
Добро небес
среди крушенья жизни
и железной хватки Рока
Иль вытерпеть
ужасную мистерию
Из боли, горя, зла,
которые скрывают Бога.
Как охватить ему
движенье в тысячи сторон,
Иль целостное действие,
которое нацелено
на миллионы действий,
Мистическую сумму
из магических итогов,
Окинуть взглядом
все стремительные волны
океана мира,
И ощутить среди прибоя,
пены, грохота вокруг
Единую, всё-различающую Волю,
поступь и касание
Неразделяемой реальности
Всевышнего?
Мысль человека —
украшенье с вынутыми
драгоценными камнями,
А человеческая воля —
как чернорабочий,
что обтёсывает камни:

---

[1] Two words doubtful.

He cuts into sky-strips the boundless Truth
And takes each strip as if it were all the heavens.
His knowledge chained to thought and led by words

Is gaoled in the divisions it has made.

He looks at infinite possibility

And gives to its plastic Vast the name of Chance;
He sees the long result of the all-wise Force
And feels the cold rigid limbs of lifeless Law.
The will of the Timeless working out in Time
In the free absolute steps of cosmic Truth
He thinks a dead machine, an unconscious fate.
It is decreed and Satyavan must die;
Her hour is known, foreseen the fatal stroke.
What else shall be is written in her soul,
But till the hour reveals the fateful script,

The writing waits illegible and mute.
Her mortal breast hides her immortal Fate.
O King, thy fate is a transaction fixed
In long advance but altered and renewed

Из безграничной Истины
он вырезает лоскутки небес
И принимает каждый лоскуток
за небо.
Всё знание его
приковано цепями к мысли,
направляется словами,
Он заключён в тюрьму
той разделённостью,
что сам же создает.
Он смотрит
в бесконечности возможностей
И называет Случаем
податливый Простор;
Он видит отдалённый результат
всемудрой Силы
И чувствует холодную и жёсткую
ладонь бездушного Закона.
Намеренье Вневременного,
что работает во Времени
И совершенные свободные шаги
вселенской Истины
Он видит мертвою машиной
или бессознательной судьбой.
Так решено,
и Сатьяван умрёт;
Известен час её[1],
заранее предвиден роковой удар.
Что будет дальше —
то записано в её душе,
Но до тех пор,
пока час этот не проявит
роковой сценарий,
Записанное ждёт
неясным и немым.
В груди у смертной прячется
её бессмертная Судьба.
О Царь, твоя судьба —
лишь сделка,
Что в долгом продвижении,
хотя и изменяемом, и обновляемом

[1] Савитри, *прим. пер.*

At every hour between Nature and thy soul[.]

Its items ever grow and ever change;
It is a balance drawn in Destiny's book.
Thou canst open with thy fate a new account
Begun upon a stainless virgin page.
Thou canst dispute her formidable claim
With God as the foreseeing arbiter,
Thou canst accept thy fate, thou canst refuse[.]
Even if the Judge maintains the unseen decree
Yet thy refusal is in thy credit written:
Death is no end, Fate moves, it stands not still.

Its will unshaken by the bronze blare of Doom,
The spirit soars up stronger by defeat,
Its godlike wings grow wider with each fall.

Its growth within is watered by its wounds[,]
Its splendid failures' sum is victory.
Thy fate touches the abyss to leap at heaven.
Thy fate is like an army's marching ranks;
It has many fronts and stands on many lines.

Всё время, ежечасно
заключается между Природой
и твоей душой.
И ставки там всегда растут,
и постоянно изменяются;
И это тот баланс,
что вписан в книгу Неизбежного.
Ты можешь вместе со своей судьбой
открыть какой-то новый счёт
И с незапятнанного чистого листа
начать всё заново.
Ты можешь спорить
с грозным требованием её
И апеллировать к Всевышнему,
как к знающему всё заранее арбитру,
Ты можешь и принять свою судьбу,
и можешь отказаться.
Но даже если тот Судья
и сохранит своё незримое решение
Отказ твой будет помещён
в твою кредитную страницу:
Смерть не конец,
Судьба идёт вперёд,
и не стоит на месте.
От звуков бронзовой трубы,
что возвещает Приговор.
Дух воспаряет,
став сильней от поражения,
Его богоподобные крыла
от каждого падения
становятся всё шире.
Его раненья
орошают рост его внутри,
Его блистательные неудачи
в сумме сводятся к победе.
Твоя судьба касается пучины,
чтобы прыгнуть в небеса.
Твоя судьба подобна
марширующим фалангам армии;
В ней множество фронтов,
она стоит на разных диспозициях.

Thy future's map is kept in planes unseen,

Thy soul has planned its strategy with God.

Thy body's fate comes first, a column pushed

Through the forts of the present to a city unknown;

Its march is marshalled by the wheeling stars
That carry its cosmic consigns in their light.
It sees not where it goes but walks by faith;

It smites its way through the world's opponent powers,
Or, frustrate, longs and waits a happier birth.

A second front is in a greater plane;

Thence thy life-forces drive like rolling waves
Its small or large formations towards earth's days

And swell the might of thy terrestrial fate
Or as the wind-gods' squadrons jostle in heaven,
Trumpeting with breath of storm and thunder's call
And their arrows like gold lightnings fill the sky[,]
Such is their coming, such their clamour and charge[.]

И карта твоего грядущего
уже хранится где-то там,
в незримых планах бытия,
Твоя душа уже спланировала
вместе с Богом
направление своей стратегии.
Судьба для тела твоего
приходит первой
и она толкает строй
Сквозь крепости
и укрепленья настоящего
Всё дальше,
в город неизвестного;
Её марш движется
при помощи кружащих звёзд,
Которые несут в своих лучах
вселенские послания.
Она не видит направление,
куда идёт,
но движется судьбой;
Она то пробивается
среди враждебных сил вселенной,
А то, расстроенная, ждёт,
в тоске желая
более счастливого рождения.
Но есть второй фронт,
он открыт
на более высоком плане;
И жизненные силы из него, твои,
как перекаты волн
Несут свои
и малые, и крупные формации
в земные дни
И наполняют мощь
твоей земной судьбы,
Иль словно эскадрон ветров-богов
толкаются среди небес,
Трубя дыханьем шторма
и призывом грома
Их стрелы, словно золотые молнии,
исчерчивают небо,
Так выглядит их появление,
их требование и шумный крик.

In armour bright the shining riders
come[,]
Leaders hurrying Destiny's tardy
pace,

Victors preparing grander shocks
to come.

If the soul could rise into that
greater plane
And with its motions quicken
man's petty life,
Erasing the firm consigns of the
stars
Thy will could then give orders to
thy fate[.]
On the radiant skyline of a greater
Mind
The Ideas that Fate fulfils not yet
are seen[.]

The secret Will has its
headquarters there
That planned the tactics of the
things that are
And behind them plans for greater
things to be[.]
Thence gleam the reconnaissances
divine[,]

Thence come the prophet scouts,
the [observer]1 seers,
The godlike dreams, the vast and
wide-winged thoughts
That cannot yet take shape in
earthly life,

But here and there small part-
fulfilments dawned

В сияющей броне приходят
эти ослепительные всадники,
Как предводители
неторопливого движенья
подгоняющей Судьбы,
Как победители,
которые готовят нас
К приходу более великих потрясений.
И если бы душа смогла подняться
в этот более высокий план,
Своим движением ускорить
ограниченную человеческую жизнь,
Сметая напрочь
жёсткие предназначения звёзд,
Тогда бы воля у тебя
могла бы приказать твоей судьбе.
На лучезарных горизонтах
более великого Ума
Идеи, что должны
осуществлять Судьбу,
пока что не заметны.
Там штаб-квартира
тайной Воли,
Где составляются тактические планы
для всего, что существует,
А далее, за ними, планы
более возвышенных вещей.
Оттуда, к нам,
неясно светит зарево
божественной разведки,
Оттуда к нам приходят
и лазутчики-пророки,
Богоподобные мечты,
и необъятные, ширококрылые идеи,
Которые пока ещё
не могут воплотиться здесь,
в земной привычной жизни,
Но озаряют всё —
то там, то здесь,
Частичными своими,
маленькими воплощеньями,

[1] Doubtful reading.

And of their fragments is our
present made.
But if the soul could live upon
those heights,

Then would his life be the
plaything of his thoughts,

His mind could be the shaper of
his fate.
Above all glows a supramental
range.
There is God's staff; there is his
High Command[.]
The Truth lives there which
oversees the world[,]
Of which all things are the
disfiguring robe[.]
O mortal, even now couldst thou
receive
Only some influence from that
marvellous plane,

All then would change, divinity be
thy fate.

И из своих фрагментов
выстраивают наше настоящее.
Но если бы душа
смогла бы жить
на тех высотах,
То жизнь его[1]
была бы маленькой игрушкой
для его идей,
И ум его тогда бы
направлял его судьбу.
А выше этого всего
сверкает план супраментального.
Там ставка Бога;
там — его Верховное Командование.
Там — Истина,
что наблюдает за вселенной,
И для которой всё на свете —
лишь уродливое одеяние.
О смертный, ты сейчас
способен воспринять
Лишь некое влияние
того чудесного
и изумительного плана,
Но день придёт,
всё переменится,
Божественное станет для тебя судьбой.

[1] человека, *прим. пер.*